This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 620.24.5(2,pt.2)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

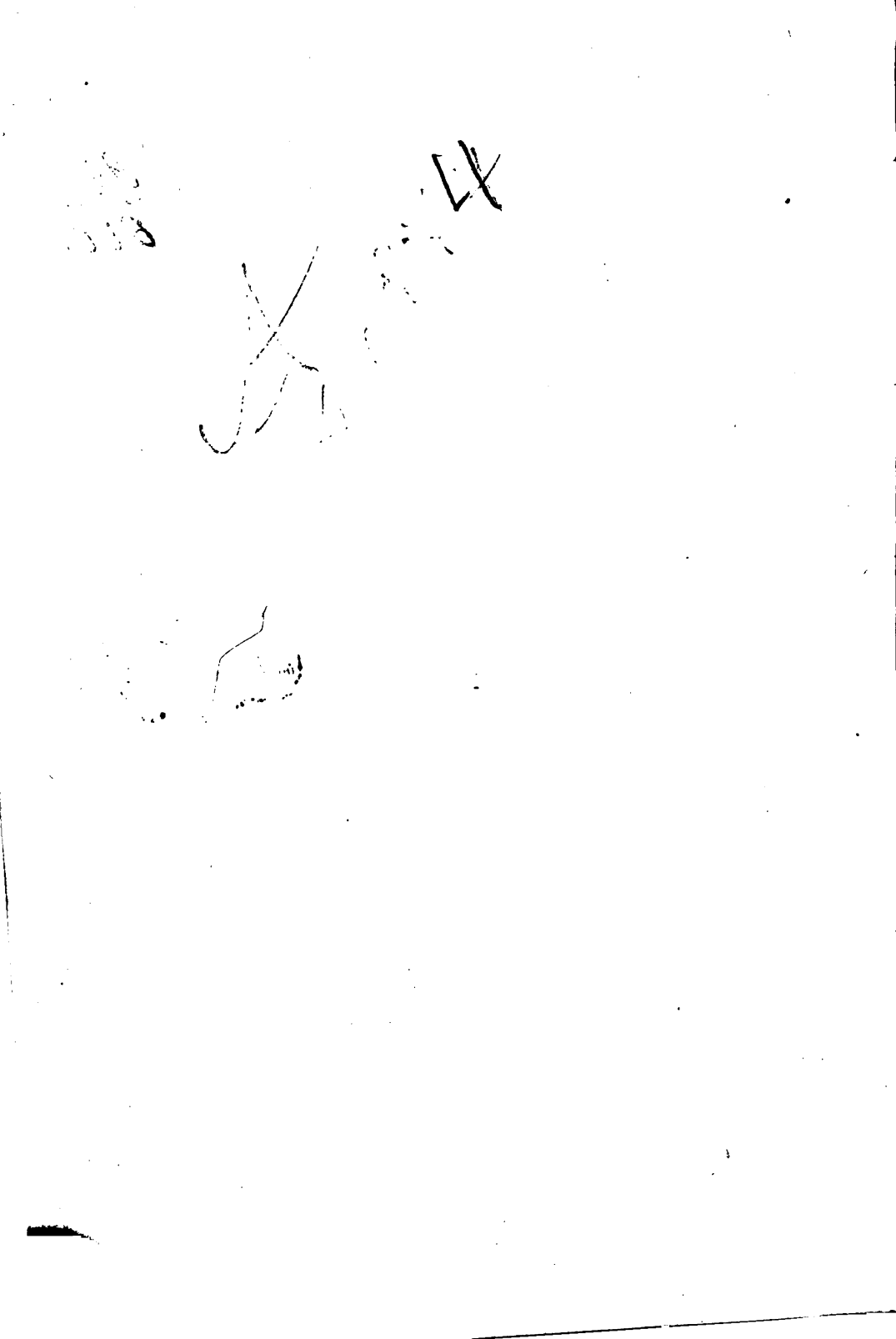
БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

РУССКІЯ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.



92
600.

РУССКІЯ ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВЛАСТИ

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

СОВѢТНИКИ КНЯЗЯ

В. Сергѣевича

заслуженаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

№ 18394.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28
1896

Slav 620.24.5 (2, pt. 2)

2120

Вопроса о нашей древней думѣ я имѣлъ случай коснуться въ первомъ изданіи моего изслѣдованія «Вѣче и князь». Я тогда высказалъ точку зрѣнія, которую развиваю въ настоящемъ выпускѣ древностей, но въ очень бѣглой замѣткѣ: государевой думѣ посвящено тамъ менѣе трехъ страницъ; на дѣятельности же лицъ духовныхъ въ качествѣ княжескихъ совѣтниковъ я и вовсе не останавливался.

Съ тѣхъ поръ государева дума успѣла привлечь къ себѣ особое вниманіе нашихъ ученыхъ и получила обработку въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, развивающихъ совершенно иные взгляды. Я не могу присоединиться ко многимъ изъ нихъ и не считаю полезнымъ

обойти ихъ молчаніемъ. Это сдѣлало необходимымъ къ двумъ главамъ, посвященнымъ изслѣдованію состава и дѣятельности государевыхъ думцевъ, присоединить еще двѣ для обзора литературы предмета.

С.-Петербургъ
16 марта 1896 г.

КНИГА ПЯТАЯ.

Совѣтники князя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Княжеская дума.

Древнѣйшая дума.
Составъ и дѣятельность — 337. Отношеніе къ князю — 348.
Московская дума.
Составъ — 350. Дѣятельность — 380.
Судная боярская коллегія — 394.
Коллегія земскихъ бояръ — 396. Расправная палата — 403.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Литература вопроса о старой думѣ.

Мнѣніе Неволина — 418.
Боярская дума профес. Загоскина — 420.
Составъ — 421. Думныя коммиссіи 421. Дѣлопроизводство и вѣдомство — 423.
Боярская дума профес. Ключевскаго — 427.
Постоянное учрежденіе — 429. Составъ — 430. Вѣдомство — 449. Степень власти — 455.
Мнѣніе профес. Владимірскаго-Буданова — 464.
Мнѣнія иностранныхъ ученыхъ о соотвѣтствующихъ нашей думѣ учрежденіяхъ запада.
Цёпфль и Ваицъ о совѣтѣ германскихъ королей — 467. Гомершамъ Коксъ объ англійскомъ государственномъ совѣтѣ — 469. Глассонъ о томъ же — 474. Шеффнеръ о совѣтѣ французскихъ королей — 475.
Результаты сравненія — 477.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Духовенство.

Отношеніе свѣтской власти къ духовной въ Византіи—481.
Отношеніе свѣтской власти къ духовной на Руси — 497.
Превосходство священства надъ царствомъ — 499. Обязанность свѣтской власти повиноваться духовной — 503. Послѣдствія неповиновенія — 514. Высокое положеніе духовныхъ властей и монашества — 523. Духовныя власти блюдутъ миръ — 528. Князья обращаются къ суду духовенства — 534. Случаи столкновенія духовной и свѣтской власти до XVII вѣка — 539. Измѣненія въ порядкѣ назначенія митрополитовъ — 546. Учрежденіе патріаршества — 557. Двоевластіе — 557. Столкновеніе въ XVII вѣкѣ — 571.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Литература вопроса объ исторической роли духовенства.

Заслуги духовенства — 585.
Его роль по утвержденію единовластія.
Мнѣніе Соловьева — 585, Неизвѣстнаго автора — 586, Прот. Думитрашко — 586, проф. Знаменскаго — 592.
Утвержденіе новыхъ взглядовъ на существо княжеской власти.
Мнѣніе Соловьева — 594, проф. Николаевскаго — 596.
Занесеніе духовенствомъ византійскихъ идей.
Мнѣніе професс. Иконникова — 599, проф. Дьяконова — 602.
Мнѣніе объ отсутствіи въ нашей исторіи борьбы духовной власти со свѣтской — 616.

КНИГА ПЯТАЯ

Совѣтники князя

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Княжеская дума

Существованіе княжеской думы съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д. Но какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ?

Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе. Свидѣтельства источниковъ до московскаго времени очень немногочисленны, кратки и отрывочны. Этимъ, конечно, объясняется то, что они были поняты въ привычномъ для насъ смыслѣ, а не въ

томъ особенномъ, который составляетъ характеристику древняго времени. Мы думаемъ, что цѣльное и послѣдовательное объясненіе всѣхъ дошедшихъ до насъ мѣстъ источниковъ, относящихся къ думѣ, возможно только съ указанной нами второй точки зрѣнія.

Въ нашихъ древнихъ памятникахъ слово «дума» употребляется въ значеніи мысли, намѣренія, плана дѣйствія.

Въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ:

«Томъ же лѣтѣ переступи крестъ Володимиръ Мьстиславичъ: начашася слати къ нему Чагровичи, Чекъманъ и братъ его, Тошмакъ, и Моначюкъ; Володимиръ же, радъ бывъ думѣ ихъ, и посла къ Рагуйлови Добрыничю и къ Михалеви, и къ Завидови, являя имъ думу свою». 1169.

Въ пользу нашего пониманія говоритъ и малая способность древняго времени къ созданію такого искусственнаго учрежденія, какъ постоянный совѣтъ. Это было не въ духѣ и не въ средствахъ X, XI, XII, XIII вѣка. Но мы идемъ далѣе и полагаемъ возможнымъ доказать, что это было не по плечу даже московскому времени. Москва все старое передѣлала на новое и положила начало единому и сильному государству; передѣлала она и княжескую думу, совершенно измѣнивъ отношеніе думцевъ къ царю; но и она не создала учрежденія въ видѣ постояннаго совѣта государева съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. Скажемъ болѣе, московскіе государи не чувствовали въ этомъ ни малѣйшей потребности. Они, какъ и ихъ отдаленные предки, имѣли совѣтниковъ, а не совѣтъ.

Въ первые вѣка нашей исторіи народъ призывалъ князя, ему лично вручалъ онъ власть и зналъ только его. Князю, конечно, были нужны помощники и совѣтники въ дѣлахъ управленія; но это было дѣло его личныхъ удобствъ. Можно ли допустить, что при той неустойчивости государственной жизни, какую наблюдаемъ въ этой отдаленной древности, при частой смѣнѣ князей и постоянномъ колебаніи состава окружающихъ ихъ лицъ, было возможно придти къ мысли

объ учрежденіи постояннаго совѣта? Полагаемъ, что это было и невозможно, а для князя и совершенно не нужно, ибо безъ всякой надобности стѣсняло бы его дѣятельность. Крайне неустойчивая почва древней государственной жизни была лишена необходимыхъ условій для возникновенія постояннаго княжескаго совѣта; цѣли же несложнаго управленія того времени хорошо достигались и при наличности отдѣльныхъ совѣтниковъ или «думцевъ», недостатка въ которыхъ, конечно, не было.

Разсмотримъ, насколько позволяютъ источники, дѣятельность этихъ древнѣйшихъ совѣтниковъ, ихъ составъ и отношеніе къ князю.

Первый вопросъ, который здѣсь долженъ быть поставленъ, заключается въ слѣдующемъ: былъ ли князь обязанъ имѣть совѣтниковъ? Конечно, нѣтъ. Князь призывался народомъ и дѣятельность его опредѣлялась «рядомъ», заключаемымъ непосредственно съ народомъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы народъ имѣлъ обыкновеніе ставить кого-либо между собою и княземъ въ видѣ обязательныхъ и постоянныхъ его совѣтниковъ; наоборотъ, встрѣчаемъ указанія на то, что народъ требовалъ личной дѣятельности князя, напримѣръ, въ отправленіи правосудія и въ предводительствованіи войскомъ. Но личныхъ силъ князя, конечно, было недостаточно не только для управленія вообще, но даже и для дѣлъ правосудія въ частности. Вотъ отсюда и вытекаетъ не обязанность князя имѣть помощниковъ, а фактическая въ этомъ необходимость; и далѣе: если эти помощники были вольные люди, а не рабы, то и необходимость совѣщаться съ ними по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ они призывались оказать князю свое содѣйствіе.

И такъ, князь совѣтуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находитъ это нужнымъ и желательнымъ; во всѣхъ остальныхъ онъ дѣйствуетъ одинъ. Согласно съ этимъ, помятники говорятъ то о дѣйствіяхъ князя съ совѣта бояръ, митрополита и т. д., то о дѣйствіяхъ его безъ всякаго со-

вѣта. Иногда въ такой разнородной формѣ являются акты совершенно однородные, и другой причины различія, кромѣ усмотрѣнія князя, и указать нельзя.

Въ Русской Правдѣ есть свидѣтельства на указную (законодательную) дѣятельность князей безъ содѣйствія какого-либо совѣта: такъ Ярославъ установилъ размѣръ доходовъ вирниковъ (Ак. 42) и смертную казнь раба за ударъ свободному мужу (Ак. 16, Тр. 58), а сыновья его замѣнили смертную казнь болѣе легкими наказаніями. Въ княжескіе договоры XII вѣка вносилась статья о смертной казни дружинниковъ за измѣну князю (Ипат. 1177), и никто, конечно, не будетъ утверждать, что княжескіе договоры заключались не иначе, какъ съ формальнаго согласія какого-либо совѣта. Отъ первой половины того же вѣка имѣются и двѣ подлинныхъ жалованныхъ грамоты, данныхъ разнымъ церковнымъ учрежденіямъ безъ всякой думы съ мужами или боярами. Мы имѣемъ въ виду грамоту Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю, въ которой онъ жалуетъ ему село Буйцы съ данями, вирами, продажами и осеннимъ полюдьемъ (А. Э. I № 2), и грамоту князя Святослава новогородскому епископу, въ которой онъ замѣняетъ десятину отъ виръ и продажъ огульною суммою въ 100 гривенъ (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія I 219).

Выдача жалованныхъ грамотъ безъ думы съ боярами и другими совѣтниками, несмотря на то, что ими предоставлялись пожалованнымъ очень важныя права, была, надо полагать, весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ нашей древности. Это заключаемъ мы изъ того, что и церковный уставъ Владиміра Святаго данъ этимъ княземъ только по совѣщанію съ женою и дѣтьми, а не съ мужами. Оригиналъ устава до насъ не дошелъ; мы имѣемъ его въ редакціи, принадлежащей позднѣйшимъ составителямъ. Для насъ чрезвычайно важно, что эти позднѣйшіе составители не нашли нужнымъ указать въ своей поддѣлкѣ на участіе думы. Если-бы это участіе составляло въ ихъ время (древнѣйшія рукописи устава находились уже въ обращеніи въ

концѣ XIII вѣка, а составлены были, конечно, ранѣе) общее правило, они не упустили бы упомянуть «о думѣ» съ боярами, что-бы придать дѣлу рукъ своихъ признакъ достовѣрности. Если они этого не дѣлаютъ, это ясный знакъ, что «дума бояръ» не составляла необходимости даже въ такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ опредѣленіе правъ церкви. Понятно почему. Князь одаряетъ церковь десятиною изъ своего многоимѣнія. Это его добрая воля. Предоставляя ей судъ въ извѣстныхъ дѣлахъ и вѣдомство нѣкоторыхъ лицъ, онъ только отказывается отъ своихъ правъ. Это опять его добрая воля. Онъ можетъ все это сдѣлать самъ, никакіе помощники ему здѣсь не нужны. Эти пожалованія затрогиваютъ лишь интересы его семьи, и съ нею онъ совѣщается. Такимъ образомъ, важнѣйшія права нашей древней церкви получили свое бытіе отъ личнаго усмотрѣнія князя, безъ участія въ этомъ дѣлѣ боярской «думы». Тоже надо сказать и объ уставѣ новогородской церкви св. Іоанна на Опокахъ, данномъ Всеволодомъ. Подлинность дошедшей до насъ редакціи этой грамоты сомнительна, однако и составители этой редакціи не нашли нужнымъ упомянуть о «думѣ».

Но совершенно въ такихъ же случаяхъ князья нерѣдко обращаются къ «думѣ» со своими мужами. Такъ таже Русская Правда приводитъ распоряженія сыновей Ярослава о размѣрѣ виръ и порядкѣ суда, принятыя ими при участіи мужей (Ак. 17, Тр. 2); точно такъ же при участіи «думы» состоялось постановленіе Владиміра Мономаха о процентахъ (Тр. 48). Жалованная грамота Ростислава Мстиславича смоленской епископіи дана была по думѣ «съ людми своими» (Доп. къ А. И. I № 4, 1150). Грамота Всеволода Новогородскаго о церковныхъ судахъ, дошедшая до насъ не въ первоначальной своей редакціи, упоминаетъ о думѣ съ боярами, сотскими и старостами. Церковный уставъ Ярослава говоритъ о думѣ князя съ митрополитомъ.

Если совершенно однородные акты совершаются то княземъ единолично, то по думѣ съ кѣмъ либо,—это зна-

читъ, что «дума» князя есть актъ его доброй воли, а не обязанность.

Такъ какъ дѣла, подлежавшія рѣшенію князя, обнимали всю область управленія и суда и по свойствамъ своимъ были очень различны, то понятно, что и совѣтники, къ которымъ князю приходилось обращаться, были также различны. Онъ совѣщается то со всею дружиною, то съ нѣкоторыми только ея членами, то съ духовными лицами, то съ людьми не служилыми, то, наконецъ, и съ тѣми, и съ другими, и съ третьими вмѣстѣ. Кромѣ личнаго усмотрѣнія князя, выборъ совѣтниковъ обусловливался всякій разъ особенностями случая.

Если дѣло шло о войнѣ, князь совѣтывался со всею дружиною. Это очень понятно. При господствѣ начала свободнаго отъѣзда, дружинѣ нельзя было приказывать. Если князь хотѣлъ, что-бы она приняла участіе въ предполагаемой войнѣ, надо было заручиться ея согласіемъ. Достаточное доказательство этого положенія даетъ совѣщаніе съ своими дружинами князей Владиміра Мономаха и Святополка-Михаила по поводу войны съ половцами. Первоначально обѣ дружины были противъ войны; Владиміру Мономаху пришлось убѣждать ихъ въ необходимости начать военныя дѣйствія. (Мѣсто приведено въ I т. Юр. др. 305).

Въ дѣлахъ суда князья ограничивались весьма небольшимъ числомъ совѣтниковъ. Надо полагать, что они приглашали въ этихъ случаяхъ только главнѣйшихъ лицъ, имѣвшихъ дѣло съ отправленіемъ правосудія. Такъ сыновья Ярослава, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, въ одномъ случаѣ призываютъ пять совѣтниковъ, въ другомъ—только трехъ; послѣднее совѣщаніе происходило послѣ смерти Ярослава, когда всѣ три князя были уже самостоятельными правителями; такимъ образомъ, на каждаго князя приходится только по одному совѣтнику. Владиміръ Мономахъ, для рѣшенія вопроса о процентахъ, созвалъ шесть совѣтниковъ. Въ этомъ числѣ было трое тысяцкихъ: кіевской, бѣлгородской и переяславской, и Иванка Чудиновичъ, мужъ князя Олега Свя-

тославича. Бояринъ князя Олега и двое иногородныхъ тысяцкихъ никакъ не могли принадлежать къ составу постоянной думы Владиміра Мономаха, ибо не находились при немъ. Надо думать, что они были призваны спеціально для этого совѣщанія (Рус. Пр. Ак. 17, Тр. 2).

Къ обсужденію вопроса о вѣрѣ князь Владиміръ призываетъ не только бояръ своихъ, но и «старцевъ градскихъ», т.-е. людей не служилыхъ; вопросъ касался всего населенія и безъ его содѣйствія не могъ быть проведенъ, а потому и были призваны лучшіе элементы населенія, старцы градскіе. Но «старцы» приглашались Владиміромъ и въ другихъ случаяхъ. Мы встрѣчаемъ ихъ на совѣщаніи, въ которомъ рѣшено было возвратиться къ старой народной системѣ виръ и продажъ (Лавр. 996). Старцы градскіе, какъ люди не служилые, не имѣли непосредственнаго отношенія къ отправленію княжескаго суда, а потому приглашеніе ихъ въ данномъ случаѣ объясняется не прямою ихъ заинтересованностью дѣломъ правосудія, а добрымъ расположеніемъ князя къ населенію, лучшихъ людей котораго онъ желалъ привлечь къ обсужденію вопросовъ законодательства.

Въ дѣлахъ церкви главнымъ совѣтникомъ князя является духовенство. Дошедшая до насъ редакція ярославова церковнаго устава говоритъ, что князь Ярославъ далъ этотъ уставъ, «сгадавъ» съ митрополитомъ.

Но древнему времени не было свойственно принципіальное обособленіе разныхъ предметовъ вѣдомства и лицъ, ихъ вѣдавшихъ. Одно и то же лицо, пользуясь довѣріемъ князя, могло быть его совѣтникомъ по всѣмъ вопросамъ суда и управленія. Вслѣдствіе этого духовныя лица могли привлекаться къ рѣшенію чисто свѣтскихъ вопросовъ, а свѣтскія—церковныхъ.

Лѣтописецъ подъ 997 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ любилъ дружину и думалъ съ нею «о строѣ земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ»; а вслѣдъ за тѣмъ разсказываетъ о совѣщаніи того же князя съ еписко-

пами, на основаніи котораго онъ отвергъ виры и сталъ, по византійскому примѣру, казнить смертію разбойниковъ.

Въ 1128 году игуменъ Андреевскаго монастыря, Григорій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ современниковъ, далъ совѣтъ князю Мстиславу не исполнять договора, заключеннаго съ княземъ черниговскимъ. Совѣтъ этотъ былъ принятъ, хотя князь и раскаявался въ теченіе всей своей жизни въ нарушеніи клятвеннаго обѣщанія. Въ 1166 году вдова черниговскаго князя, Святослава, по совѣту епископа и лучшихъ бояръ мужа своего, таитъ его смерть въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней до пріѣзда сына умершаго князя (Ипат.).

И наоборотъ, свѣтскіе люди участвуютъ въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся дѣлъ церкви.

Вышеупомянутый церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода данъ былъ по думѣ съ владыкою, княгинею, боярами князя, сотскими и старостами новгородскими. Уставъ этотъ есть собственно жалованная грамота, въ которой князь отказывается въ пользу церкви отъ принадлежащихъ ему правъ. Для такого отказа не нужна была ничья воля, кромѣ воли князя. Если онъ привлекаетъ къ этому дѣлу значительное число участниковъ, то, конечно, не потому, чтобы ихъ согласіе было нужно, а для приданія акту большей торжественности и гласности.

Такъ былъ разнообразенъ составъ совѣтниковъ, которыхъ князья привлекали въ свою «думу». Мы имѣемъ передъ собою не учрежденіе, не думу, а думцевъ.

Хотя совѣщаніе съ думцами и не составляло обязанности князя, но, въ виду фактической необходимости въ содѣйствіи князю окружавшихъ его лицъ, оно была весьма обыкновеннымъ явленіемъ нашей древней жизни. Кто же были эти обыкновенные «думцы» князя? Въ большинствѣ случаевъ лѣтопись называетъ ихъ мужами и боярами; послѣднее выраженіе мало-по-малу вытѣсняетъ первое. Вотъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ источниковъ:

«Гюрги князь поваби Вячеслава на столъ Кыеву. Пришедшю же ему Кыеву, боляре размолвиша Гюргя и рѣша:

«брату твоему Кыева не удержати, да не будетъ его тобѣ, ни тому». Гюргеви же послушавшю бояръ...» Лавр. 1150.

«И угодна бысть рѣчь его (Мстислава Изяславича, возбудившаго вопросъ о войнѣ съ половцами) преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ...» Ипат. 1170.

«Прислаша новгородци мужи свои ко Мьстиславу Ростиславичю, зовуче и Новугороду Великому. Онъ же нехотяше ити изъ Руской земли... прилежно бо тщашеться, хотя страдати отъ всего сердца за отцину свою, всегда бо на великая дѣла тъсняся, размышливая съ мужи своими, хотя исполнити отечьствіе свое. Си размышливая вся во сердци своемъ, не хотѣ ити, но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: «брате, аже зовуть тя съ честью, иди! А тамо ци не наша отчина?» Онъ же, послушавъ братьи своей и мужей своихъ, пойде...» Ипат. 1178.

«Рюрикъ же сдума съ братьею и съ мужи своими» 1195.

«Романъ же... дума съ мужи своими» 1195.

«И рѣша ему (Даніилѣ Галицкому) бояре его: пріими Луческъ, здѣ ими князя ихъ. Оному же отвѣщавшу: яко приходихъ здѣ молитву створити св. Николѣ, и не могу того створити» 1227.

Тоже и позднѣе. Отъ второй половины XIV вѣка имѣемъ жалованную грамоту рязанскаго князя Олега; она дана по думѣ съ владыкою и съ бояры. Здѣсь находимъ и любопытное перечисленіе бояръ:

«А бояре со мною были: Софоній Алтыкулачевичь, Семенъ Ѳедоровичь, Микита Андрѣевичь, Тимошь Олександровичь, Манасѣя дядько, Юрьи окольничій, Юрьи чашникъ, Семенъ Микитьичь съ братьею, Павелъ Соробичь». А. И. I, № 2.

Въ Рязани въ XIV вѣкѣ образовался уже значительный штатъ придворныхъ чиновъ; въ составъ его входили дядьки, окольничіе, чашники. Они, конечно, назначались изъ «мужей» или «бояръ». По этому-то они и названы общимъ именемъ «бояръ». Слово бояре въ этомъ широкомъ смыслѣ употребляется и въ московскихъ памятникахъ даже XVII вѣка (см. Рус. Юр. др. т. I, стр. 299 и сл.).

Княжіе мужи и бояре составляютъ высшій классъ слу-

жилыхъ людей, переднюю дружину князя. Эти лучшіе служилые люди и суть обыкновенные думцы князя. Понятно почему. Давать совѣты могутъ только опытные въ дѣлахъ люди, а такими и были «старшіе» или «передніе мужи». Согласно этому нормальному порядку вещей, сложилось и общественное мнѣніе относительно того, кто долженъ быть совѣтникомъ князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и вѣрные слуги князя.

Владиміръ Мономахъ учитъ сыновей своихъ «чтить старыхъ» и, слѣдовательно, внимать ихъ совѣтамъ. Такое же наставленіе лѣтописецъ влагаетъ и въ уста великому князю Константину Всеволодовичу. Отпуская сыновей своихъ по городамъ, онъ сказалъ имъ между прочимъ: «Имѣйте послушанье къ старѣйшимъ васъ, иже васъ на добро учать» Лавр. 1218. Добрые совѣты исходятъ отъ старцевъ, молодые же люди легко поддаются увлеченіямъ, часто гибельнымъ. А потому тотъ же начальный лѣтописецъ, описывая братоубійственное княженіе Святополка, восклицаетъ: «Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтники» 1015.

Эта точка зрѣнія удерживается въ XIV вѣкѣ и переходитъ въ XV и XVI. Великій князь Семенъ Ивановичъ совѣтуетъ своимъ братьямъ лихихъ людей не слушать, а слушать «отца нашего, владыки Алексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ». Рум. Собр. I, № 24, 1353. Дмитрій Ивановичъ приказываетъ дѣтямъ любить бояръ и безъ воли ихъ ничего не дѣлать. А изъ послѣдующаго видно, что онъ разумѣетъ старыхъ бояръ, на глазахъ которыхъ онъ родился и выросъ и при ревностномъ содѣйствіи которыхъ царствовалъ. Воскр. 1389. Іосифъ Волоцкой въ посланіи къ дмитровскому князю Юрію совѣтуетъ ему принять мѣры противъ голода, «обговоривъ съ бояры, якоже подобаше». Доп. къ А. И. I. № 216, 1512. Это «подобающее» совѣщаніе съ боярами людямъ XVI вѣка представлялось старымъ обычаемъ. Берсень въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ говорилъ: «Однако лутче старыхъ обы-

чаевъ держатися, и людей жаловати, и старыхъ почитати». А. Э. I. № 172, 1525. Берсень нашелъ нужнымъ указать на этотъ старый обычай почтенія къ старымъ слугамъ и, слѣдовательно, вниманія къ ихъ совѣтамъ, въ виду того, что великій князь Василій Ивановичъ, по его мнѣнію, не соблюдалъ этого обычая.

Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ рѣчь идетъ о лицахъ, а не объ учрежденіи, памятники говорятъ о думѣ съ боярами, мужами, старцами, а не съ совѣтомъ въ болѣе или менѣе опредѣленномъ и постоянномъ составѣ.

Но «думцевъ» избираетъ самъ князь и, вслѣдствіе этого, составъ ихъ опредѣляется его доброю волею; воля же князя опредѣляется его пониманіемъ окружающаго, которое, въ свою очередь опредѣляется вкусами князя, его привычками, способностями и т. д. Вслѣдствіе этого дѣйствительный составъ думцевъ того или другого князя могъ очень отступать отъ общепринятаго. Лѣтопись записала нѣсколькихъ такихъ случаевъ. О послѣднихъ годахъ княженія Всеволода Ярославича лѣтописецъ говоритъ:

«И нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними. Си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не вѣдущю въ болѣзнѣхъ своихъ». Лавр. 1093.

Черниговскій князь Святославъ рѣшилъ воевать со Всеволодомъ Большое Гнѣздо, «сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ, и не повѣдѣ сего мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея». Ипат. 1180.

А были въ древности и такіе князья, которые вообще не любили никакихъ совѣщаній. О галицкомъ князѣ, Владимірѣ, лѣтописецъ говоритъ: «Бѣ бо любезнивъ питію многому и думы не любяшеть съ мужми своими». Ипат. 1188.

Въ приведенныхъ примѣрахъ наблюдаемъ крайнее сокращеніе числа думцевъ; а встрѣчаются и такіе случаи, когда князь привлекалъ въ свою думу не только «мужей», но дружину въ широкомъ смыслѣ, а иногда и весь народъ. Изя-

славъ Мстиславичъ, задумавъ войну съ дядею Юріемъ, призываетъ на совѣщаніе «бояры своя и всю дружину свою, Кіяне, и рече имъ...» Ипат. 1147. Въ томъ же году «Изяславъ и Ростиславъ... начаста думати съ мужи своими, и съ дружиною, и съ черными клобуки...» Въ первомъ случаѣ цѣлое вѣче превратилось въ княжую думу.

И во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ думою, а съ думцами, число которыхъ колеблется отъ одного до нѣсколькихъ сотенъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла и вкусамъ князя.

Переходимъ къ вопросу объ отношеніи князя къ его думцамъ.

Пока служба была вольная и князь не могъ приказывать своимъ вольнымъ слугамъ, думцы князя могли въ значительной степени ограничивать его усмотрѣніе. Князю надо было убѣждать думцевъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній. Общее дѣйствіе было возможно только тогда, когда думцы соглашались съ княземъ. Въ противномъ случаѣ князю приходилось отказываться отъ задуманнаго имъ дѣйствія. Примѣръ этому даетъ вышеуказанное (стр. 342) совѣщаніе Святополка Михаила и Владиміра Мономаха по поводу войны съ половцами.

Но эта зависимость князя отъ думцевъ была не безусловная. Князь не былъ обязанъ дѣйствовать только съ согласія думцевъ. Онъ могъ дѣйствовать и безъ всякой думы. Если думцы не соглашались съ мнѣніемъ князя, онъ могъ дѣйствовать и безъ нихъ, на свой собственный страхъ, если, конечно, у него было достаточно для этого силъ. Этимъ и объясняются свидѣтельства лѣтописи о совѣщаніяхъ то съ однимъ милостникомъ Кочкаремъ,—то съ младшими людьми помимо старѣйшихъ и т. д. Такъ поступаетъ и волынскій князь, Владиміръ Мстиславичъ. Онъ задумалъ напасть на племянника своего, кіевскаго князя, Изяслава, безъ совѣщанія съ дружиной. Когда онъ, наконецъ, сообщилъ боярамъ своимъ о принятомъ имъ рѣшеніи, они отказались слѣдовать за нимъ, говоря: «О собѣ еси, княже, замыслилъ;

а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Ипат. 1169. Не смотря на этотъ отказъ, легкомысленный князь выступилъ въ походъ и потерпѣлъ жестокую неудачу.

Князь могъ дѣйствовать и помимо воли своихъ вольныхъ слугъ, но такой способъ дѣйствія всегда представлялъ для него серьезныя опасности. Служилые люди, мнѣніемъ которыхъ князь не дорожилъ, оставляли его и переходили къ другому, у котораго надѣялись найти большее къ себѣ вниманіе. Необходимымъ слѣдствіемъ такого ухода являлась слабость князя и упадокъ его власти.

Итакъ, хотя зависимость князя отъ вольныхъ слугъ и не безусловна, но все же она была довольно значительна, особенно въ дѣлахъ войны и мира. Положеніе князя въ нашей древней исторіи было въ значительной степени боевое. Военные вопросы стояли на первомъ планѣ и для удачнаго ихъ рѣшенія весьма было полезно усердное содѣйствіе вольныхъ слугъ. А для этого необходимо было щадить ихъ самолюбіе, а потому терпѣливо выслушивать ихъ мнѣнія и ничего не предпринимать безъ ихъ согласія. Эта зависимость князя была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большее число слугъ требовалось привлечь къ исполненію княжеской воли. Въ дѣлахъ внутренняго управленія и суда, гдѣ князья могли обходиться при помощи очень немногихъ руковъ и имѣли всю свободу выбора, она чувствовалась весьма слабо; въ дѣлахъ войны, всегда требовавшихъ напряженія значительныхъ силъ,—очень сильно.

Вотъ и все, что источники дозволяютъ сказать о думѣ князей до московскаго времени. Это было не постоянное учрежденіе, а собраніе довѣренныхъ и нужныхъ лицъ, съ которыми князь желалъ обсудить какое-либо мѣропріятіе. Составъ этого собранія всегда зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя и состоялъ то изъ небольшого числа 1, 2, 3 лицъ, то включалъ въ себѣ всю княжескую дружину, то, наконецъ, расширялся до цѣлаго вѣча. Различія эти зависѣли отъ особенностей случая, подлежавшаго обсужденію, а главнымъ образомъ отъ воли князя. Одни и тѣ же вопросы

войны обсуждаются то съ однимъ милостникомъ, то со всѣми вольными слугами и цѣлымъ вѣчемъ.

Эта княжеская дума переходитъ и въ Московскую Русь, незамѣтно возникающую на развалинахъ древней Руси. Но Москва все древнее передѣлываетъ на новое, передѣлала она и думу княжескую.

Первая и существенная перемѣна произошла въ измѣненіи отношеній думцевъ къ московскому государю. Московскіе государи превратили вольныхъ слугъ въ невольныхъ и тѣмъ кореннымъ образомъ измѣнили положеніе своихъ совѣтниковъ. Съ того момента, какъ право отъѣзда утратило свое практическое значеніе, думцы великихъ князей московскихъ изъ вольныхъ слугъ, которые могли соглашаться съ ними и не соглашаться, обратились въ покорныхъ исполнителей воли своихъ государей.

Вотъ первая и существенная перемѣна въ положеніи государевыхъ думцевъ объединеннаго Московскаго государства. Подъ вліяніемъ этой перемѣны и должна была происходить дальнѣйшая перестройка государевой думы въ московское время. Характеръ ея вполнѣ предопредѣляется зависимымъ положеніемъ служилыхъ людей, которые призывались въ думу. На этой почвѣ не могло развиться учрежденіе, имѣвшее хотя бы тѣнь самостоятельности предъ лицомъ государя.

Источники московскаго времени гораздо обильнѣе источниковъ древней Руси. Но и они кратки и отрывочны. Указовъ, опредѣляющихъ составъ, компетенцію и порядокъ дѣятельности думы, не было издано. Всѣ наши знанія основываются на трудно уловимой практикѣ.

Начнемъ съ названія и состава. Но при этомъ необходимо сдѣлать оговорку. Мы будемъ вести рѣчь о думѣ государевой, т. е. о собраніи лицъ, думающихъ съ государемъ, или хотя и безъ него, но по его особому на всякій разъ приказу и для него, слѣдовательно, дѣйствующихъ непремѣнно въ качествѣ государевыхъ совѣтниковъ, а не самостоятельно и отдѣльно отъ государя. Предметъ нашего

изслѣдованія — государева дума, а не высшее судебное или правительственное учрежденіе, дѣйствующее безъ государя въ отведенной для него и болѣе или менѣе самостоятельной сферѣ дѣятельности. Мы увидимъ далѣе, что въ Москвѣ возникло и такое самостоятельное учрежденіе, и будемъ имѣть случай коснуться его особенностей и указать его различіе отъ думы. Мы увидимъ также, что государева дума и это новое учрежденіе, обыкновенно, смѣшиваются и свойства второго переносятся на первое, благодаря чему и получается возможность говорить о государевой думѣ, какъ о постоянномъ учрежденіи, съ постояннымъ составомъ и компетенціей.

Какъ памятники удѣльнаго времени говорятъ о думѣ князя съ боярами, мужами и пр., а не о думѣ князя въ смыслѣ постояннаго учрежденія, такъ и московскіе памятники не знаютъ «государевой думы», а по старому продолжаютъ говорить о думѣ съ боярами. Эта терминологія очень употребительна и встрѣчается въ разныхъ примѣненіяхъ: то «царь сидитъ съ бояры», то онъ выражаетъ желаніе «поговорить съ бояры», то «царь указываетъ, а бояре приговариваютъ», то «царь приговариваетъ съ бояры», то докладъ дѣлается «царю и боярамъ» и т. д.

Кого означаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ слово «бояре»? Москва все старое передѣлываетъ на новое; но мы уже не разъ видѣли, что она дѣлаетъ это съ великою осторожностью, щадя старое и исподволь замѣняя его новымъ; московскія новшества не должны были рѣзать ничьего слуха и глаза. Вотъ почему терминъ бояре живетъ и въ XVII в. но значитъ онъ далеко не то, что значилъ прежде. Въ до московское время подъ боярами-думцами князя разумѣли лучшихъ старѣйшихъ бояръ, которымъ противополагались люди новые, молодые. Въ московское время этимъ старѣйшимъ боярамъ соотвѣтствуютъ, до нѣкоторой степени, бояре введенные, составляющіе высшій классъ московскаго боярства. Они ли думцы московскихъ государей?

Хотя чинъ введеннаго боярина жаловался московскими государями, хотя въ это званіе они могли возводить и людей

новыхъ; но по общему правилу въ званіе введеннаго боярина возводились преимущественно члены именитѣйшихъ фамилій. Еслибы московскіе государи совѣщались только съ ними, это значило бы, что они сами себя ограничили въ выборѣ своихъ совѣтниковъ. Къ такимъ самоограниченіямъ не были склонны и удѣльные князья до московской Руси; тѣмъ менѣе могли себя ограничить московскіе государи. Но они пошли далѣе своихъ предшественниковъ; удѣльные князья, совѣщаясь съ «молодшими» людьми, нарушили этимъ общеустановившіяся понятія о княжескихъ думцахъ; московскіе государи совѣщаніе съ мелкими людьми возвели въ правило.

Московскіе великіе князья не менѣе своихъ предшественниковъ, удѣльныхъ князей, нуждались въ совѣщаніяхъ съ довѣренными и опытными людьми. Эти совѣщанія они регулируютъ созданіемъ цѣлаго класса «думныхъ» людей. Въ составъ этого класса прежде всего входятъ бояре введеные. За ними идутъ другіе крупные придворные чины: окольничіе, дворецкіе, крайчіе и пр. Но составъ государевыхъ думцевъ не ограничивается этими высшими чинами, въ ихъ число вводятся и люди очень мелкіе: дворяне и дьяки. Дворяне и дьяки, назначенные въ число государевыхъ думцевъ, носятъ наименованіе думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Прилагательное «думный» не присоединяется къ названію введеныхъ бояръ и другихъ высшихъ чиновъ, ибо они, какъ близкіе и довѣренные люди, изстари бывали думцами. Думное же свойство мелкихъ людей есть новость, а потому къ имени ихъ и оказалось нужнымъ прибавить это новое ихъ качество.

Первое появленіе дворянъ въ числѣ думныхъ людей не можетъ быть указано съ точностью. Шереметевская боярская книга впервые упоминаетъ о назначеніи дворянъ въ думу только подъ 1572 годомъ. Но мы знаемъ, что она очень запаздываетъ. Памятники первой половины XVI вѣка говорятъ уже «о дѣтяхъ боярскихъ, которыя живутъ въ думѣ». Древнѣйшее такое извѣстіе относится къ 1517 г. *).

*) Источники приведены въ I т. Рус. Юр. древн., стр. 432 и сл.

Слово «живутъ» употребляется въ этихъ случаяхъ въ смыслѣ «бываютъ», какъ въ выраженіи: «на свѣтѣ всяко живетъ». Такимъ образомъ, уже въ первой четверти XVI вѣка мелкіе чины входятъ въ составъ государевыхъ думцевъ; а началось это, конечно, ранѣе 1517 года. Нововведеніе это можно относить къ царствованію величайшаго реформатора нашей древней жизни, великаго князя, Ивана Васильевича III.

Еще труднѣе опредѣлить первое назначеніе дьяковъ въ составъ государевыхъ думцевъ. Шереметевскій сводный списокъ въ первый разъ упоминаетъ о такомъ назначеніи только подъ 1655 годомъ. Но до насъ дошли указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ конца XVI вѣка *). Далѣе этого свидѣтельства памятниковъ, намъ извѣстныя, не восходятъ. Но есть основаніе думать, что и думные дьяки могли появиться уже въ царствованіе Ивана Васильевича III. Онъ ограничилъ единоличный судъ бояръ введеныхъ и приказалъ имъ судить не иначе, какъ вмѣстѣ съ дьяками. Необходимымъ слѣдствіемъ этого предписанія является то, что въ половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ дьяка въ качествѣ постояннаго члена существовавшей уже тогда судной боярской коллегіи **). Такимъ образомъ, съ Ивана III дьяки по пятамъ слѣдуютъ за боярами; гдѣ бояринъ, тамъ и дьякъ. Можно думать, что уже при Иванѣ III дьяки «жили» въ думѣ. Прилагательное «думный» для обозначенія дьяка-совѣтника могло возникнуть позднѣе, но самое дѣло—приглашеніе дьяковъ въ думу — совершенно согласно съ политикой Ивана III.

Такимъ образомъ, дума московскихъ государей, по общему правилу, не состоитъ изъ лучшихъ только людей въ старомъ смыслѣ этого слова, въ нее вводятся и маленькіе люди, дворяне и дьяки; тѣмъ не менѣе вся совокупность государевыхъ думцевъ и въ XVII вѣкѣ продолжаетъ называться «боярами», такъ живуча старина! Но иногда

*) Тамъ же, стр. 503.
**) Тамъ же, стр. 490.

смыслъ этого таинственнаго слова раскрывается и памятники говорятъ о сидѣньи царя съ боярами, окольничими, думными дворянами, думными дьяками и ближними людьми *). Иногда же думными людьми называются одни думные дворяне и дьяки. Въ дворцовыхъ разрядахъ подъ 1626 годомъ, при описаніи пріема шведскаго посла, записано:

«А при государѣ были въ полатѣ: бояре, и околничіе, и думные люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне... и дьяки въ золотѣ»...

Подъ думными людьми здѣсь надо разумѣть думныхъ дворянъ и дьяковъ, но, конечно, не потому, чтобы они были государевыми думцами по преимуществу.

Такая неопредѣленность терминовъ, въ силу которой часть можетъ носить имя цѣлаго, свидѣтельствуетъ не объ одной неточности языка нашихъ древнихъ памятниковъ, она говоритъ и о недостаточной выработанности и обособленности тѣхъ учрежденій, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Это сдѣлается яснымъ изъ слѣдующаго.

Государевы думцы именуются то кратко «боярами», то пространно: «боярами, окольничими, думными дворянами и думными дьяками». Но эти же самые термины употребляются и для обозначенія учрежденій, весьма различныхъ отъ думы.

Памятники второй половины XVI вѣка говорятъ о судѣ боярской коллегіи **). Мы не можемъ съ точностью утверждать, была ли это коллегія постоянная, или она назначалась для каждаго дѣла особо; но во всякомъ случаѣ такую судную боярскую коллегію надо отличать отъ государевой думы: она не думаетъ съ государемъ, а сама вершитъ предоставленныя ея вѣдѣнію дѣла. Несмотря на это существенное различіе, коллегія эта, какъ и дума государева, называется словомъ «бояре». Въ составъ ея, какъ и въ составъ думы, входятъ не одни бояре, но и думные дворяне и другіе думные чины.

---

*) Дворц. разр. III стол. 1095.

**) Рус. Юр. древ. I т. стр. 374 и 490.

Въ памятникахъ XVII вѣка этотъ боярскій судъ обозначается подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ входящихъ въ его составъ членовъ. Въ Уложеніи читаемъ:

«А боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и, по государеву указу, всякая дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ» X. 2.

Или въ указѣ 1676 года:

«Великій государь указалъ боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людемъ съѣзжаться въ верхъ на первомъ часу и сидѣть за дѣлы». П. С. З. № 621.

Бояре и другіе думные люди, обязанные съѣзжаться въ опредѣленный часъ и рѣшать текущія дѣла въ силу предоставленной имъ власти, представляютъ, въ данномъ случаѣ, не думу государеву, а особое административно-судебное учрежденіе; тѣмъ не менѣе и они, какъ и государева дума, обозначаются перечисленіемъ тѣхъ же думныхъ чиновъ, это тоже бояре, или: бояре, окольничіе и думные чины.

Но тотъ же терминъ «бояре» усвояется и отдѣльнымъ приказамъ; хотя въ составъ ихъ входятъ и не одни думные чины, тѣмъ не менѣе приговорамъ приказовъ усвояется наименованіе «боярскаго приговора», какъ и приговорамъ царской думы.

Въ 1628 году приговоръ Помѣстнаго приказа названъ «боярскимъ приговоромъ». Въ 1647 году послѣдовало, по одному частному дѣлу, рѣшеніе въ судномъ Владимірскомъ приказѣ, состоявшемъ изъ одного боярина, одного окольничаго и двухъ дьяковъ. Выигравшая сторона проситъ дать ей правую грамоту «противъ суднаго дѣла и боярскаго приговора». Въ 1671 году архимандритъ Чудова монастыря проситъ великаго государя пожаловать монастырь, приказать его спорное дѣло слушать своимъ государевымъ боярамъ. Государь пожаловалъ, приказалъ взнести это дѣло къ своимъ «боярамъ, которымъ приказано Москву вѣдать». А Москву въ это время вѣдалъ всего одинъ боринъ, кн. Григ. Сем. Куракинъ; товарищами же его были: окольничій

кн. Ив. Сем. Барятинскій, думный дворянинъ, Ив. Аѳан. Прончищевъ, да двое думныхъ дьяковъ: разрядный, Герас. Дохтуровъ, и стрѣлецкій, Лар. Ивановъ. Эти бояре приговорили по прежнему «боярскому приговору»; а этотъ прежній «боярскій приговоръ» состоялся въ Помѣстномъ приказѣ. Въ 1676 году по указу великаго государя « въ Отвѣтной палатѣ передъ бояры, передъ княземъ Мих. Юр. Долгоруково съ товарищи, чтены гостямъ договорныя жалованныя грамоты...» А кн. Мих. Юр. Долгорукій вѣдалъ въ это время приказъ Казанскаго дворца, товарищами же его были не бояре, даже не окольничіе и не думные дворяне, а три дьяка *).

Итакъ, бояре и боярскій приговоръ имѣли въ Москвѣ очень широкое значеніе. Словомъ «бояре» обозначаются государевы думцы, высшій судъ и даже отдѣльные приказы, состоявшіе изъ одного боярина и нѣсколькихъ дьяковъ, даже не думныхъ. Словами «боярскій приговоръ» можетъ быть названъ приговоръ каждаго изъ этихъ учрежденій.

Но какъ бы ни была велика неопредѣленность древней терминологіи и необособленность учрежденій, все же московское время представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ въ области организаціи высшихъ установленій, а въ числѣ ихъ и государевой думы. Въ Москвѣ думные чины «сказываются», а это значитъ, что званіе думнаго человѣка составляетъ постоянный признакъ введеннаго боярина, окольничаго, думнаго дворянина и думнаго дьяка. Думный человѣкъ приглашается не случайно на то или другое засѣданіе государевой думы, а въ силу того, что онъ объявленъ думцемъ царя. Отсюда легко придти къ заключенію, что въ Москвѣ мы уже имѣемъ дѣло не съ думцами только, а съ постояннымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ опредѣленнаго числа членовъ. Такъ и думаютъ всѣ изслѣдователи боярской думы. Проф. Загоскинъ, перу котораго принадлежитъ лучшее сочиненіе о боярской

*) А. до Ю. Б. I, № 72, II. Ѳедотовъ Чеховскій № 118 и 134. Дворц. разр. III, стол. 1424, ср. 1415. Рум. собр. IV, № 105.

думѣ, говоритъ о правѣ думныхъ людей присутствовать въ государевой думѣ въ силу своего положенія *). Хотя этотъ выводъ представляется довольно натуральнымъ слѣдствіемъ наличности думныхъ чиновъ, тѣмъ не менѣе есть достаточное основаніе сомнѣваться, чтобы московскіе думные люди имѣли по положенію своему право принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, занимавшихъ московскихъ государей. Такое право думныхъ людей предполагаетъ обязанность московскихъ государей совѣщаться съ ними; а наличность такой обязанности еще никѣмъ не была доказана. Думный чинъ свидѣтельствуетъ не о правѣ думныхъ людей давать совѣты царю, а о правѣ царя призывать въ свою думу не только бояръ, но дворянъ и даже дьяковъ.

На долю московскихъ князей выпала великая и трудная задача—созданіе Московскаго государства. Для этого были нужны люди. Надо было умѣть привлекать ихъ къ себѣ. И московскіе государи умѣли это дѣлать. Они щедро раздавали служилымъ людямъ земли и льготы и образовали преданный себѣ классъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Но не все можно было купить одной щедростью. Приходилось еще имѣть дѣло съ мнѣніями и привычками служилаго класса. Ихъ нельзя было игнорировать, къ нимъ надо было относиться съ нѣкоторой долей уваженія. Эти обычныя мнѣнія требовали, чтобы князья совѣщались со «старѣйшими». Но это уже опека, а опека стѣсняетъ. Надо было почтить «старѣйшихъ» и дать дорогу «молодшимъ». Учрежденіе думныхъ чиновъ счастливо разрѣшило эту трудную задачу. Въ бояре введеные назначаются члены именитыхъ фамилій, которые, такимъ образомъ, составляютъ первые ряды государевыхъ совѣтниковъ. Но къ совѣту допускаются и мелкіе люди. Эти мелкіе люди остаются, однако, въ мелкихъ чинахъ дворянъ и дьяковъ, а потому и не задѣваютъ отеческой чести людей родовитыхъ. Созданіе дум-

*) Дума боярская, стр. 46.

ныхъ чиновъ—очень тонкая мѣра московскихъ политиковъ. Она даетъ свободу государямъ совѣтоваться съ кѣмъ имъ угодно, не оскорбляя родовой чести людей именитыхъ, которые пользуются въ государевой думѣ первымъ мѣстомъ и почетнѣйшимъ титуломъ боярина.

Мы подходимъ къ вопросу о дѣйствительной роли думныхъ людей и о дѣйствительномъ составѣ государевой думы.

Московскіе князья не менѣе удѣльныхъ могли всякія дѣла дѣлать одни, не спрашивая ничьего совѣта. Они совѣщались съ думными людьми только тогда, когда сами этого хотѣли. Въ этомъ отношеніи они были еще свободнѣе своихъ предшественниковъ. Тѣмъ нужно было согласіе вольныхъ слугъ, а потому имъ приходилось убѣждать ихъ; московскіе государи имѣютъ дѣло съ обязанными слугами, они приказываютъ имъ. Мы имѣемъ массу единоличныхъ актовъ московскихъ государей по всѣмъ вопросамъ законодательства, суда и управленія, въ которыхъ и рѣчи нѣтъ о какомъ либо совѣтѣ.

Жалованныя льготныя грамоты даются московскими князьями единолично безъ упоминанія о какомъ-либо боярскомъ приговорѣ; жалованныя-уставныя точно также; губныя грамоты, таможенныя, наказы воеводамъ—также. А въ этихъ грамотахъ все наше законодательство съ первыхъ годовъ возникновенія Московскаго государства. Это, конечно, только старая до-московская практика.

Тоже надо сказать и о судѣ князя. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, установляющихъ привилегированную подсудность, говорится: «сужу азъ, князь великій, или бояринъ мой введеный». Князь судитъ одинъ, а если ему нельзя, вмѣсто него судитъ бояринъ его введеный, тоже одинъ.

Право князя все дѣлать единолично не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Лишь для иллюстраціи въ лицахъ старой практики мы приведемъ, въ порядкѣ времени, нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ.

Въ 1558 г. «бояринъ Ив. Анд. Булгаковъ приказалъ

дьякамъ, Юрію Баженину да Василью Мелентьеву, а велѣлъ записать въ тетрадь, памяти ради, что царь и великій князь приказалъ имъ, боярамъ, своимъ словомъ...» А далѣе слѣдуетъ государевъ указъ о порядкѣ обысковъ. Въ томъ же году послѣдовалъ «государевъ приговоръ» о закладныхъ вотчинахъ. Въ слѣдующемъ году состоялся государевъ приказъ казначеямъ о судѣ по кабаламъ. 15 октября 1560 г. государь слушалъ докладъ о взысканіи по кабаламъ и приказалъ казначеямъ выдавать несостоятельныхъ должниковъ головою до искупа, а продаваться имъ въ полные холопы не дозволилъ *).

Въ 1607 г. послѣдовалъ указъ Василія Ивановича Шуйскаго о добровольныхъ холопахъ **).

15 января 1628 г. государю и великому князю, Михаилу Ѳедоровичу, и отцу его великому государю, святѣйшему патріарху, Филарету Никитичу, докладывали окольничей и два дьяка о разныхъ вопросахъ по гражданскому судопроизводству, и по тому докладу государи дали свой указъ. Въ слѣдующемъ году послѣдовалъ новый указъ государей по докладу тѣхъ же лицъ и по тѣмъ же вопросамъ и еще два указа одного Михаила Ѳедоровича: первый изъ нихъ былъ вызванъ просьбой людей черныхъ сотенъ объ облегченіи ихъ постойной повинности; мотивъ второго не виденъ, имъ предписывается земскому приказу вѣдать извощиковъ. Въ 1631 г. по докладу двухъ дьяковъ Разбойнаго приказа послѣдовалъ царскій указъ о лихованныхъ обыскахъ и пыткахъ и т. д. ***).

Тоже продолжается и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Вотъ нѣсколько его личныхъ распоряженій, данныхъ въ 1675 году. Въ апрѣлѣ, по докладу думнаго дьяка, государь приказываетъ «вершить» стрѣлецкую жену за то, что она убила своего мужа. Въ маѣ государь указалъ тому

*) А. И. I. № 154, IX, X, XII, XVI.
**) А. И. II. № 85, I.
***) А. И. III. № 92, XII, XV, XVI, XXIII: № 168.

же думному дьяку произвести слѣдствіе въ его государевомъ великомъ дѣлѣ. Въ іюнѣ государь указалъ боярину Ар. Сер. Матвѣеву, по сыску и по распроснымъ рѣчамъ, сослать въ ссылку по разнымъ городамъ жену стольника Мусина Пушкина и др., а помѣстія ихъ и вотчины отписать на себя, великаго государя. Въ августѣ государь пожаловалъ князя Великаго-Гагина, не велѣлъ думному дьяку разрядному посылать къ нему межевщика до своего указу *).

Итакъ, думные люди не суть необходимые совѣтники. Московскіе государи издаютъ единолично своею властію всякаго рода указы: законодательные, судебные и правительственные. Они совѣщаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ это нужнымъ; но совѣщаются они не съ учрежденіемъ, а съ такими думцами, которыхъ пожелаютъ привлечь въ свою думу.

Любопытныя указанія на думцевъ великаго князя Василія Дмитріевича находимъ въ грамотѣ Эдигея. Ордынскій князь упрекаетъ московскаго государя за то, что онъ пересталъ слушать «старцовъ старыхъ», что единственный его совѣтникъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошка. Этого Ив. Ѳед. Кошку, казначея, Эдигей называетъ «любовникомъ князя и старѣйшиной», изъ словъ котораго и изъ думы великій князь не выступаетъ. Эдигей очень этимъ недоволенъ; онъ совѣтуетъ князю «тако не дѣлать, молодыхъ не слушать, а собрать старѣйшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича, Петра Константиновича, и Ивана Микитича и иныхъ многихъ старцовъ и съ ними думать добрую думу» **).

Ни въ порицаніяхъ, ни въ совѣтахъ Эдигея и намека нѣтъ на думу въ смыслѣ учрежденія. Василій Дмитріевичъ, какъ и его отдаленный предокъ, Всеволодъ Ярославичъ, пересталъ совѣтоваться со старцами и началъ любить смыслъ юныхъ совѣтниковъ и главнымъ образомъ, Ив. Ѳед. Кошки, по думѣ котораго и сталъ дѣйствовать. Эдигей совѣтуетъ

*) Дворц. разр. III, стол. 1346, 1423, 1443, 1578.
**) Рум. собр. IV. № 15, 1409.

ему совѣщаться не съ существующей думой, а съ извѣстными старѣйшими боярами, имена которыхъ и перечисляетъ. Рѣчь идетъ о лицахъ, а не объ учрежденіи.

Въ лѣтописи подъ 1471 г. сохранилось описаніе «думы» великаго князя Ивана Васильевича о походѣ на Новгородъ. Князю предстояло великое дѣло; лѣтописецъ разсказываетъ, что мысль о войнѣ съ Новгородомъ вызвала слезы на глаза князя. Съ кѣмъ же онъ обдумывалъ этотъ важный шагъ? Не съ думой-учрежденіемъ, а съ думцами, созванными на этотъ только случай.

«И много мысливъ о семъ (т.-е. объ измѣнѣ новогородцевъ), и тако возвѣщаетъ о семъ отцу своему, митрополиту Ѳилиппу, и матери своей, в. к. Маріи, и сущимъ у него бояромъ его, что поитти на Новгородъ ратію; они же, слышавше си совѣтуютъ ему, упованіе положивъ на Бозѣ, исплънити мысль свою надъ новогородцы за ихъ неисправленіе и отступленіе». Воскр.

«Сущіе при князѣ бояре» это, конечно, не дума, а бояре, случайно остававшіеся при князѣ въ этотъ моментъ и не находившіеся въ какихъ либо посылкахъ; къ нимъ князь присоединилъ митрополита и мать свою. Но это совѣщаніе, въ виду важности случая, оказалось недостаточнымъ; за нимъ послѣдовало другое, въ которомъ приняли участіе бояре, князья, всѣ епископы и лучшіе изъ служилыхъ людей вообще. Оно такъ описано въ лѣтописи:

«И.... князь велики розосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своея, и по князи, и по бояре свои, и по воеводы, и по вся воа своа; и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ възвѣщаетъ мысль свою, что итти на Новгородъ ратію, «понеже бо во всемъ измѣниша и никоея же правды обрѣтеся въ нихъ нимала. Но поитти ли нынѣ на нихъ или не поити? понеже лѣтнее уже время, а земля ихъ многи воды имать около себе, и езера великіе, и рѣки, и болота многи и зело непроходимы; а прежніи велиціи князи о то время на нихъ не хаживали, а хто ходилъ, тотъ мнози люди истерялъ». И мыслйвше о томъ не мало.....» Воскр.

Первое совѣщаніе далеко не заключало въ себѣ всѣхъ думцевъ, второе—далеко вышло за предѣлы думныхъ людей. Все это объясняется особенностями случая, а не конституціей думы. Князь желаетъ совѣщаться и на первый разъ совѣщается съ тѣми людьми, которые оказались подъ рукой. Но походъ, по времени года, представлялъ большія трудности, оказалось нужнымъ посовѣщаться со всѣми людьми, знакомыми съ дѣломъ; призвали воеводъ и воиновъ. Но ни первое, ни второе собраніе не есть постоянная дума; и то и другое собрано на случай. Въ постоянную думу дѣло вовсе не было внесено по той простой причинѣ, что такой думы не было.

Василій Дмитріевичъ любилъ совѣщаться съ однимъ совѣтникомъ, Ив. Ѳед. Кошкою; число обыкновенныхъ совѣтниковъ его правнука, вел. кн. Василія Ивановича, не превышаетъ двухъ. Это извѣстно изъ тайной бесѣды Берсеня-Беклемишева съ Максимомъ-Грекомъ. «А нынѣ деи, говорилъ Берсень, государь нашъ запершыся самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ». Этотъ все рѣшающій совѣтъ двухъ лицъ у постели не былъ, конечно, совѣтомъ думы-учрежденія, а былъ совѣтомъ думцевъ, который могъ состоять и изъ двухъ, и изъ трехъ, и изъ пяти лицъ, смотря по желанію князя.

Образчикъ такой думы даютъ послѣдніе дни жизни Василія Ивановича. Чувствуя приближеніе смерти, великій князь сталъ думать о томъ, какъ составить духовное завѣщаніе и кому поручить его исполненіе.

Обсужденіе такого чрезвычайнаго вопроса, конечно, не относится къ текущимъ дѣламъ, разрѣшаемымъ въ обыкновенномъ порядкѣ управленія. Какъ бы, однако, ни былъ этотъ вопросъ важенъ и не обыченъ, трудно думать, чтобы вел. князь отступилъ въ этомъ случаѣ отъ обыкновеннаго порядка своихъ совѣщаній. Дѣйствительно, дошедшій до насъ довольно подробный разсказъ лѣтописи совершенно подтверждаетъ и свидѣтельство Берсеня и то, что мы уже

знаемъ о совѣщаніяхъ московскихъ государей съ своими думцами.

«Великій князь Василій Ивановичъ, читаемъ въ Царственной книгѣ, пусти въ думу къ себѣ, къ духовнымъ грамотамъ, дворецкаго своего тверскаго, Ивана Юрьевича Шигону, и дьяка своего, Меньшова Путятина. И нача мыслити князь великій, кого пустити въ ту думу и приказать свой государевъ приказъ *).

Это и есть совѣтъ «у постели самъ третей». На немъ былъ если не рѣшонъ окончательно, то намѣченъ важнѣйшій вопросъ о томъ, кого призвать къ составленію духовной грамоты и къ ея исполненію, т. е. и вопросъ о правленіи въ малолѣтство Ивана Васильевича. За этимъ первымъ засѣданіемъ «у постели» послѣдовало второе — болѣе многочисленное. Оно состоялось уже по возвращеніи вел. кн. изъ Волоколамска въ Москву. Въ это засѣданіе, кромѣ двухъ названныхъ уже совѣтниковъ, были приглашены бояре: Вас. Вас. Шуйскій, Мих. Юр. Захарьинъ и Мих. Сем. Воронцовъ, казначей Пет. Ив. Головинъ да дьякъ Ѳед. Мишуринъ. Это, надо полагать, первоначальный составъ, предрѣшонный въ первомъ засѣданіи; но онъ былъ пополненъ. Лѣтописецъ говоритъ:

«Тогда же князь вел. прибави къ себѣ въ думу къ духовной грамотѣ бояръ своихъ: кн. Ив. Вас. Шуйскаго, да Мих. Вас. Тучкова, да кн. Мих. Львова Глинскаго. Князя же М. Л. Глинскаго прибавилъ потому, поговаря съ бояры, что онъ въ родствѣ женѣ его, вел. кн. Еленѣ» **).

Лѣтописецъ не только перечисляетъ составъ думы, но и указываетъ, о чемъ шла рѣчь въ засѣданіи, хотя и довольно кратко:

«И начатъ князь велики говорити, читаемъ въ Софійской лѣтописи (270), о своемъ сыну, о князѣ Иванѣ, и о

*) Царст. кн. стр. 6; съ нею согласенъ и разсказъ Софійск. лѣт. П. С. Р. Л. VI стр. 268.

**) П. С. Р. Л. VI. 270.

своемъ великомъ княженіи, и о своей духовной грамотѣ, понеже бо сынъ его бѣ младъ, токмо трехъ лѣтъ на четвертой, и какъ строитися царству послѣ его; и тогда князь велики приказа писати духовную грамоту дьякамъ своимъ, Меншому Путятину да Ѳедору Мишурину».

Мы имѣемъ передъ собой совѣщаніе царя съ думцами. Положеніе царства было очень трудное, такъ какъ наслѣднику престола было всего три года. Предстояло устроить правительство; это, конечно, и разумѣлъ лѣтописецъ, говоря: «какъ строитися царству послѣ его». По обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ и была написана духовная грамота, въ которую, по всей вѣроятности, было внесено и постановленіе о правительствѣ. Члены совѣщанія, надо полагать, подписались въ качествѣ свидѣтелей. Къ сожалѣнію, грамота эта до насъ не дошла. Очень можно думать, что дѣйствительное правительство, захватившее власть по смерти царя, несоотвѣтствовало предположенному, а потому и былъ поводъ захватившимъ власть скрыть и уничтожить ее.

Думаю, что описанныя лѣтописцемъ два совѣщанія не представляютъ ничего чрезвычайнаго, выходящаго изъ ряда ежедневныхъ явленій; мы имѣемъ здѣсь картину обыкновенныхъ совѣщаній Василія Ивановича съ своими думцами. Онъ началъ, какъ всегда, съ совѣщанія съ двумя довѣренными лицами. Но такъ какъ вопросъ былъ великой важности, то вел. князь нашелъ нужнымъ расширить свою думу. Сперва онъ рѣшилъ составить ее изъ семи лицъ, а за тѣмъ прибавилъ къ нимъ еще трехъ. Такимъ образомъ, и эта дума была составлена на случай, какъ и обѣ извѣстныя намъ думы Ивана Васильевича. Число всѣхъ думныхъ людей за послѣдній годъ царствованія Василія Ивановича намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что бояръ введеннымъ у него было 20 человѣкъ; окольничихъ отъ царствованія Ивана Васильевича осталось—6; сколько было думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ—не знаемъ; тоже не знаемъ, сколько было думныхъ людей другихъ придворныхъ чиновъ: дворецкихъ, крайчихъ и пр. Но мы скорѣе умень-

шимъ, чѣмъ увеличимъ дѣйствительное число думцевъ, если положимъ его въ 35 человѣкъ. Изъ этого то общаго числа думцевъ на думу о духовной было приглашено: пять бояръ, одинъ дворецкій, одинъ казначей и два дьяка, итого 9 на 35. Кромѣ того въ думу приглашенъ былъ и одинъ не думный человѣкъ, Мих. Льв. Глинскій. Приглашеніе его было обставлено особой оговоркой. Вел. князь нашелъ нужнымъ особенно поговорить о немъ со своими думцами. Онъ мотивировалъ свое желаніе имѣть Глинскаго въ думѣ тѣмъ, что онъ родственникъ женѣ его. Это чрезвычайно любопытный фактъ; онъ указываетъ на то во 1-хъ, что въ думу приглашаются, обыкновенно, только думные чины; и во 2-хъ, что въ данномъ случаѣ мы именно имѣемъ дѣло съ обыкновеннымъ засѣданіемъ княжескаго совѣта, какъ онъ понимался въ древнее время. Небольшое число дѣйствительныхъ думцевъ не должно насъ удивлять. Князь пригласилъ всѣхъ, кто ему былъ нуженъ. Отъ приглашенныхъ же не могла изойти иниціатива о расширеніи думы. Они, конечно, очень были довольны сдѣланнымъ имъ предпочтеніемъ и не въ ихъ интересахъ было хлопотать о распространеніи этого предпочтенія на другихъ.

Этимъ вторымъ совѣщаніемъ и закончилось дѣло о составленіи духовной и о устроеніи царства *).

---

*) Софійская лѣтопись, описывая послѣднія минуты жизни князя, упоминаетъ о собраніи въ его опочивальнѣ митрополита, братьевъ вел. князя и всѣхъ бояръ, которые, услышавъ о болѣзни государя, съѣхались изъ своихъ вотчинъ, и приводитъ прощальную рѣчь, сказанную великимъ княземъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ. Есть изслѣдователи, которые и въ этомъ прощальномъ свиданіи князя со своими слугами видятъ «засѣданіе полной думы». Это едва-ли вѣрно. Все дѣло объ устройствѣ царства покончено написаніемъ завѣщанія. Въ прощальномъ свиданіи царь не совѣщается, а проситъ своихъ слугъ сохранить вѣрность сыну и не обижать М. Л. Глинскаго, который былъ ему «прямой слуга». Дня черезъ два послѣ этого прощанія вел. князь снова призвалъ къ себѣ тѣхъ десять думцевъ, съ которыми писалъ завѣщаніе: «и быша у него тогда бояре, говоритъ лѣтописецъ, по перечисленіи именъ приглашенныхъ, отъ третьяго часа

Въ малолѣтство Ивана Грознаго дѣйствовала не дума государева, а правительство, а потому въ это время не могло произойти никакихъ перемѣнъ въ организаціи думы. Существенную перемѣну замѣчаемъ въ краткій промежутокъ времени господства при дворѣ Сильвестра и Адашева. Перемѣна эта основывалась не столько на указахъ царя, сколько на новой практикѣ, которую удавалось нѣкоторое время проводить новымъ любимцамъ. Указанія на эту новую практику находимъ въ совершенно согласныхъ свидѣтельствахъ царя и его противника, кн. Курбскаго.

Описывая полезную дѣятельность Сильвестра и Адашева, кн. Курбскій говоритъ:

«Отгоняетъ (Сильвестръ) отъ него (отъ царя) оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь ласкателей и

до седмаго, и приказавъ имъ о своемъ сыну, вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ, и о устроеніи земскомъ, и како быти и правити послѣ его государство, и поидоша отъ него бояре. А у него остася Михайло Юрьевъ, да кн. Мих. Глинскій, да Шигона, и быша у него до самые нощи, и приказавъ о своей вел. кн. Еленѣ, и како ей безъ него быти, и како къ ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказа, како безъ него царству строитися». Соф. 271. Приведенный «приказъ» государя сперва десяти, а потомъ тремъ думцамъ также разсматриваютъ какъ засѣданіе думы. Это едва-ли. Лѣтопись говоритъ не о думѣ, а о приказѣ вел. князя своимъ думцамъ. И это понятно. Московскіе государи не только совѣщаются со своими думцами, но и приказывать имъ могутъ. Дума кончилась составленіемъ завѣщанія. Теперь, въ послѣднюю минуту жизни (описанное происходило въ среду, 3 декабря вечеромъ, а въ полночь съ 3-го на 4-е царь скончался) едва-ли было время для совѣщанія. Князь, надо полагать, выражалъ свою волю, приказывалъ въ послѣдній разъ, а не совѣщался. Это гораздо болѣе вѣрятно. Иначе Ключевскій, Боярская дума, пер. изд. стр. 336 и сл.

Карамзинъ (VIII. пр. 2) говоритъ: «Напрасно князь Щербатовъ угадывалъ, кто именно засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ при Еленѣ: санъ боярина означалъ великокняжескаго совѣтника». Полагаемъ, что кн. Щербатовъ далеко не напрасно старался разгадать составъ правленія въ малѣтство Ивана IV. Можно думать, что десять совѣтниковъ, приглашенныхъ къ составленію духовной и къ выслушанію послѣднихъ приказаній вел. князя, и предназначались имъ въ правители.

человѣкоугодниковъ... и присовокупляетъ къ себѣ въ помощь архіерея (Макарія) онаго великаго города, и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ... И къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и свершенныхъ, во старости маститей сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ ко всѣму искусныхъ. И сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничего же устроити или мыслити... И нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада. Воистину по дѣломъ и нарѣченіе имѣли, понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому... и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устрояютъ, яко надъ ѣздными (конными), такъ и надъ пѣшими; а аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ и окровивъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые же изъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились». Сказанія, 2-е изд., стр. 10 и сл.

Итакъ, у царя оказались опекуны, которые удалили отъ него людей вредныхъ и окружили его хорошими. Эти хорошіе люди составили «избранный его совѣтъ», безъ котораго онъ ни дѣлать, ни даже мыслить ничего не могъ.

Дума царская получаетъ, такимъ образомъ, совершенно новый обликъ въ это время. Она не составляется всякій разъ вновь изъ совѣтниковъ по усмотрѣнію государя; а состоитъ изъ постоянныхъ членовъ, которые не только даютъ совѣтъ, который можно принять и не принять, а связываютъ волю государя. «Избранная рада» имѣетъ свои убѣжденія, настаиваетъ на нихъ и проводитъ ихъ.

Ограниченіе своей власти новыми любимцами и «избранной радой», составъ которой ему навязывали, подтверждаетъ и царь. Въ его отвѣтѣ на первое посланіе Курбскаго читаемъ:

«И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, упрекаетъ онъ Курбскаго, нарицая благочестіе, еже подъ вла-

стію нарицаемаго попа и вашего злочестія повелѣнія самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и невосхотѣхомъ подъ властію быти попа съ вашего злодѣянія». 162. «Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладатися царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ и царю повелѣваему быти?» 171.

А далѣе, въ томъ же письмѣ, находимъ мѣсто во всѣхъ частностяхъ подтверждающее выше сдѣланную выписку изъ сказанія Курбскаго:

«Такоже Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаща совѣтовати отай насъ (тайно), мнѣвше насъ не разсудныхъ суща. И тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по малу всѣхъ васъ, бояръ, начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами ровняюще... И тако по малу сотвердися сія злоба. И васъ почалъ причитати къ вотчинамъ, ко градамъ и къ селамъ... и тѣ вотчины вѣтру подобно раздалъ неподобно... И потомъ единомысленника своего, кн. Дмитрія Курлятева, къ намъ въ сигклитію припустилъ. Насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, духовнаго ради совѣта, будто души ради, то творитъ, а не лукавствомъ: и тако съ тѣмъ своимъ едимысленникомъ начаша злый свой совѣтъ утверждати, ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ своя хотѣніе улучиша. По семъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ, боярамъ нашимъ по нашему жалованью, честью предсѣданія почтеннымъ быти. Сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, якоже вамъ годѣ, и якоже кто како восхощетъ. По тому же утвердися дружбами, и вся властію во всей своей волѣ имый, ничтоже отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся непотребно имъ учинихомся. Они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху!» 188 сл.

Итакъ, организованный Сильвестромъ и Адашевымъ совѣтъ похитилъ царскую власть, царь былъ въ немъ только

предсѣдателемъ, совѣтники рѣшали все по своему усмотрѣнію, мнѣнія царя оспаривались и отвергались; должности, чины и награды раздавались совѣтомъ. Это говоритъ царь, это подтверждаетъ и противникъ его, кн. Курбскій.

Но избранная рада не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязанія и провести въ Судебникъ ограниченія царской власти. Въ статьѣ 97 царскаго Судебника было постановлено:

«А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу і со всѣхъ бояръ приговору, вершатца, і тѣ дѣла в семъ судебникѣ приписывати.»

Для пополненія Судебника новыми законодательными опредѣленіями требуется приговоръ «всѣхъ бояръ». Это несомнѣнное ограниченіе царской власти и новость: царь только предсѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ. Жалобы Грознаго были совершенно основательны. Требованіе Судебника о приговорѣ «всѣхъ бояръ» относится къ будущему и, конечно, никогда не было приведено въ исполненіе; въ настоящее же время царя ограничивалъ не совѣтъ всѣхъ бояръ, а только нѣкоторыхъ. Въ составленіи Судебника принимали участіе не всѣ бояре. Во вступленіи къ нему сказано: «і великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси и съ своею братьею и зъ бояры сей судебникъ уложилъ»...

Изъ кого же состоялъ этотъ совѣтъ, продиктовавшій ограниченіе царской власти? Судя по тому, что Курбскій называетъ его «избранной радой», надо думать, что въ составъ его входили не всѣ думные люди, а только нѣкоторые изъ нихъ, избранные. Во главѣ этого совѣта стояли попъ Сильвестръ и окольничій Алексѣй Адашевъ. Кто другіе члены и сколько ихъ было, этого съ точностью мы не можемъ сказать. Царь называетъ еще только трехъ: кн. Андрея Курбскаго, боярина съ 1556 года, кн. Дмитрія Курлятева, боярина съ 1549 года, и кн. Ростовскаго Семена, о ко-

торомъ Шереметевская боярская книга ничего не знаетъ *). Курбскій, кромѣ митрополита Макарія и нѣсколькихъ пресвитеровъ, упоминаетъ только о трехъ Морозовыхъ, «почтенныхъ сигклитскимъ саномъ»: Михаилѣ, пожалованномъ окольничествомъ въ 1548 и боярствомъ въ 1549 году, Владимірѣ, получившемъ званіе окольничаго въ 1550, и Львѣ, прозваніемъ Салтыковъ,— оружничемъ съ 1550 и окольничемъ съ 1553 года**). Но мы не можемъ утверждать, что этими членами и ограничивался составъ избранной рады; есть указанія и на другихъ.

Опеку думы не могъ терпѣть не только Иванъ Грозный, но и ни одинъ изъ его предшественниковъ, которые давно уже могли приказывать своимъ думцамъ. Не могли терпѣтъ этой опеки и служилые люди вел. князя, не попавшіе въ избранную раду. При дворѣ началась борьба съ избранными, хорошо описанная Курбскимъ и кончившаяся ихъ паденіемъ и казнями кн. Курлятева, Морозовыхъ и др. Освобожденіе царя отъ опеки не имъ избранной рады относится, надо думать, къ началу Ливонской войны. Члены рады были противъ этой войны и сильно спорили съ ца-

*) Въ томъ же письмѣ Грознаго читаемъ: «Та же по семъ собака и измѣнникъ старый, Ростовскій князь Семенъ, иже по нашей милости, а не по своему досужеству, сподобенъ быти отъ насъ сигклитства» 194.

**) Сказанія 111, 115 и 191. Причисленіе Владиміра Морозова и Льва Салтыкова къ чинамъ избранной рады возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Какъ окольничіе съ пятидесятыхъ годовъ, они, конечно, могли быть членами думы. Но званіе боярина получили они гораздо позднѣе: Владиміръ въ 1562 г., а Левъ въ 1563. Въ это время прежніе любимцы пали и начались уже казни ихъ сторонниковъ; товарищъ Морозовыхъ, Дм. Курлятевъ, былъ казненъ въ 1562 г. Какъ объяснить одновременную милость къ Морозовымъ и гнѣвъ къ Курлятеву, которые были членами одного и того же ненавистнаго царю Ивану учрежденія? Можетъ быть, поведеніе въ думѣ Морозовыхъ не походило на поведеніе Курлятева? Когда Курлятевъ спорилъ съ царемъ, они, можетъ быть, съ нимъ соглашались. Это возможно. Не даромъ же царь съ гнѣвомъ вспоминаетъ о Курлятевѣ, какъ членѣ думы, и ничего не говоритъ о Морозовыхъ. Впрочемъ, Влад. Морозовъ не долго пережилъ Курлятева. Онъ былъ казненъ въ 1564 году или около.

ремъ. «И отъ попа Селивестра, говоритъ царь, и отъ Алексѣя, и отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія германъ ради случися!» 200. Тѣмъ не менѣе, война состоялась. Царь, значитъ, дѣйствовалъ уже по своей волѣ.

Въ чемъ состояла эта воля по отношенію къ думѣ, это ясно изъ той же переписки. «А россійское самодержавство, говоритъ Грозный, изначала сами владѣютъ, а не бояре и не вельможи». 162. И далѣе: «О провиненіи же и прогнѣваніи подовластныхъ нашихъ передъ нами доселѣ русскіе владѣтели неистезуемы были ни отъ кого же, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ» 195.

Этимъ прямо и рѣшительно отрицается всякое право думныхъ людей на участіе въ царскомъ совѣтѣ. Царь совѣщается, если желаетъ и съ кѣмъ желаетъ. Попытка Сильвестра и Адашева создать изъ княжескихъ думцевъ нѣчто самостоятельное была омыта потоками крови, но не исчезла безслѣдно. Продолжателей ихъ дѣла можно видѣть въ боярахъ смутнаго времени, сочинявшихъ ограничительные пункты для вновь избираемыхъ государей. Такіе пункты были сочинены для Василія Ивановича Шуйскаго и имъ приняты. Возвѣщая о вступленіи своемъ на царство, новоизбранный государь говоритъ, что онъ цѣловалъ крестъ на томъ, что ему,

«великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были... Да и доносовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски на крѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло... На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, азъ, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судити истиннымъ, праведнымъ судомъ, и

безъ вины ни на кого опалы своей не класти и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати». Рум. собр. II, № 141.

Ограниченіе царя высказано здѣсь въ чрезвычайно неопредѣленной формѣ и по содержанію очень уступаетъ тому, которое было задумано Сильвестромъ и Адашевымъ. Въ царствованіе Грознаго дѣло шло объ ограниченіи царя во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ не могъ ни управлять, ни судить, ни законодательствовать безъ своей думы. При избраніи Шуйскаго имѣлось въ виду оградить подданныхъ только отъ произвольнаго царскаго суда, примѣры котораго въ такомъ обиліи представляетъ правленіе Грознаго. Но и это ограниченіе выражено въ чрезвычайно неясной формѣ. Царь продолжаетъ быть судьей, но онъ судитъ не одинъ, а «съ бояры своими». Что же такое эти бояре? Люди начала XVII вѣка не пошли въ этомъ вопросѣ далѣе людей половины XVI-го. Сильвестръ и Адашевъ, вводя въ Судебникъ ограниченіе законодательной царской власти, говорятъ о приговорѣ «всѣхъ бояръ». Но что такое «всѣ бояре»? Это думные чины, назначаемые царемъ. Какой же противовѣсъ царской власти могутъ они составить? Никакого. Временщики первыхъ годовъ царствованія Грознаго думали, конечно, объ «избранной радѣ», членовъ которой они сами навязывали юному царю; ихъ—«всѣ бояре» были Сильвестръ съ Адашевымъ и ихъ сторонники. Не опредѣляютъ состава бояръ и передовые люди начала XVII вѣка. Подъ «боярами» они, конечно, разумѣютъ бояръ, способствовавшихъ возведенію Шуйскаго на престолъ и вступившихъ съ нимъ въ сдѣлку, т.-е. опять себя. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ не объ организаціи учрежденія съ опредѣленнымъ и постояннымъ составомъ, а о лицахъ случайно стоявшихъ у государственнаго кормила. «Избранная рада» половины XVI вѣка и бояре, доставившіе корону Шуйскому, являются предшественниками верховниковъ, избравшихъ на россійскій императорскій престолъ Анну Ивановну. Верховники также устроили ограничивающій императрицу совѣтъ и опять

изъ собственныхъ своихъ особъ, вовсе не помышляя о будущемъ; и здѣсь имѣлось въ виду не учрежденіе, а лица. Государственнымъ людямъ XVIII вѣка также трудно было перейти отъ лицъ къ учрежденіямъ, какъ и людямъ XVII и XVI вѣка.

Избиратели Шуйскаго, надо полагать, были такъ увѣрены, что царь подѣлится съ ними данною ему властью, что не считали нужнымъ сколько-нибудь точно опредѣлить выговоренное ими право участія въ царскомъ судѣ. Въ концѣ грамоты говорится о производствѣ ссылки и суда однимъ царемъ, а бояръ какъ будто и вовсе не существуетъ.

Гораздо бо̀льшія ограниченія царской власти занесены въ договоръ объ избраніи на московскій престолъ польскаго королевича Владислава (Рум. собр. II, № 199), но и въ этомъ документѣ не встрѣчаемъ никакихъ опредѣленій состава боярской думы. Совѣщаніе съ боярами и думными людьми требуется въ очень многихъ случаяхъ. Оно необходимо для раздачи помѣстій и вотчинъ: «и якъ государъ, его милость, прыговорытъ з бояры, по тому такъ и учынить, яко достоитъ»; для суда: по винѣ казнить надо, «осудивши напередъ з бояры и з думными людми»; распоряженія объ имуществѣ бездѣтно умершихъ государь дѣлаетъ «съ прыговоромъ и совѣтомъ бояръ и всихъ думныхъ людей, а безъ думы и прыговору такихъ дѣлъ несовершати»; новыхъ налоговъ «зверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговора з бояры, ни въ чемъ не прибавливати»; льготы на запустѣлыя отчины и помѣстья даются, поговоря съ бояры; нужно-ли держать паромы на Волгѣ, на Дону, на Яикѣ и на Теркѣ, о томъ королевичу говорить съ бояры и съ думными людьми.

Этотъ довольно длинный рядъ случаевъ, въ которыхъ новый царь долженъ совѣщаться съ думцами, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ правительственныхъ сферахъ созрѣла уже мысль о необходимости постоянной думы. Но создать постоянное учрежденіе изъ думцевъ неудалось и избирателямъ Владислава. Подъ членами думы и они, конечно, разумѣютъ наличный составъ думцевъ и только. Права этихъ

думцевъ означены очень неопредѣленно и неясно: нѣкоторыя дѣла царь не можетъ дѣлать безъ приговора бояръ, по другимъ онъ долженъ только поговорить съ ними. Дума то ограничиваетъ царя, то нѣтъ. Напрасно будемъ искать разъясненія предложенныхъ Владиславу пунктовъ въ польскихъ учрежденіяхъ. Роль королевскаго совѣта въ Польшѣ игралъ сенатъ, но онъ не ограничивалъ королевской власти, а служилъ ей только для совѣта *). Королевская власть была тамъ ограничена сеймомъ, въ составъ котораго входили и сенаторы. Мысль объ ограниченіи могла еще придти изъ Польши, но никакъ не ея форма. Предложенные Владиславу пункты не имѣли практическаго значенія, какъ и самое его избраніе, и важны только въ смыслѣ знаменія времени. Самовластіе Грознаго и диктаторская власть Бориса въ царствованіе Ѳедора Ивановича снова оживили мысль о необходимости поставить въ рамки царскую власть. Котошихинъ даетъ поводъ думать, что и Михаилу Ѳедоровичу были предложены ограничительные пункты.

«Какъ прежніе цари, пишетъ онъ, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и не пальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно ни какихъ дѣлъ не дѣлати».

Изъ этого общаго правила онъ дѣлаетъ исключеніе только для одного Алексѣя Михайловича:

«А нынѣшняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ ни какого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ»... 104.

Пункты, предложеные Михаилу Ѳедоровичу, до насъ не дошли и о самомъ существованіи ихъ можемъ заключить только изъ приведенныхъ словъ Котошихина. Что же касается содержанія ихъ, то можно усомниться въ точности

*) Hüppe, Verfassung der Republik Polen. 126 и сл.

словъ московскаго подьячаго. Даже пункты, предложенные Владиславу, не обязывали его «безъ вѣдомости бояръ никакихъ дѣлъ не дѣлать»; пункты же, принятые Шуйскимъ, касались единственно суда. Въ какой мѣрѣ былъ ограниченъ Михаилъ Ѳедоровичъ и кѣмъ, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Но возвратимся на прежнее.

Въ царствованіе Ѳеодора Ивановича вопросъ о думѣ оставался въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ при его предшественникахъ. Объ этомъ съ совершенною ясностью и точностью свидѣтельствуетъ Флетчеръ. Онъ знаетъ о существованіи думныхъ чиновъ и приводитъ общую ихъ цифру, хотя и не очень точную. За тѣмъ онъ говоритъ, что въ засѣданія думы приглашаются далеко не всѣ думные чины, а человѣкъ пять или шесть, которые и рѣшаютъ всѣ дѣла вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ. Иногда призываютъ и большее число *). Это вѣрнѣйшая картина нашей московской думы! Но гдѣ же царь? Ѳедоръ Ивановичъ государственными дѣлами не занимался и былъ царемъ только по имени; въ его время государствомъ управлялъ Борисъ Годуновъ. Описанная Флетчеромъ дума, есть дума по подбору Годунова. Можно думать, что отношенія Годунова къ государевымъ думцамъ не были такъ свободны, какъ отношенія къ нимъ самого царя; но дѣйствуя именемъ царя, и онъ могъ довести до нуля свою зависимость отъ думцевъ и мѣнять ихъ по произволу.

О Михаилѣ Ѳедоровичѣ Котошихинъ говоритъ: «хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего» 104. Это сказано слишкомъ сильно, а потому и не совсѣмъ точно. Выше (стр. 359) мы привели нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ о томъ, что и Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ и всѣ его предшественники, давалъ указы своею личною властью. Пополнимъ ихъ еще нѣсколькими.

---

*) Fletcher, Russia at the close of the XVI century, chap. XI.

«Въ 1616 г. князь Григорій Тюфякинъ билъ челомъ государю, а говорилъ, что сказывалъ посла окольничей, кн. Григ. Волконской, а ему велѣно посла звать къ столу, и ему бъ тѣмъ отъ князя Гр. Волконскаго безчестну не быть. И государь приказалъ посолскому думному дьяку П. Третьякову челобитье его записать въ посолскомъ приказѣ, что столнику, который посла зоветъ къ столу, до околничаго, который посла сказываетъ, въ отечествѣ дѣла нѣтъ»... Дворц. разр. I 221.

Здѣсь государь единолично высказываетъ общее правило, долженствующее и впредь регулировать мѣстническіе счеты. 7-го февраля 1626 г. Михаилъ Ѳедоровичъ съ отцомъ своимъ, патріархомъ, далъ указъ о порядкѣ продажи порожжихъ земель. 16 февраля того же года послѣдовалъ указъ царя и патріарха о предоставленіи порожжихъ земель покупщикамъ въ вотчину. Марта 10 того же года Помѣстный приказъ въ полномъ своемъ составѣ:

«Докладывалъ государя царя и отца его, патріарха, по купчей Лаврентья Булатникова на продажныя вотчинныя земли, такъ ли купчія давать, или какъ они, государи, укажутъ. И государь царь и вел. князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, и отецъ его государевъ, велик. государь святѣйшій патріархъ, Филаретъ Никитичъ, слушавъ купчія, указали: дѣлати купчія таковы да въ тѣжъ купчія указали пополнить: тѣ вотчины, кто купитъ, вольно тому и въ приданое ту вотчину дати» *).

Такъ же одинъ даетъ указы Михаилъ Ѳедоровичъ и по смерти своего отца. 6-го февраля 1645 г. три дьяка докладывали государю о порядкѣ наслѣдованія въ помѣстьяхъ по челобитью нисходящихъ. Государь указалъ, согласно челобитью, розыскивать и давать передѣлъ **).

Итакъ, несмотря на свидѣтельство Котошихина, Михаилъ Ѳедоровичъ давалъ указы безъ боярскаго совѣта. Но и въ словахъ Котошихина есть своя доля правды. Какъ

*) Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 236.

**) Тамъ же, 258.

государь избранный, а не родившійся на царствѣ, Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ управлять такъ же самовластно, какъ это дѣлали Иванъ Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Очень можно допустить, что Михаилъ Ѳедоровичъ, которому были предложены ограничительные пункты, чаще обращался къ совѣту бояръ, чѣмъ это дѣлали его предшественники. Но измѣнилъ ли онъ устройство этого совѣта, далъ ли онъ ему опредѣленную организацію и компетенцію? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Еслибы такая перемѣна совершилась, Котошихинъ не могъ бы ея не замѣтить и не упомянуть о ней. Скажемъ болѣе, такая реформа совершенно была не по плечу современниковъ Михаила. Она не приходила въ голову даже самимъ боярамъ.

Никакой перемѣны въ организаціи думы не произошло ни въ смутное время, ни при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Всегда были лица, готовыя, посредствомъ вліянія на царя и подбора совѣтниковъ, захватить власть въ свои руки, но мысль о постоянномъ учрежденіи съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей совершенно чужда московскому времени.

Итакъ, Михаилъ Ѳедоровичъ даетъ указы то единолично, то по совѣту съ «бояры»; но въ послѣднемъ случаѣ онъ самъ рѣшаетъ, надо ли совѣтываться, и всякій разъ самъ подбираетъ себѣ совѣтниковъ. Совершенно однородныя дѣла царь рѣшаетъ то одинъ, то съ совѣтомъ. Отмѣна мѣстническихъ споровъ для извѣстнаго похода дѣлается царемъ то единолично, то по совѣщанію съ думой, при чемъ въ думу приглашаютъ не только свѣтскихъ совѣтниковъ, но иногда и весь освященный соборъ.

«Въ 1618 г. іюля въ 27 день государь царь и вел. князь Михаилъ Ѳедоровичъ говорилъ съ митрополитомъ... и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ околничими, и съ думными людьми...: и нынѣ бъ бояромъ.... и всякимъ людемъ въ воеводахъ и у всякихъ дѣлъ быти по нынѣшнимъ по литовскимъ вѣстемъ быти безъ мѣстъ». Книга разрядн. 559.

А въ 1631 году, въ смоленскій походъ приказано было быть безъ мѣстъ по указу одного царя и отца его, патріарха *).

Объ Алексѣѣ Михайловичѣ Котошихинъ говоритъ:

«А нынѣшняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивышшее пишетца «самодержцемъ» и государство свое правитъ по своей воли. И съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой и, по покою, что кому по дружбѣ отдати, или какую помочь чинити, или и иные какіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и зъ думными людми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ что хочетъ, то учинити можетъ. Однако, кого изъ бояръ, и изъ думныхъ, и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашивается и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ». 104.

Вотъ новая картина думы, совершенно однородная съ той, которая нарисована Флетчеромъ. Царь всѣмъ управляетъ самъ, совѣтуется съ кѣмъ хочетъ и не съ одними думными людьми, а и съ простыми. Вѣрность ея оригиналу вполнѣ подтверждается и официальными памятниками.

По спискамъ 1675 года въ составъ думныхъ чиновъ входили: 23 боярина, 13 окольничихъ, 22 думныхъ дворянина и 8 думныхъ дьяковъ, всего 66 человѣкъ. Въ составъ же государевыхъ думцевъ входила всегда только нѣкоторая часть этого числа. 18 ноября 1674 г. у государя было сидѣнье съ бояры о всякихъ дѣлахъ. Въ этомъ сидѣньи приняли участіе: 9 бояръ, 1 окольничій и 2 думныхъ дьяка, всего 12 человѣкъ. Кромѣ того въ сидѣньи участвовалъ дьякъ тайныхъ дѣлъ, Данило Полянскій, который еще не былъ думнымъ.

Черезъ четыре дня на пятый у государя было новое— сидѣнье «съ бояры, съ околничими, и съ думными дворяны, и съ думными дьяки, которые были за вел. государемъ въ походѣ». На слѣдующій день, въ праздникъ ангела го-

*) Кн. разряд. столб. 379.

сударыни царевны и вел. княжны Екатерины Алексѣевны, всѣмъ чинамъ, бывшимъ въ походѣ, раздавали пироги; получили пироги и государевы думцы. Это дало поводъ перечислить ихъ имена и фамиліи и сохранить для потомства память о томъ, кто именно былъ въ думѣ государя 23 ноября. Въ думѣ государя наканунѣ Екатеринина дня сидѣли: 8 бояръ, 5 окольничихъ, 4 думныхъ дворянина и 3 думныхъ дьяка, всего 20 человѣкъ *). Несмотря на близость по времени этихъ двухъ сидѣній и на то, что оба сидѣнья происходили въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ селѣ Преображенскомъ, составъ ихъ былъ очень различенъ. Это объясняется тѣмъ, что на второе сидѣнье царь нашелъ нужнымъ пригласить всѣхъ думныхъ людей, которые были съ нимъ въ походѣ; на первое же—только нѣкоторыхъ: изъ окольничихъ только одного, изъ думныхъ же дворянъ на первое сидѣнье никто не былъ приглашонъ. Есть разница и въ составѣ бояръ. На первомъ сидѣньи, между прочимъ, были: кн. Голицынъ Ал. Андр., кн. Долгорукій Юр. Ал. и кн. Репнинъ Ив. Бор.; пироговъ же въ день Екатерины они не получили. Можно думать, что они уѣхали изъ Преображенскаго до праздника. Труднѣе объяснить, почему кн. Пронскій Ив. Пет. и кн. Куракинъ Ѳед. Ѳед., получившіе пироги 24 ноября, не были въ засѣданіи 18-го того же мѣсяца: они могли пріѣхать послѣ 18-го, а можетъ быть, они были на лицо, да не были приглашены. Думные же дворяне, конечно, были въ походѣ съ государемъ и 18-го числа, но ихъ въ думу не позвали.

Но иногда видъ думы совершенно мѣнялся. Вмѣсто свѣтскихъ людей и воиновъ, она сплошь наполнялась попами и монахами,—и это по свѣтскимъ дѣламъ.

«1675 г. апрѣля въ 30 день былъ у вел. государя, послѣ соборной обѣдни, вел. господинъ, святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Росіи, со властми въ верху, въ

*) Дворц. разр. III. ст. 1109, 1111.

передней, и сидѣли о посолскомъ дѣлѣ». Двор. разр. III, ст. 1365.

Наоборотъ, по дѣламъ, исключительно касающимся духовенства, въ думу допускались свѣтскія лица. При совѣщаніи царя съ патріархомъ о поведеніи духовника государева, благовѣщенскаго протопопа Анд. Савиновича, въ «комнату», гдѣ происходило совѣщаніе, были допущены четверо самыхъ ближнихъ къ государю бояръ: кн. Долгоруковъ Юр. Ал., Хитрово Бог. Мат., Нарышкинъ Кир. Пол. и Матвѣевъ Арт. Сер. *).

Итакъ, государева дума и при Алексѣѣ Михаиловичѣ не имѣла опредѣленнаго состава, она составлялась на отдѣльный случай по особому усмотрѣнію государя. Это вѣковая у насъ практика. Для московскихъ государей, которые могли еще въ значительной степени управлять своимъ государствомъ лично, такая дума представляла большія удобства. Они всегда имѣли подъ рукой массу совѣтниковъ, но совѣщались только съ тѣми изъ нихъ, съ кѣмъ находили нужнымъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ пользовались московскіе государи совѣтами своихъ думцевъ.

Управленіе и судъ въ Московскомъ государствѣ, какъ и въ удѣльное время, были личнымъ дѣломъ государя. Онъ самъ судилъ и управлялъ непосредственно, это его право. Управленіе и судъ переходили въ другія руки только по уполномочію царя. Государевы думцы, при отправленіи правительственныхъ дѣйствій царемъ лично, являются только его помощниками, дѣйствующими по его приглашенію.

Дѣятельность ихъ прежде всего проявляется въ томъ, что они присутствуютъ при исполненіи государемъ его обширныхъ полномочій по отправленію суда и управленія. Государь не можетъ знать всего. Прежде чѣмъ высказаться по тому или другому вопросу, ему надо имѣть передъ собой всѣ необходимыя справки. Для этого около него должны

*) Дворц. разр. III, ст. 1155.

всегда находиться люди, которые могутъ представить нужныя свѣдѣнія. Этой цѣли до нѣкоторой степени удовлетворяютъ уже докладчики дѣла; и мы видѣли, что московскіе государи даютъ свои указы на основаніи доклада нѣсколькихъ дьяковъ, или боярина и дьяка, окольничаго и дьяка и т. д. Но они далеко не всегда довольствуются разъясненіемъ дѣла докладчиками; весьма нерѣдко они обращаются къ думцамъ и совѣщаются съ ними, прежде чѣмъ рѣшить дѣло. О рѣшеніяхъ царя, состоявшихся послѣ такого совѣщанія, памятники говорятъ: «царь указалъ, поговоря съ бояры».

Приведемъ нѣсколько указаній на такіе разговоры.

21 мая 1609 года послѣдовалъ указъ царя Вас. Ив. Шуйскаго (единоличный), о кабальныхъ людяхъ, въ концѣ котораго читаемъ:

«Которые холопи живутъ безкабально лѣтъ пять или шесть или десять или болши, приказалъ государь ихъ отдавати старымъ ихъ государемъ, у кого они живутъ, до своего государева указа; а о томъ рекся государь говорить съ бояры». А. И. I № 85, IV.

Начало указа, нами не выписанное, не возбуждало въ царѣ никакихъ сомнѣній и потому разрѣшено имъ безъ всякаго разговора съ боярами. Послѣдній же пунктъ возбудилъ нѣкоторое сомнѣніе, а потому царь разрѣшилъ его только временно, до своего царскаго указа, о чемъ обѣщалъ поговорить съ боярами. Сомнѣніе, о которомъ мы упомянули и которое навело царя на мысль о необходимости поговорить съ боярами, по всей вѣроятности, состояло въ слѣдующемъ. О добровольныхъ холопахъ былъ уже указъ, состоявшійся при Ѳедорѣ Ивановичѣ. По этому указу на добровольныхъ холоповъ выдавали служилыя кабалы и въ томъ уже случаѣ, если они служили кому нибудь только полъ года. Царь былъ склоненъ увеличить этотъ срокъ, но не рѣшался принять эту мѣру, затрогивавшую интересы всего состоятельнаго класса, не поговоривъ съ боярами.

Отъ 1 февраля 1634 года Михаилъ Ѳедоровичъ полу-

чилъ дурныя вѣсти о положеніи нашего войска подъ Смоленскомъ. Надо было принять немедленно мѣры. Въ книгѣ разрядной по этому поводу написано.

«И государь царь и вел. князь Михаилъ Ѳедоровичъ, говоря съ бояры, указалъ околничему кн. Григорію Константиновичу ѣхати въ Можаескъ къ боярамъ и воеводамъ ....и съ ними совѣтовать, какъ бы.... ратнымъ людямъ подъ Смоленскомъ помочь учинити вскорѣ». 627.

Отъ царствованія Алексѣя Михайловича сохранилась цѣлая записка о томъ, о какихъ дѣлахъ царь собирался «говорить боярамъ». Въ этой запискѣ читаемъ:

«Поговорить боярѣмъ о свѣйскихъ послѣхъ, что присылаютъ бити челомъ намъ, великому государю, чтобы отпустить человѣка своего въ Свѣю для добрава дѣла, а сидѣть де надокучило.

А отъ себя имъ и отпустить велѣть не будетъ худа.

А будетъ что для вѣстей не отпускать, и они давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца».

Любопытная замѣтка! Царь, готовясь говорить съ боярами, напередъ взвѣшиваетъ, что можно сказать за и противъ посылки посла въ Швецію. И далѣе:

«Боярину Вас. Шереметеву въ Борисовѣ зимовать ли, и ратнымъ людемъ кому съ нимъ зимовать, или съ инымъ воеводою зимовать и воеводѣ кому быть» *).

Эти разговоры царя съ боярами обыкновенно происходятъ во время доклада царю дѣлъ. При докладахъ, хотя и не всегда, но весьма часто, присутствуютъ бояре. Доклады дѣлается царю, какъ это видно изъ вступительныхъ къ нимъ словъ. Они, обыкновенно, начинается такъ: «Доложити государя царя и великаго князя», а далѣе, по изложеніи обстоятельствъ дѣла: «Лѣта 1558 октября въ 1 день царь и вел. князь Иванъ Васильевичъ всея Руси сего доклада слушалъ». Если на докладѣ присутствовали бояре, то въ резо-

*) Зап. отдѣленія русс. и слав. археологіи Импер. русс. археол. общества. Т. II, стр. 733.

люціи говорится, что царь приговорилъ съ бояры» *). Тотъ-же порядокъ и въ XVII в. Въ Дворцовыхъ разрядахъ за 1675 г. читаемъ:

«А велѣно ихъ распрашивать думному дьяку разрядному, Герасиму Дохтурову, и по распроснымъ рѣчамъ указалъ ему велик. государь себя, великаго государя, доложить объ указѣ про боярѣхъ, какъ ему, великому государю, съ бояры сидѣнье будетъ и изволитъ дѣла слушать». 1401.

Итакъ, государь самъ слушаетъ дѣла и для этого у него бываетъ сидѣнье съ боярами. Явленіе старое, но слово новое. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XII в. рѣчь идетъ «о думѣ» съ боярами, въ Москвѣ говорятъ о «сидѣньи» съ боярами. Такъ какъ бояре присутствуютъ при докладѣ, то государь приказываетъ иногда доложить ему и боярамъ; въ тѣхъ же разрядахъ читаемъ:

«И по распроснымъ рѣчамъ ея, Ѳенкинымъ, доложить ему, боярину, себя великаго государя и бояръ, какъ вел. государь изволитъ сидѣть съ бояры за своими, вел. государя, дѣлами» 1429.

Но иногда дѣло оказывается столь сложнымъ, что его нельзя бываетъ по первому докладу обсудить и рѣшить. Въ этихъ случаяхъ, выслушавъ дѣло, государь приказываетъ боярамъ обсудить это дѣло въ особомъ засѣданіи и потомъ еще разъ ему доложить. Любопытный образчикъ такого двойного доклада и слушанія записанъ въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ 1675 годомъ.

«Того же году апрѣля въ 26 день, указалъ вел. государь боярину Ивану Богдановичу Милославскому внесть къ себѣ, вел. государю, дѣло въ докладъ думнаго дворянина А. С. Хитрово.... И бояринъ, Иванъ Богдановичъ, по указу вел. государя, то дѣло взносилъ къ нему, вел. государю, и его, вел. государя, по тому дѣлу и по очной ставкѣ докладывалъ. И вел. государь того жъ числа того дѣла слушалъ съ бояры и указалъ еще бояромъ слушать и доложить

*) Для примѣра см. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, 25.

себя, великаго государя, инымъ временемъ, какъ у него, вел. государя, будетъ сидѣнье съ бояры» 1355.

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что сидѣнье царя съ боярами даже въ концѣ XVII в. имѣло мѣсто не въ опредѣленные дни и часы, а по мѣрѣ надобности. Доклады же дѣлались царю постоянно. Многіе изъ нихъ царю приходилось слушать въ такіе моменты, когда при немъ вовсе не было бояръ. Можно думать, что дьяки и члены приказовъ, отъ которыхъ шли доклады, любили докладывать именно въ отсутствіе бояръ. Они являлись въ этихъ случаяхъ единственными совѣтниками своего государя. Это были высочайшіе доклады съ глазу на глазъ. Они въ высокой степени возвышали значеніе докладчика. Государи давали указы и по такимъ докладамъ, но не всегда. Иногда, выслушавъ дѣло, они приказывали доложить его боярамъ и потомъ, съ боярскимъ приговоромъ, вновь доложить дѣло себѣ. Какая была причина такого распоряженія? На это можно отвѣчать предположительно. Докладываемое дѣло было, конечно, обставлено всѣми нужными справками, иначе докладчикъ не рѣшился бы пойти къ царю. Но это справки съ точки зрѣнія докладчика. Надо думать, московскіе государи не хотѣли дѣйствовать подъ вліяніемъ всегда болѣе или менѣе односторонней точки зрѣнія докладчика, а потому и привлекали къ обсужденію доклада лицъ, знакомыхъ съ правительственной практикой, но, въ данный моментъ, непосредственно незаинтересованныхъ отправленіемъ извѣстнаго рода дѣлъ. При той безконтрольной власти, какою пользуются лица, имѣющія право высочайшихъ докладовъ, въ указанной практикѣ московскихъ государей можно видѣть попытку ограничить произволъ высшихъ правительственныхъ лицъ.

Вотъ примѣръ такого осторожнаго отношенія московскихъ государей къ лицамъ, имѣвшимъ право высочайшаго доклада:

«1636 года декабря въ 15 день государя царя великаго князя Михаила Ѳедоровича докладывалъ думной дьякъ, Ми-

хайло Даниловъ, о помѣстныхъ и вотчинныхъ статьяхъ, и государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ: тѣхъ статей слушать бояромъ, а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя, государя». Владимірскій-Будановъ, Христоматія, т. III, 247.

Таковъ порядокъ разъясненія дѣла и подготовки его къ царскому рѣшенію при участіи государевой думы. Царь постановляетъ рѣшеніе и даетъ свой государевъ указъ или единственно на основаніи доклада правительственныхъ лицъ, дьяковъ, бояръ и другихъ приказныхъ докладчиковъ, или выслушиваетъ предварительно своихъ думцевъ «бояръ». Этимъ объясняется и разная форма указовъ: въ однихъ видѣнъ слѣдъ соучастія «бояръ», въ другихъ нѣтъ.

Если докладъ происходитъ безъ бояръ, въ такомъ случаѣ государь, по выслушаніи дѣла, приказываетъ свой указъ докладчику прямо къ исполненію, напримѣръ:

«Лѣта 7069 октября въ 15 день царь и великій князь Иванъ Васильевичь сего докладу слушалъ и приказалъ казначеемъ»... А. И. I. № 154, XVI, 1560.

Если на докладѣ присутствовали бояре, то царь давалъ приказъ боярамъ, на основаніи котораго они составляли приговоръ, напримѣръ:

«Въ 81 году октября въ 9 день, по государеву цареву и великаго князя приказу, преосвященный Антоній Митрополитъ, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, и бояре, князь Иванъ Ѳедоровичъ Милославскій, и всѣ бояре, приговорили»... далѣе излагается указъ о наслѣдованіи въ вотчинахъ княженецкихъ и жалованыхъ. А. И. I, № 154, XIX, 1573.

Любопытенъ составъ этой думы Ивана Васильевича. Дѣло шло о чисто свѣтскомъ вопросѣ гражданскаго права, но въ думу нашли нужнымъ пригласить весь освященный соборъ.

Та же форма наблюдается и въ XVII вѣкѣ. Въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ 1617 годомъ читаемъ:

«А по государеву цареву и вел. князя Михаила Ѳедоровича указу бояре приговорили: объѣзжимъ головамъ всѣмъ быть безъ мѣстъ». 298.

Или въ Книгахъ разрядныхъ на 1628 годъ:

«И указалъ государь бояромъ сказати воеводамъ, чтобъ они нынѣ на его государевѣ службѣ были, какъ кому сказано, а не будутъ они по государеву указу и по ихъ боярскому приговору, и учнутъ они впредъ о томъ государю бить челомъ, и имъ отъ государя быти въ великой опалѣ». 12.

Боярскимъ приговоромъ названо здѣсь исполненіе государева указа. Еще примѣръ. Въ окружной грамотѣ Алексѣя Михайловича на Верхотурье читаемъ:

«Въ нынѣшнемъ въ 1646 году февраля въ 7 день указали мы и бояре приговорили: для пополненія нашея казны, служилымъ людямъ на жалованье» и т. д. Рум. Собр. III, № 124.

Итакъ, боярскій приговоръ составляется на основаніи государева указа. Царь, выслушавъ докладъ и всѣ необходимыя справки для разъясненія дѣла, высказываетъ свою волю, какъ дѣлу быть; если при докладѣ были бояре, они формулируютъ царскую волю, это и есть боярскій приговоръ. Это и значитъ «царь указалъ, бояре приговорили». Понять эти слова въ смыслѣ указанія на коллегіальный порядокъ рѣшенія дѣлъ въ думѣ, при чемъ царю принадлежитъ лишь роль предсѣдателя, не представляется ни малѣйшей возможности. Такой порядокъ рѣшенія дѣлъ въ думѣ противорѣчилъ бы всѣмъ условіямъ быта Московскаго государства. Бояре думцы—слуги московскихъ государей, обязанные имъ своимъ выдающимся положеніемъ. Государь можетъ призвать и не призвать ихъ въ думу, поэтому никакъ нельзя допустить, что они имѣютъ рѣшительный голосъ при разсмотрѣніи государственныхъ вопросовъ*). Объ отношеніяхъ вел. князя

*) Единственное отступленіе отъ высказаннаго въ текстѣ положенія можно наблюдать только въ кратковременный періодъ господства

Ивана Васильевича къ своимъ думцамъ мы имѣемъ характерное свидѣтельство Берсеня-Беклемишева: «князь великій, говоритъ онъ, противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали». «Стрѣчя» или «встрѣча»—означаетъ возраженіе. Итакъ, Иванъ Васильевичъ любилъ выслушивать возраженія и даже жаловалъ тѣхъ, кто ихъ ему дѣлалъ! Объ этомъ не пришлось бы говорить, еслибы членамъ думы принадлежалъ рѣшающій голосъ. Въ этомъ случаѣ у нихъ было бы право не только возражать, но и рѣшать противъ воли царя. Берсень же, сравнивая Ивана Васильевича съ его сыномъ и преемникомъ, въ похвалу первому говоритъ выше приведенную фразу. По московскимъ понятіямъ, и то хорошо, если царю можно возразить. Надо думать, что Ивану Васильевичу рѣдко приходилось выслушивать возраженія, если онъ за нихъ даже жаловалъ. Иначе относился къ думцамъ Василій Ивановичъ. Герберштейнъ говоритъ о немъ: «между совѣтниками вел. князя никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія» 28. Съ этимъ согласны и отечественныя свидѣтельства. Тотъ же Берсень говоритъ: «государь упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ, и онъ на того опаляется». Берсень испыталъ это на себѣ. Когда въ думѣ шла рѣчь о Смоленскѣ, онъ возразилъ государю, «и князь великій, разсказывалъ онъ по этому поводу Максиму Греку, того не полюбилъ да молвилъ: пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси» *).

Таковы могли быть послѣдствія неосторожныхъ споровъ

«избранной рады» Сильвестра и Адашева. Она имѣла цѣлью сдѣлать царя только предсѣдателемъ своего совѣта. И можно допустить, что иногда и достигала этого. Въ выраженіяхъ указа 1556 года можно видѣть примѣръ осуществленія желательнаго для избранной рады порядка: «Лѣта 7064 августа 21 приговорилъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ со всѣми бояры». Эта форма совершенно соотвѣтствуетъ порядку, установленному 97 статьей Ц. Судебника.

*) А. А. Э. I, № 172.

думныхъ людей съ московскими государями. Думные люди не рѣшали государственныхъ дѣлъ, а только отвѣчали на вопросы государей и исполняли ихъ указы. Сильвестръ и Адашевъ сдѣлали попытку превратить государя въ предсѣдателя думы. Нововведеніе это было кратковременно и кончилось опалой реформаторовъ. Иванъ Грозный увидалъ въ немъ нарушеніе своихъ существеннѣйшихъ правъ. Роль думы въ XVII вѣкѣ совершенно вѣрно опредѣлена современникомъ. Описавъ, какъ думные люди разсаживаются въ думѣ по отечеству, Котошихинъ говоритъ:

«А лучится царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ, объявя, приказываетъ, что бъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ . . . . и они мысль свою къ способу объявливаютъ . . .» II, 5.

Итакъ, царь высказываетъ «мысль», т. е. намѣреніе свое, свою волю, а боярамъ приказываетъ пріискать способъ осуществить эту мысль; этимъ исполненіемъ царской мысли и исчерпывается вся дѣятельность государевой думы, засѣдающей въ присутствіи царя.

Но государи могли дать своимъ думцамъ и бо́льшія полномочія, если находили это нужнымъ. И они дѣлали это. Они уполномочивали, напримѣръ, бояръ составить приговоръ, по извѣстному дѣлу, въ особомъ засѣданіи, въ которомъ сами не присутствовали. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло отличалось большой сложностью и не могло быть разрѣшено немедленно. Такіе приговоры, составленные одними боярами, государь приказывалъ потомъ доложить себѣ.

Весною 1625 года Михаилъ Ѳедоровичъ дѣлалъ назначенія разныхъ лицъ къ городовому дѣлу. Двое изъ назначенныхъ не приняли назначенія и били челомъ объ отечествѣ. Мѣстническіе счеты представляли не рѣдко большую сложность и запутанность, а потому:

«Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, слушавъ челобитья Даніила Шенкурскаго и Ивана Измайлова, указалъ о томъ сидѣти бояромъ, да что бояре о томъ

приговорятъ, и государь указалъ о томъ доложить себя, государя». Книга разрядн., ст. 1155.

Въ 1636 году, 15 декабря, думный дьякъ Михайло Даниловъ докладывалъ царю о помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ. Въ виду сложности вопроса, государь приказалъ слушать «тѣхъ статей» боярамъ, а что они приговорятъ, о томъ доложить ему.

«И декабря въ 16 день бояре тѣхъ статей слушали, а что о которой статьѣ бояре приговорили, и о тѣхъ статьяхъ велѣли докладывать государя. И декабря въ 17 день государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ слушалъ помѣстныхъ и вотчинныхъ статей, и что объ нихъ бояре приговорили указалъ о тѣхъ статьяхъ, а что о которой статьѣ государевъ указъ и боярскій приговоръ, и то писано по статьямъ». . . . а далѣе слѣдуютъ четырнадцать статей, занимающихъ 7 страницъ въ печатномъ изданіи въ 8-ку Христоматіи Влад.-Буд. III, 247.

Тоже дѣлаетъ и Алексѣй Михайловичъ:

«А въ нынѣшнемъ году (1677), по указу великаго государя, бояре, для спорнаго челобитья всякихъ чиновъ людей, тѣхъ статей (помѣстныхъ и вотчинныхъ) слушали вновь, и которымъ статьямъ, по боярскому приговору, быть по прежнему, и которыя пополнены, и которыя отставлены, и то писано подъ статьями порознь ниже сего» . . . и далѣе слѣдуютъ 41 обширная статья о помѣстьяхъ и 16 статей о вотчинахъ, занимающихъ 27 страницъ въ 4-ку П. С. З. № 700.

Два приведенныхъ свидѣтельства относятся къ порядку московскаго законодательства. Въ первомъ изъ нихъ государь приказалъ «боярамъ» разсмотрѣть новыя статьи, составленныя въ Помѣстномъ приказѣ; во второмъ—дѣло шло объ измѣненіи дѣйствующихъ уже статей. Всякихъ чиновъ люди заявляли свое недовольство существующими нормами помѣстнаго и вотчиннаго права. Алексѣй Михайловичъ указалъ боярамъ принять въ соображеніе заявленныя неудовольствія и пересмотрѣть «статьи». По указу государеву бояре были уполномочены пополнить и даже отмѣнить ста-

рыя статьи. Обширный трудъ ихъ, или, какъ тогда говорили, боярскій приговоръ представленъ былъ на утвержденіе государя и по указу его получилъ силу закона.

Итакъ, государевы совѣтники или присутствуютъ на докладахъ приказныхъ правителей царю и, по его запросу, подаютъ мнѣнія о предметахъ докладовъ и затѣмъ, по указу царя, составляютъ приговоры, или, тоже по указу царя, имѣютъ свои особыя засѣданія и составляютъ проекты новыхъ законовъ, которые приводятся въ исполненія опять таки по указу царя.

Въ виду такой роли думы, не представляется ни малѣйшей надобности останавливаться на вопросѣ о ея компетенціи, хотя вопросъ этотъ и сильно занимаетъ нашихъ изслѣдователей. Дума дѣлаетъ все то, что ей будетъ приказано сдѣлать государемъ, и не дѣлаетъ ровно ничего, если государю не будетъ угодно приказать ей дѣйствовать. А это значитъ, что дума не имѣетъ никакой «своей» компетенціи. Мы только что привели два случая, въ которыхъ «боярамъ» указано было разсмотрѣть помѣстныя и вотчинныя статьи и составить о нихъ свой приговоръ. Но это не доказываетъ, что проекты помѣстныхъ и вотчинныхъ статей составляются боярами. Государь можетъ и безъ думы указать, какъ дѣйствовать въ дѣлахъ этого рода.

Въ 1643 году били государю челомъ «безпомѣстные и малопомѣстные и пустопомѣстные дворяне разныхъ городовъ». Челобитье ихъ состояло вотъ въ чемъ. По смерти служилыхъ людей, помѣстья ихъ давались вдовамъ; а вдовы сдавали эти помѣстья въ свой родъ и тѣмъ выводили ихъ изъ рода умершихъ мужей. Родственники мужей и били челомъ, чтобы:

«Государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ бы тѣхъ ихъ родственныхъ помѣстей сдавать изъ роду вонъ, чтобы имъ въ конецъ не погибнуть и отъ службы не отбыть». Государь, сей челобитной слушавъ, указалъ: помѣстей вдовамъ безъ именнаго указу сдавать ни кому не велѣть». Влад. Буд. Христом. III. 255.

Почему въ 1636 году Михаилъ Ѳедоровичъ приказываетъ помѣстныя и вотчинныя статьи, проектъ которыхъ былъ составленъ въ Помѣстномъ приказѣ, — слушать боярамъ, а въ 1643 году тотъ же государь даетъ указъ прямо отъ себя о помѣстныхъ же дѣлахъ? Въ 1643 году дѣло шло объ однородныхъ челобитныхъ, а въ 1636 году была соединена въ одинъ докладъ масса разнородныхъ, для удовлетворенія которыхъ потребовалось составить 14 статей. Докладъ 1636 года былъ весьма сложный и царь не захотѣлъ ограничиться мнѣніемъ членовъ Помѣстнаго приказа, а пожелалъ выслушать и мнѣніе бояръ; докладъ 1643 года — сравнительно простъ, и царь разрѣшилъ его самъ, не обращаясь къ боярамъ. Новые указы по однимъ и тѣмъ же дѣламъ можно давать и съ помощью бояръ и безъ ихъ помощи, какъ будетъ угодно государю. Въ послѣднемъ случаѣ помощь бояръ вполнѣ замѣняется помощью одного дьяка докладчика.

Тоже надо сказать и о судебной дѣятельности царя. Московскіе государи продолжаютъ судить лично въ XVI и XVII столѣтіи. Но и въ судебной своей дѣятельности они нерѣдко обращаются къ содѣйствію «бояръ». Примѣръ такого содѣйствія мы привели выше на стр. 388 и сл. Такіе случаи не рѣдки. Въ 1623 году билъ челомъ государю и отцу его, святѣйшему патріарху, стольникъ князь В. И. Туренинъ на князя Б. Косаткина. Государи велѣли:

«Сказать про то бояромъ, чтобъ бояре о томъ поговорили, а что приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь и отецъ его государевъ, великій государь святѣйшій патріархъ, доложить себя». Книги разр. Стол. 931.

Боярскій приговоръ былъ доложенъ государямъ думнымъ дьякомъ Томилою Луговскимъ. На основаніи этого приговора государи указали челобитчику «дать судъ» и назначили судей. Но судъ почему-то не состоялся. Это дало поводъ къ новой челобитной кн. Туренина. Государи указали «говорить бояромъ». Бояре разсмотрѣли теперь дѣло по существу и приговорили выдать кн. Б. Касаткина князю

В. Туренину головою. Думный дьякъ, Ѳедоръ Лихачевъ, доложилъ приговоръ этотъ государямъ и государи:

«Указали князя Богдана Касаткина за кн. Васильево безчестье Туренина посадить на день въ тюрьму. И князю Богдану Касаткину государевъ указъ и боярскій приговоръ сказанъ и въ тюрьму князь Богданъ Касаткинъ посланъ съ подъячимъ съ Микиткою Кузминымъ». Кн. разр. 935.

Въ обоихъ случаяхъ «бояре» играютъ роль совѣта. Въ первомъ случаѣ государи хотѣли узнать, какое дать направленіе челобитной кн. Туренина. По существующимъ порядкамъ послѣдствія челобитной въ дѣлахъ объ отечествѣ могли быть очень различны. Челобитчику, въ случаѣ очевидной нелѣпости его иска, могло быть прямо отказано; но если бы, при предварительномъ разсмотрѣніи челобитной, оказалось, что ему «сошлось» съ отвѣтчикомъ, дѣло его могло быть разрѣшено «сыскомъ» или «судомъ». Государи хотѣли знать, какое направленіе дать дѣлу и потому потребовали мнѣнія бояръ. Бояре приговорили «дать судъ» и государи указали дать судъ. Во второмъ случаѣ боярамъ указано было произвести этотъ судъ. Бояре приговорили къ выдачѣ головою, государи на докладѣ измѣнили боярскій приговоръ и указали посадить виновнаго на день въ тюрьму. Въ обоихъ случаяхъ, боярскій приговоръ есть лишь матеріалъ для государева указа и только. Хотя государи въ послѣднемъ случаѣ измѣнили боярскій приговоръ, но кн. Касаткину, тѣмъ не менѣе, объявленъ государевъ указъ и боярскій приговоръ. И это отъ части вѣрно, ибо и бояре признали виновнымъ кн. Касаткина, разница только въ мѣрѣ наказанія.

Въ 1625 году билъ челомъ государю Д. Шенкурской на И. Измайлова. Государь:

«Указалъ о томъ сидѣть бояромъ, да что бояре о томъ приговорятъ, и государь указалъ о томъ доложить себя, государя». Книга разр. стол. 1155.

Думный дьякъ, Ѳедоръ Михаловъ, доложилъ государю боярскій приговоръ:

«И Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ указалъ Данилу Шенкурскому и Ивану Измайлову боярскій приговоръ сказати. И по государеву указу.... боярскій приговоръ сказанъ».

Здѣсь «бояре» опять выступаютъ въ качествѣ судей по приказу государя, но съ тою разницею, что государь утвердилъ ихъ приговоръ безъ всякихъ измѣненій.

Случаи такого участія бояръ въ судебной дѣятельности государя, сколько бы ихъ ни оказалось, недоказываютъ, что у бояръ есть право участвовать въ рѣшеніи отеческихъ дѣлъ. Эти дѣла рѣшаются государями и безъ всякаго участія бояръ. Въ 1618 году билъ челомъ государю стольникъ, В. Третьякъ, на кн. Юрія Буйникова, и «государь велѣлъ ему отказать», не справляясь съ мнѣніемъ бояръ. Въ томъ же году билъ челомъ государю Юр. Татищевъ на кн. Д. М. Пожарскаго; государь велѣлъ ему отказать и съ княземъ Пожарскимъ быть. Но когда Татищевъ не послушался этого указа, государь приказалъ его бить кнутомъ и выдать Пожарскому головою и опять безъ всякаго совѣщанія съ боярами, по той причинѣ, что царю дѣло было ясно. Такіе же примѣры единоличнаго суда царя въ отеческихъ дѣлахъ встрѣчаемъ въ 1624, 25 и 27 году *). Любопытно, что, по взгляду тяжущихся, бояре, въ дѣлахъ этого рода, иногда и вовсе не могли принимать участія. Въ 1614 году князья С. и М. Прозоровскіе били челомъ о судѣ и счетѣ на кн. Ѳ. Куракина. Государь велѣлъ «допросить» ихъ боярамъ. Прозоровскіе этимъ указомъ остались не довольны и вновь били челомъ о судѣ, надо полагать, передъ царемъ лично, потому что просьбу свою они мотивировали такъ:

«Случаевъ у насъ много (т. е. случаевъ назначенія на службу, въ которыхъ они были поставлены выше Куракиныхъ), да передъ бояры положить ихъ не мочно, потому что и до многихъ бояръ въ случаяхъ дойдетъ». Двор. разр. 158.

*) Книги разрядн. стол. 555, 558; см. еще 1624 г. стол. 1042, 1625 г. стол. 1160, 1627 г. стол. 1377.

Московскіе государи не только одни рѣшаютъ мѣстническіе споры, но одни, безъ всякаго совѣщанія съ боярами, установляютъ и общія нормы для рѣшенія такихъ споровъ. Въ 1616 году окольничій, кн. Гр. Волконскій, «сказывалъ» (т. е. представлялъ) царю англійскаго посла, а кн. Гр. Тюфякинъ этого посла звалъ къ государеву столу и ѣздилъ его потчивать, и вотъ по этому то у него и явилось опасеніе, не будетъ ли онъ поставленъ, въ случаѣ спора, ниже кн. Волконскаго. Для разъясненія своего сомнѣнія онъ обратился съ челобитьемъ къ государю.

«И государь приказалъ посольскому думному дьяку, Петру Третьякову, челобитье его записать въ Посолскомъ Приказѣ, что столнику, который посла зоветъ къ столу, до околничаго, который посла сказываетъ, въ отечествѣ дѣла нѣтъ; а околничему до него дѣла нѣтъ, и прежде того не бывало же». Двор. разр. 221.

Московскіе государи давно уже стремятся ограничить случаи мѣстническихъ споровъ, а потому разрѣшеніе челобитья кн. Тюфякина не представляло ни какого сомнѣнія, и оно послѣдовало безъ всякаго совѣщанія съ думными людьми.

Итакъ, думцы государевы, не имѣя постояннаго состава, не имѣютъ и опредѣленной компетенціи, а дѣлаютъ только то, что царь имъ прикажетъ.

Такой выводъ можетъ не только изумить, но показаться совершенно невѣроятнымъ людямъ, хорошо знакомымъ съ современной литературой о такъ называемой «боярской думѣ». Въ этой литературѣ можно найти не только старательно составленное перечисленіе предметовъ, подлежащихъ вѣдомству думы, но тамъ точно означены дни и часы, когда эта дума собирается и засѣдаетъ. Къ этой собирающейся въ опредѣленные дни и часы «думѣ» мы теперь и перейдемъ.

Въ Москвѣ, дѣйствительно, возникло учрежденіе, члены котораго засѣдали въ опредѣленные дни и часы и имѣли свою болѣе или менѣе опредѣленную компетенцію; но учре-

жденіе это существенно отличается отъ думы, хотя и имѣетъ съ нею нѣкоторыя точки соприкосновенія.

Съ самыхъ древнихъ временъ князь былъ судьей и лично отправлялъ дѣла правосудія. По мѣрѣ объединенія Россіи подъ властью Москвы, отправленіе суда лично государемъ дѣлалось все затруднительнѣе. Но и московскіе государи продолжаютъ судить сами и въ первой инстанціи еще въ XIV и XV вѣкѣ. Не имѣя, однако, возможности разрѣшать всѣ дѣла, предоставленныя ихъ личному суду, вел. князья учреждаютъ себѣ въ помощь бояръ введеныхъ, которымъ даютъ право судить свой судъ. Такимъ образомъ, возникли особыя лица, которыя судили «судъ великаго князя». До Ивана III они судили этотъ судъ единолично; съ Ивана III они должны были судить его самъ другъ съ дьякомъ (Рус. Юр. древн. I т., стр. 372). Дальнѣйшій шагъ въ организаціи этого высшаго суда состоялъ въ учрежденіи боярской судной коллегіи. Когда именно была она учреждена и въ какомъ видѣ,— это не ясно. При Иванѣ III такой коллегіи, стоявшей выше приказовъ, кажется, еще не было. Первая статья его Судебника говоритъ:

«Судити судъ бояромъ и околничимъ, а на судѣ быти у бояръ и о у околничихъ діакомъ».

Изъ этой статьи слѣдуетъ, что есть судъ бояръ и окольничихъ, на которомъ присутствуютъ дьяки. Но какой это судъ, судъ приказовъ, гдѣ сидитъ бояринъ или окольничій и при немъ дьякъ, или высшій судъ надъ приказами, состоящій изъ бояръ, окольничихъ и дьяковъ? Вторая статья того же Судебника даетъ право думать, что это судъ приказовъ, ибо она предписываетъ «боярину» жалобниковъ отъ себя не отсылать, а давать управу, кому пригоже; а кому не пригоже, о томъ сказать великому князю, или «къ тому его послати, которому которые люди приказано вѣдати». Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ не о высшемъ судѣ, а о приказномъ. Надо думать, что о приказномъ судѣ говоритъ и 1 ст., стоящая въ прямой связи со 2-й. Это толкованіе со-

вершенно подтверждается и царскимъ Судебникомъ. Статья 7-я этого послѣдняго соотвѣтствуетъ 2-й статьѣ перваго Судебника и говоритъ о приказномъ судѣ, а не о высшемъ боярскомъ; другихъ же статей, въ которыхъ можно было бы видѣть указаніе на существованіе высшаго боярскаго суда, нѣтъ, а потому есть достаточное основаніе думать, что и въ періодъ составленія второго Судебника такого суда еще не было *).

Но отъ второй половины XVI в. мы уже имѣемъ документальное свидѣтельство о существованіи высшаго боярскаго суда. Подъ приговоромъ чиновъ собора 1566 года о ливонскихъ дѣлахъ встрѣчаемъ такую подпись: «А у бояръ въ судѣ язъ, Борисъ Ивановичъ Сукинъ». Б. И. Сукинъ былъ дьякъ, изъ подписи же его слѣдуетъ, что онъ состоялъ членомъ боярскаго суда. Это не судъ приказа, ибо приказовъ было много и въ каждомъ были свои дьяки; и не судъ одного боярина введенаго, ибо трудно думать, чтобы единоличный судъ боярина введенаго назывался «судомъ бояръ». Что же это за судъ?

Прежде всего надо замѣтить, что у насъ въ древности судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія: кто управлялъ, тотъ и судилъ, и, наоборотъ, кто судилъ, тотъ могъ разсматривать и вопросы управленія. Поэтому выраженіе «судъ бояръ» нельзя понимать въ тѣсномъ смыслѣ высшей боярской исключительно судной коллегіи. Это была, надо думать, не судная только, а «расправная» коллегія, вѣдавшая и судъ и управленіе.

*) Г. Лихачевъ въ своемъ сочиненіи «Разрядные дьяки XVI вѣка» приводитъ «боярскій приговоръ, что приговорили о покраденной у корельскаго попа ржи» отъ 1520 года. Въ постановленіи приговора участвовали: четыре боярина, четыре окольничихъ, печатникъ и 3 думныхъ дьяка. Изъ напечатаннаго документа не видно, что это за «бояре»,—думцы это государевы, или спеціальная судебная коллегія. Если мы и допустимъ, что «бояре» въ данномъ случаѣ дѣйствовали не въ качествѣ думцевъ, а въ качествѣ суда, все же это будетъ судъ на случай, а не постоянная судная палата. Спеціальныя же суды на извѣстный случай всегда, конечно, имѣли мѣсто.

Такая коллегія возникла у насъ въ 1564 году. Въ этомъ году царь учредилъ опричнину.

«Государство же свое Московское, воинство, и судъ, и управу, и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдать и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ земскихъ: князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, и всѣмъ бояромъ. А конюшему, и дворецкому, и казначеемъ, и дьякомъ, и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлахъ приходити къ бояромъ. А ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлахъ приходити къ государю». Александро-Невская лѣт., у Карамзина, IX, пр. 137.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первымъ учрежденіемъ особой боярской коллегіи, дѣйствующей самостоятельно въ предѣлахъ предоставленной ей компетенціи. Эта коллегія имѣетъ свой постоянный составъ, опредѣленный указомъ царя. Въ нее назначены бояре, которымъ велѣно быть «въ земскихъ». Подлинный указъ до насъ не дошелъ, а потому мы и не можемъ сказать, кто именно былъ назначенъ Грознымъ въ составъ правительственной боярской коллегіи. Мы знаемъ только двухъ членовъ, принадлежавшихъ къ ея первоначальному составу, это были: князья И. Бѣльскій и И. Мстиславскій, названные въ приведенной уже выпискѣ изъ Александро-Невской лѣтописи; позднѣе къ нимъ былъ присоединенъ кн. Мих. Воротынскій, онъ упомянутъ въ документѣ 1570 года, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Можно думать, что и дьякъ, Б. И. Сукинъ, принадлежалъ къ составу этой же коллегіи, такъ какъ никакой другой въ это время не было.

Эта коллегія имѣла свою опредѣленную компетенцію. Ей предоставлено было вѣдать все внутреннее управленіе, военное и гражданское, и судъ. Приказы, имѣвшіе по судебникамъ докладъ у государя непосредственно по всѣмъ дѣламъ, которыхъ нельзя было рѣшить безъ государева вѣдома (ст. 2-я перваго и 7-я второго), должны были теперь по всѣмъ «большимъ дѣламъ» обращаться съ докладами къ «боярамъ»

земской коллегіи. Эти бояре получили право разрѣшать своею властью всѣ дѣла, за исключеніемъ «ратныхъ и великихъ земскихъ»; по этимъ послѣднимъ они сами должны были дѣлать докладъ государю.

Очень можетъ быть, что въ подлинномъ государевомъ указѣ, до насъ недошедшемъ, разграничіе власти бояръ отъ власти государя было сдѣлано въ болѣе точныхъ выраженіяхъ; но во всякъ случаѣ трудно думать, чтобы земскимъ боярамъ предоставлена была компетенція, выходящая за предѣлы прямого примѣненія царскихъ указовъ. Иванъ Грозный слишкомъ ревниво относился къ своей власти, чтобы предоставить земскимъ боярамъ сколько-нибудь широкія полномочія по управленію государствомъ. Отъ времени, непосредственно послѣдовавшаго за учрежденіемъ земской боярской коллегіи, мы имѣемъ нѣсколько жалованныхъ и льготныхъ грамотъ, одну грамоту о порядкѣ платежа таможенныхъ пошлинъ, о мѣрахъ противъ корчемства и игры зернью и одинъ наказъ бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ о порядкѣ преслѣдованія лихихъ людей *). Всѣ эти грамоты даны отъ имени самого царя. Высшее управленіе, какъ и слѣдовало ожидать, осталось въ его рукахъ. Къ боярамъ перешло только исполненіе указовъ, да и въ этой области трудно думать, чтобы они дѣйствовали съ нѣкоторою самостоятельностью въ сколько нибудь сомнительныхъ случаяхъ. Время для этого было очень неблагопріятно. Отъѣздъ царя въ Александровскую слободу сопровождался выраженіемъ недовѣрія къ боярамъ; въ письмѣ къ митрополиту Иванъ Грозный перечисляетъ боярскія измѣны и беззаконія и этимъ объясняетъ свой отъѣздъ, а позднѣе—и учрежденіе опричнины. При такихъ условіяхъ боярамъ трудно было дѣйствовать самостоятельно даже и въ мелкихъ вопросахъ текущаго суда и управленія.

*) А. Э. I. № 269, 276, 277, 279, 281, 1565—1571; А. И. I. № 188, 191, 193, 1573—1575.

Можно думать, что любимой формой ихъ дѣятельности были доклады государю.

Какъ бы ни была зависима и несамостоятельна дѣятельность коллегіи земскихъ бояръ, все же она существенно отличается отъ дѣятельности думы государевой. Государева дума только подготовляетъ дѣла къ рѣшенію государя; она дѣлаетъ это или въ присутствіи царя, или въ особомъ засѣданіи безъ царя, но всегда по его особому указу. Она сама ничего не рѣшаетъ. Если царь приказываетъ думѣ составить приговоръ, приговоръ этотъ исполняется не самъ по себѣ, а въ силу государева указа. Учрежденная Иваномъ Грознымъ коллегія земскихъ бояръ имѣетъ свою собственную компетенцію и въ предѣлахъ этой компетенціи сама рѣшаетъ восходящіе на ея разсмотрѣніе вопросы. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію земскихъ бояръ, восходятъ къ нимъ изъ приказовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда приказы не находили возможнымъ разрѣшить ихъ сами, по ихъ важности или по инымъ причинамъ, и по жалобѣ частныхъ лицъ на рѣшенія приказовъ. Можно допустить и третье основаніе: земскіе бояре могли разсматривать нѣкоторыя дѣла и въ первой инстанціи; это дѣла о всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые никому не были приказаны.

Коллегія земскихъ бояръ представляетъ совершенную новость въ нашей исторіи; до 1564 года, ничего подобнаго у насъ не было. Но къ той же коллегіи царь могъ обратиться и за совѣтомъ и, такимъ образомъ, временно превратить ее въ свою думу. Такой случай извѣстенъ нашимъ памятникамъ. Въ 1570 году земскіе бояре получили отъ сибирскаго царя грамоту, перевели ее съ татарскаго языка на русскій и препроводили къ царю. Въ отвѣтъ они получили такой приказъ:

«И вы бъ о томъ поговорили, пригоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ о томъ ссылатися, и почему въ Сибирь татаринъ къ царю отпущенъ, и что съ нимъ писано, и въ которомъ году отпущенъ? Да что ваша будетъ мысль, и

вы бъ приговоръ свой къ намъ отписали»... А. А. Э. I. № 179.

Приказъ этотъ посланъ былъ изъ Александровской слободы, гдѣ, конечно, у царя не было недостатка въ совѣтникахъ; но онъ нашелъ нужнымъ посовѣтоваться съ земскими боярами, а не съ опричными. Это соединеніе двухъ функцій въ одномъ и томъ же учрежденіи ничего не мѣняетъ въ существѣ дѣла. Совѣтниковъ своихъ и по учрежденіи опричнины царь беретъ, гдѣ желаетъ. Но рядомъ съ этимъ старымъ явленіемъ возникло новое, коллегія земскихъ бояръ, поставленная надъ приказами; это не дума, а Расправная палата, имѣющая власть рѣшать текущія дѣла суда и управленія.

Мы не можемъ съ точностью сказать, до какого года существовала учрежденная Иваномъ Грознымъ земская Расправная палата. Ясно только, что она существовала не долго, скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе десяти лѣтъ. Въ 1570 году она еще существуетъ. Только что приведенная переписка о сибирскихъ дѣлахъ ведется отъ имени «Иванца Бѣльскаго, Иванца Мстиславскаго, Михальца Воротынскаго и всѣхъ бояръ». Царь въ своей отвѣтной грамотѣ называетъ Бѣльскаго и его товарищей полными именами и съ вичемъ. Но уменьшительная форма боярской грамоты указываетъ, что земскіе бояре находились въ довольно приниженномъ положеніи. Въ слѣдующемъ году И. Ѳ. Мстиславскій былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ. Въ данной имъ «проклятой» грамотѣ онъ признается, что «вѣры своей не соблюлъ и государю своему измѣнилъ, навелъ съ своими товарищами безбожнаго крымскаго Девлетъ-Гирея царя на святыя православныя церкви». Только благодаря предстательству митрополита, шести епископовъ и 14 архимандритовъ и игуменовъ и поручительству двухъ бояръ, одного окольничаго и нѣсколькихъ сотъ подпоручниковъ государь простилъ измѣнника и опалу съ него снялъ *). Остался ли онъ чле-

*) Рум. Собр. I № 196. Издатель къ проклятой грамотѣ кн. Мстиславскаго дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Судя по множеству данныхъ о

номъ земской Расправы и послѣ своей измѣны, этого мы не знаемъ; но два ближайшіе къ нему товарища выбыли изъ нея.

Первый бояринъ расправы, кн. Бѣльскій, былъ убитъ въ приходъ Девлетъ-Гирея къ Москвѣ, въ 1571 году; третій членъ, князь М. И. Воротынскій, былъ казненъ два года спустя послѣ нашествія Девлетъ-Гирея. Въ 1574 году встрѣчаемся съ учрежденіемъ, которое, по всей вѣроятности, упразднило земскую расправу, если она только дожила до этого года. По разсказу рукописнаго временника:

«Царь Иванъ Васильевичъ произволилъ въ этомъ году и посадилъ царемъ въ Москвѣ Симеона Бекбулатовича (крещенаго татарина) и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вышелъ изъ города на Петровку. Весь свой чинъ царскій государь отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ; и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, ссаживается отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами». Соловьевъ VI, 210.

Подлинный указъ о возведеніи царскою волею на московскій престолъ татарина до насъ не дошелъ, но фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы имѣемъ нѣсколько грамотъ, данныхъ «великимъ княземъ Симеономъ

немъ (Мстиславскомъ) записей и по мѣрѣ государева гнѣва, должно заключить, что преступленіе его было довольно важно». Мы думаемъ, что должно заключить къ совершенно обратному. За вину Мстиславскаго государь возложилъ на него свою опалу. Если же допустить, что Мстиславскій былъ дѣйствительно виновенъ въ томъ, въ чемъ сознался, и былъ наказанъ за свою измѣну только опалою государевой, то является совершенно непонятнымъ ходатайство за него всего духовенства съ митрополитомъ во главѣ. Вина—первой важности, наказаніе сравнительно легкое, о чемъ же ходатайствовать духовенству? Русскіе воеводы, высланные противъ Гирея, не помѣшали ему перейти черезъ Оку и сжечь Москву. Первыми воеводами были тѣ же земскіе бояре: Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій. Вотъ въ чемъ вина Мстиславскаго. Онъ не умѣлъ отразить Гирея. Больной царь хотѣлъ видѣть въ этомъ измѣну. Чтобы ублажить его, Мстиславскій признался въ измѣнѣ. Духовенство, конечно, хорошо знало, что никакой измѣны не было; могла быть оплошность, а потому и явилось ходатаемъ.

Бекбулатовичемъ всея Русіи». Это указываетъ, что произведенное въ 1564 году выдѣленіе опричнины и учрежденіе земской расправы для управленія Московскимъ государствомъ болѣе уже не удовлетворяло царя. Его больное воображеніе перешло отъ боярской коллегіи къ иному способу управленія государствомъ, и онъ далъ Москвѣ царя, а самъ жилъ, какъ частный человѣкъ. Полномочія этой царской тѣни были гораздо обширнѣе полномочій земскихъ бояръ. Симеонъ давалъ своею властью жалованныя и льготныя грамоты и грамоты о порядкѣ взиманія податей; государевы дворцовыя села онъ называлъ «нашими» *). Этому глиняному царю Иванъ Грозный подавалъ челобитныя, въ которыхъ просилъ его «показать ему милость» дозволить устроить себѣ дворъ, однихъ людей принять, другихъ отпустить и «о людишкахъ своихъ съ твоими, государевыми, приказными людьми памятями ссылаться» **). Но эта игра больного монарха въ цари и раболѣпные подданные продолжалась не долго. По прошествіи двухъ лѣтъ Иванъ Васильевичъ ссадилъ татарина съ Московскаго царства и назначилъ его великимъ княземъ тверскимъ. Въ этомъ новомъ достоинствѣ мы встрѣчаемъ Симеона Бекбулатовича еще и въ 1582 году. Онъ пожаловалъ въ этомъ году Арсенія, игумена Спасскаго монастыря, пустошами въ Тверскомъ уѣздѣ ***). Занявъ попрежнему престолъ своихъ предковъ, Иванъ Грозный возвратился и къ прежнему порядку управленія и суда. Это заключаемъ мы изъ того, что ни въ послѣдніе годы его царствованія, ни въ царствованіе сына его, Ѳеодора, не встрѣчаемъ никакихъ указаній на существованіе высшей боярской коллегіи, какъ учрежденія постояннаго. Въ это время, для разсмотрѣнія дѣлъ, не подлежавшихъ вѣдомству того или другого приказа, всякій разъ назначался царемъ особый судъ на этотъ случай. Такъ

*) А. И. I. № 195; А. Э. I. № 290 и 292; 1576.
**) Соловьевъ, VI, прим. 94.
***) А. Э. I, № 316.

поступилъ самъ Иванъ Грозный въ 1579 году. 25 декабря этого года велѣлъ онъ стоять у своего государева стола въ товарищахъ съ крайчимъ, Бор. Ѳед. Годуновымъ, князю И. В. Сицкому. Сицкій этого назначенія не принялъ и билъ челомъ объ отечествѣ, о счетѣ. Государь велѣлъ дѣло это судить двумъ боярамъ да одному дьяку. Такъ поступалъ и сынъ его, Ѳеодоръ. Отъ царствованія этого государя мы имѣемъ шесть случаевъ мѣстническаго суда, въ которыхъ всякій разъ назначались спеціальные судьи и всякій разъ изъ двухъ лицъ, изъ боярина и дьяка. Это—совершенное возвращеніе къ тому порядку, который установился еще при Иванѣ Васильевичѣ III, къ суду одного боярина введеннаго съ дьякомъ *).

Этотъ порядокъ вещей продолжается и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, онъ также назначаетъ спеціальный судъ изъ одного боярина и дьяка **). Но въ его царствованіе возникаетъ и новый порядокъ, окончательно закрѣпленный Уложеніемъ. Михаилъ Ѳедоровичъ начинаетъ приказывать тѣ же дѣла, которыя до него и при немъ судилъ бояринъ съ дьякомъ, «судить бояромъ» и не только судъ судить, но и вершить дѣло. Въ началѣ XVII вѣка это дѣлается всякій разъ по особому государеву указу. Челобитье подается государю, а государь приказываетъ «сидѣть о томъ бояромъ», или «поговоря о томъ, указъ учинити». На основаніи такого указа бояре «приговариваютъ»: или отказать челобитчику, или посадить виновнаго въ тюрьму и т. д. ***). Здѣсь мы присутствуемъ при самомъ зарожденіи Расправной палаты XVII вѣка ****). Государь уполномочиваетъ «бояръ»

*) Симбирск. сбор. Разрядн. кн. стр. 67, 98, 99, 103, 105 и 106.

**) Въ 1623 г. назначенъ былъ кн. Д. Т. Трубецкій и дьякъ Мих. Даниловъ, въ томъ же году кн. Ив. Ив. Шуйскій и тотъ же дьякъ; въ 1627 г. велѣно было судить боярину Мих. Бор. Шеину и опять тому же дьяку. Книги разр. стол. 933, 937 и 1371.

***) Книги разрядн. I, стол. 551—554, 556, 673 и др.

****) Въ Уставной книгѣ разбойнаго приказа есть нѣсколько «боярскихъ приговоровъ» отъ времени Ѳедора Ивановича и Бориса Году-

разсмотрѣть челобитье и составить приговоръ, т.-е. рѣшить дѣло, не внося на его утвержденіе. Въ этихъ случаяхъ бояре дѣйствуютъ не какъ думцы государя, а какъ самостоятельный судъ, облеченный правомъ рѣшать. Но это дѣлается всякій разъ по особому полномочію. Постояннаго учрежденія боярской расправы, дѣйствующей по общему праву, а не по спеціальному всякій разъ указу, нѣтъ и въ 1626 году. Въ этомъ году Помѣстный приказъ спрашивалъ государей, какъ они прикажутъ, послѣ пожару, помѣстныя и вотчиныя дѣла дѣлать? Государи приказали:

«И которыхъ статей въ Помѣстномъ приказѣ о помѣстныхъ и вотчиныхъ дѣлѣхъ безъ государева царева и вел. князя Михаила Ѳедоровича и отца его, государева, великаго государя, святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, имяннаго приказу, дѣлать не мочно, тѣ статьи они, государи, велѣли написать и принесть къ себѣ, государямъ, въ докладъ». Влад.-Буд. Христом. III, 214.

Мы здѣсь находимся еще на точкѣ зрѣнія царскаго Судебника, который предписываетъ:

«А которому будетъ жалобнику, безъ государева вѣдома, управы учинити немочно, ино челобитье его сказати царю государю» 7.

Какъ въ 1550 году не было никакой посредствующей инстанціи между государемъ и приказами, а дѣла, въ случаѣ недостатка указа, шли изъ приказовъ прямо къ царю; такъ и въ 1626 году дѣла изъ приказовъ (по крайней мѣрѣ изъ Помѣстнаго) непосредственно докладываются государю.

нова, но не видно, кого надо разумѣть здѣсь подъ боярами: думцевъ государевыхъ или судную коллегію. Царствованіе Ѳедора Ивановича представляетъ анормальное явленіе, государствомъ управлялъ не царь, а Борисъ съ пятью-шестью боярами (см. выше стр. 375). Въ данномъ случаѣ Борисъ игралъ роль царя, пять-шесть бояръ—были его думцы. Они, конечно, составляли всякіе приговоры и эти приговоры и занесены въ уставную Разбойную книгу подъ названіемъ «боярскихъ». При царѣ Борисѣ могла уже назначаться боярская судная коллегія.

Между царемъ и приказами нѣтъ еще никакого постояннаго учрежденія. Первое указаніе въ законодательствѣ на такое посредствующее учрежденіе находимъ лишь въ Уложеніи 1649 года и то довольно нерѣшительное. Въ Уложеніи читаемъ:

«А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершити будетъ немощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ» X, 2.

Редакція статьи показываетъ, какъ сильны были въ Москвѣ историческія традиціи, и какъ трудно было людямъ XVII вѣка перейти отъ стараго привычнаго порядка къ новому. Изъ конца статьи ясно, что бояре имѣютъ свои собственныя засѣданія безъ царя, на которыхъ и рѣшаютъ всякія дѣла, поступающія изъ приказовъ. Но дѣла изъ приказовъ поступаютъ на основаніи доклада. Кому же дѣлается докладъ? Если бояре уполномочены рѣшать дѣла, то имъ и долженъ дѣлаться докладъ. Статья же говоритъ о докладѣ государю и его государевымъ бояромъ. Что же это значитъ? Дѣлать докладъ царю и боярамъ единовременно въ данномъ случаѣ нельзя, ибо бояре сидятъ въ палатѣ безъ царя и безъ царя рѣшаютъ дѣла; дѣлать докладъ сперва царю, а потомъ боярамъ нѣтъ надобности, ибо государь впередъ уполномочилъ бояръ рѣшать эти дѣла. Это недостатокъ редакціи, въ которомъ слышится остатокъ старины. И въ древности докладъ дѣлается государю лично во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приказные судьи или бояре введеные не находятъ возможнымъ сами разрѣшить дѣло.

Это практика вѣковъ, она и проскользнула въ Уложеніе, хотя Уложеніе и установило посредствующую между приказами и царемъ инстанцію. Въ дѣйствительности, конечно, дѣла изъ приказовъ поступали къ боярамъ и царю докладывались только тѣ изъ нихъ, которыя и бояре не

находили возможнымъ разрѣшить. Это совершенно ясно изъ послѣдующихъ указовъ. Напримѣръ:

«Къ бояромъ, въ Золотую палату, дѣла взносить къ слушанію и къ вершенію изъ приказовъ: въ понедѣльникъ изъ Разряда, во вторникъ изъ приказа Большія казны» и т. д. 1669. П. С. З. № 460.

Итакъ, возникновеніе высшаго учрежденія «бояръ» есть весьма позднее явленіе нашей исторіи. Окончательное учрежденіе его относится къ половинѣ XVII вѣка. Попытка Ивана Грознаго создать высшій боярскій судъ имѣла очень кратковременное бытіе.

Переходимъ къ составу, вѣдомству и власти этого высшаго судебно-правительственнаго учрежденія.

Уложеніе предписываетъ сидѣть въ палатѣ..... «бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ» X, 2. Тоже говорятъ и позднѣйшіе указы *). Но значитъ ли это, что всѣ наличные думные чины, безъ особаго назначенія, состояли членами боярской палаты? Это очень сомнительно. Многіе изъ нихъ имѣли уже назначенія и, конечно, не могли оставить своихъ мѣстъ безъ особаго указа. Надо думать, что члены боярской палаты назначались царемъ изъ думныхъ чиновъ особымъ указомъ. И мы дѣйствительно имѣемъ указанія на такія назначенія. Первое изъ нихъ дошло къ намъ отъ 1681 года. Въ этомъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, назначены въ Расправную палату товарищами къ князю Ник. Ив. Одоевскому: трое бояръ, трое окольничихъ, трое думныхъ дворянъ и двѣнадцать думныхъ дьяковъ. Съ этого года по 1689 г. не встрѣчаемъ ни одного новаго назначенія членовъ Расправной палаты, а въ 1689 году было два такихъ назначенія. Первый разъ, 12 сентября, первоприсутствующимъ указано было быть Як. Ник. Одоевскому, а товарищами къ нему назначены: трое бояръ, четверо окольничихъ, двое думныхъ дворянъ и двое думныхъ дьяковъ. Въ томъ же году, 14 октября, составъ палаты былъ пополненъ еще однимъ окольничимъ. Въ 1690

*) П. С. З. № 460, 838, 885; 1669—1680.

году встрѣчаемъ новое назначеніе третьяго думнаго дьяка и т. д. *).

Назначенные въ Расправную палату члены оставались въ этомъ званіи, пока нравилось государю, и могли быть возвращены даже въ прежнее состояніе, хотя бы и низшее. Такъ случилось съ думнымъ дьякомъ Прот. Никифоровымъ. Въ 1689 году онъ былъ назначенъ въ Расправную палату, а въ 1691 государь «указалъ ему въ Расправной палатѣ не быть, а быть ему въ Помѣстномъ приказѣ, попрежнему» **).

Расправная палата собиралась въ опредѣленные дни и часы. Въ древнѣйшемъ указѣ по сему предмету (1669) опредѣляются только дни: члены палаты должны были собираться ежедневно, кромѣ субботы. Потомъ нашли нужнымъ опредѣлить и часъ пріѣзда. Въ 1674 году приказано было съѣзжаться въ 10-мъ часу дня, а съ 1676 года—въ 1-мъ ***). Эта неопредѣленность и неустойчивость порядка указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ возникающимъ только учрежденіемъ, которому приходится еще отыскивать себѣ мѣсто въ ряду болѣе старыхъ.

Расправная палата состояла изъ первоприсутствующаго члена и его товарищей. Первоприсутствующій былъ предсѣдателемъ. Въ указахъ, опредѣляющихъ порядокъ дѣятельности палаты, онъ назывался иногда по имени, объ остальныхъ же членахъ говорилось, какъ о его товарищахъ. Такъ въ указѣ 1681 года дѣлается предписаніе «бояромъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые сидятъ въ Расправной палатѣ съ бояриномъ, со княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ въ товарищахъ»... ****). Первоприсутвующій членъ палаты назначался также царемъ. Намъ извѣстны имена трехъ первоприсутствующихъ: первымъ былъ кн. Ник. Ив. Одоев-

*) Дворц. разр. IV. столб. 187, 483, 490, 523 и пр. Эта отрывочность извѣстій объясняется неполнотой дошедшихъ до насъ разрядныхъ книгъ.

**) Тамъ же, столб. 624.

***) П. С. З. № 460, 582 и 621.

****) П. С. З. № 885.

скій, онъ же первоприсутствующій членъ уложенной комиссіи; за нимъ слѣдовалъ его сынъ, Як. Ник. Одоевскій; а въ 1691 году встрѣчаемъ въ этой должности кн. Мих. Як. Черкаскаго *).

Что касается вѣдомства боярской палаты, то нѣтъ надобности опредѣлять его на основаніи практики, оно опредѣлено въ указахъ. По Уложенію всѣ спорныя дѣла, которыхъ почему либо нельзя было рѣшить въ приказахъ, вносятся къ боярамъ. Такимъ образомъ, боярская палата есть высшее въ государствѣ судебное учрежденіе, поставленное надъ приказами. Уложеніе точно не опредѣляетъ, по какимъ причинамъ дѣло можетъ быть не рѣшено въ приказѣ. Такихъ причинъ наша старая практика знала три: 1) отсутствіе указа, разрѣшающаго дѣло, 2) сомнѣніе въ пониманіи существующаго указа и 3) разногласіе членовъ приказа, которые должны были рѣшать всѣ дѣла «вмѣстѣ», т. е. единогласно. Въ этихъ случаяхъ дѣло переходило въ палату. Другихъ основаній для переноса дѣла въ палату, кромѣ невозможности рѣшить его, Уложеніе не знаетъ. Но они скоро явились. Молчаніе о нихъ Уложенія опять указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ вновь возникающимъ учрежденіемъ, компетенція котораго была опредѣлена не сразу, а постепенно. Уложеніе предусматриваетъ случай отказа въ правосудіи. Кто нибудь билъ въ приказѣ челомъ, а ему суда не дали и указа не учинили; что ему дѣлать? Такъ какъ то же Уложеніе учредило боярскую палату, то, понятно, такому челобитчику слѣдовало бы на отказъ въ правосудіи жаловаться палатѣ. Но Уложеніе предоставляетъ ему жаловаться прямо государю X. 20. Это вторая непослѣдовательность, опять объясняемая живучестью старой точки зрѣнія, по которой государь является судіей во всѣхъ дѣлахъ. Но логика сдѣлала свое дѣло: скоро замѣтили, что и въ этихъ случаяхъ надо обращаться не къ государю, а къ «боярамъ», а потому указъ 1680 года говоритъ, что бояре

*) Дворц. разр. IV столб. 187, 483 и 623.

не только слушаютъ спорныя дѣла, вносимыя изъ приказовъ, но и челобитныя принимаютъ *). Какія это челобитныя, это нигдѣ не опредѣлено, но объясняется существомъ дѣла. Это, конечно, челобитныя, какъ на отказъ въ правосудіи, такъ и на неправильныя рѣшенія приказовъ. У насъ никогда не было воспрещено жаловаться на неправильныя рѣшенія; эти жалобы всегда подавались государямъ, а съ учрежденія боярской палаты они должны были подаваться ей.

Судебныя дѣла назывались у насъ еще расправными дѣлами; отсюда возникло офиціальное наименованіе вновь учрежденной палаты Расправной палатой **).

Степень власти Расправной палаты также опредѣлена указами. Уложеніе говоритъ, что Расправная палата всѣ государевы дѣла рѣшаетъ по государеву указу X. 2. Такъ же выражаются и позднѣйшіе указы. Приведенный уже указъ отъ 1680 года предписываетъ палатѣ, по всѣмъ въ нее поступающимъ дѣламъ, чинить государевъ указъ «по его великаго государя указу и по Уложенію». Палата, слѣдовательно, дѣйствуетъ по существующимъ указамъ. Ей принадлежитъ та же степень власти, что прежде (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь) принадлежала приказамъ. Отсюда слѣдуетъ, что если «бояре» найдутъ почему либо невозможнымъ рѣшить дѣло, они должны доложить о немъ государю. Именно такое распоряженіе находимъ въ указѣ отъ 1694 года. Такъ какъ въ этомъ указѣ сведены вмѣстѣ всѣ прежнія распоряженія о боярской палатѣ и онъ какъ бы завершаетъ ея организацію, то мы и приведемъ изъ него главныя части.

«Великіе государи указали: судныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ, по которымъ въ приказахъ судьямъ указу зачѣмъ учинить будетъ не мочно, или которые и вершены, а

*) П. С. З. № 838.

**) Дворц. разр. IV столб. 523, 557, 623; рядомъ съ Расправной палатой употребительно выраженіе «у расправныхъ дѣлъ», тамъ же столб. 187, 483 и 490.

на вершенья учнетъ кто.....бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить, также и о иныхъ о какихъ дѣлѣхъ учнетъ кто... бить челомъ, и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитенъ слушать... бояромъ и думнымъ людямъ всѣмъ и по тѣмъ дѣламъ и по челобитнымъ свой великихъ государей указъ чинить по своему великихъ государей указу, по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ... А которыхъ дѣлъ имъ, бояромъ и думнымъ людемъ, зачѣмъ безъ ихъ великихъ государей именнаго указа вершить будетъ не мочно, и по тѣмъ дѣламъ докладывать великихъ государей»... П. С. З. № 1491.

Въ этомъ указѣ находимъ и нѣкоторую прибавку къ тому, что прежде говорилось о вѣдомствѣ боярской палаты: она вѣдаетъ не одни судныя и розыскныя дѣла, но и иныя дѣла, о которыхъ кто-либо учнетъ челомъ бить. Подъ этими иными дѣлами, противополагаемыми суднымъ, надо разумѣть всѣ дѣла, возникающія по вопросамъ управленія. Но если это новость, возникшая только въ 1694 году? Это очень сомнительно. Для отвѣта на этотъ вопросъ надо припомнить, какъ развивалось наше законодательство въ древности. Въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ трудовъ *) мы имѣли уже случай выяснить, что московское законодательство развивается путемъ практики. Прежде чѣмъ какое-либо правило попадетъ въ судебникъ, или уложеніе, оно дѣйствуетъ на практикѣ въ силу частныхъ указовъ. Такъ было, конечно, и съ боярской палатой. Прежде чѣмъ появилось Уложеніе и другіе указы, опредѣлявшіе порядокъ дѣятельности боярской палаты, она уже призывалась къ рѣшенію разныхъ дѣлъ, такъ было въ царствованіе Алексѣя Михайловича, а можетъ быть и ранѣе, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и даже Борисѣ. И здѣсь практика шла впереди законовъ. 2 статья X главы Уложенія, поэтому, не должна быть разсматриваема, какъ чистая новость; она только формулируетъ прежнюю практику, даетъ законное основаніе тому, что и прежде дѣлалось. А многое такъ и осталось практикой и не перешло въ законъ. Напримѣръ, со-

*) Опыты изслѣдованія обычнаго права. 1882.

ставъ палаты; онъ назначается государемъ изъ думныхъ людей, но это не опредѣлено ни въ одномъ указѣ. Вотъ поэтому-то мы и думаемъ, что прибавка указа 1649 года едвали тоже составляетъ новость, что палата по крайней мѣрѣ съ Уложенія вѣдаетъ не одни судныя дѣла, но и правительственныя, которыхъ почему-либо нельзя было рѣшить въ приказахъ.

Степень власти палаты опредѣляется совершенно такъ же, какъ опредѣлялась степень власти приказовъ: она рѣшаетъ на основаніи Уложенія и государевыхъ указовъ всѣ судныя и правительственныя дѣла, пока не окажется, что какого либо дѣла «рѣшити будетъ не мощно». Нельзя сказать, чтобы въ этомъ опредѣленіи была проведена точная граница власти палаты. Что можно рѣшить на основаніи указовъ и чего нельзя,—это дѣло весьма широкаго усмотрѣнія. На основаніи этого правила могло выработаться и очень свободное толкованіе указовъ, при которомъ доклады государю могли имѣть мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ, и очень ограниченное, вызывавшее постоянные высочайшіе доклады. Какъ было въ дѣйствительности, это трудно сказать, такъ какъ практика палаты намъ мало извѣстна, а то, что намъ извѣстно, мы никакъ не можемъ мѣрить нашею современною мѣрою. Въ XVII вѣкѣ въ компетенцію Расправной палаты, обязанной рѣшать судныя и правительственныя дѣла на основаніи государевыхъ указовъ, входило не только разрѣшеніе отдѣльныхъ случаевъ, но и установленіе общихъ правилъ на всѣ будущіе случаи, конечно, когда палата находила, что ихъ можно сдѣлать безъ доклада государю. Поводъ такъ думать даютъ нѣкоторыя статьи, находящіяся въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа. Но прежде чѣмъ привести эти статьи, необходимо сдѣлать оговорку.

Въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа встрѣчаемъ доклады «боярамъ» и «боярскіе приговоры». Но книга Разбойнаго приказа нигдѣ не объясняетъ, что это за бояре, которымъ дѣлается докладъ: думцы ли это государевы, или суд-

ная коллегія, которая, какъ мы видѣли, начинаетъ уже появляться въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и которой онъ предоставлялъ рѣшать дѣла безъ доклада себѣ. Въ книгѣ приводится только докладъ и приговоръ бояръ, но какъ возникъ докладъ, по государеву ли спеціальному указу «говорить съ боярами» или какъ иначе, объ этомъ ни слова. Эта краткость памятника соотвѣтствуетъ его характеру: въ немъ изложены не подлинныя дѣла во всемъ ихъ теченіи, а только окончательные приговоры, которые имѣютъ значеніе въ смыслѣ руководства приказу Разбойныхъ дѣлъ въ его будушей дѣятельности. Вотъ эта неясность и допускаетъ лишь съ большой оговоркой разсматривать «приговоры бояръ», какъ приговоры Расправной палаты. Приведемъ два-три примѣра такихъ приговоровъ для характеристики нашей древней практики.

Въ 13 главѣ уставной Разбойной книги было написано, что убытки, возникающіе изъ преступленій, совершенныхъ несвободными людьми, платятъ ихъ господа. Это—старое правило, извѣстное еще Русской Правдѣ. Въ XVII вѣкѣ въ практикѣ Разбойнаго приказа, когда первоприсутствующимъ членомъ его былъ кн. Дм. Мих. Пожарскій, возникъ вопросъ, что дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда люди, причинившіе своимъ преступленіемъ убытки, умрутъ до вершенія ихъ дѣла? Собственно тутъ и вопроса никакого нѣтъ. Живъ или умеръ виновный, убытки должны быть уплочены изъ его имущества; а такъ какъ рѣчь идетъ о несвободныхъ, то убытки должны быть уплочены ихъ господами. Но въ 1624 году, конечно, по частному случаю, такой вопросъ возникъ, и князь Пожарскій, ссылаясь на то, что въ уставной книгѣ объ этомъ ничего не написано, внесъ его на рѣшеніе бояръ. Бояре приговорили: господа должны платить убытки.

Въ 1628 году возникъ новый вопросъ. Если оговоренный въ преступленіи человѣкъ представитъ за себя поручителя въ томъ, что онъ къ суду явится, а потомъ не явится, то весь ли искъ взыскать съ поручителя? Бояре приго-

ворили: взыскивать весь искъ да кромѣ того установили еще правила о дальнѣйшемъ розыскѣ оговореннаго.

Если мы признаемъ, что эти приговоры сдѣланы судной боярской коллегіей, то должны будемъ признать, что Разбойный приказъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка имѣлъ уже надъ собой высшее учрежденіе, къ которому и обращался съ докладомъ, тогда какъ Помѣстный во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ долженъ былъ обращаться прямо къ государю (выше стр. 404). Это разнообразіе практики не должно насъ удивлять: московское законодательство шло не отъ общихъ началъ, а отъ случайныхъ требованій мѣста и времени, а потому и представляется весьма разъединеннымъ.

Описанную нами боярскую палату необходимо отличать отъ государевой думы. Это два совершенно разныхъ учрежденія. Думцы княжескіе также древни, какъ и сами князья; палата новаго происхожденія, первые ея зародыши не восходятъ далѣе половины XVI вѣка. Дума не имѣетъ постояннаго состава и компетенціи, она дѣйствуетъ только при князѣ, а если безъ него, то по особому его приказу; палата имѣетъ постоянный составъ и особаго предсѣдателя, она имѣетъ свою опредѣленную компетенцію и дѣйствуетъ на основаніи Уложенія и указовъ. Дѣла въ думу поступаютъ только по волѣ государя; дѣла въ палату поступаютъ изъ приказовъ и по челобитьямъ частныхъ лицъ. Съ половины XVII вѣка дѣятельность палаты опредѣляется указами; дѣятельность думцевъ никогда не была опредѣлена указами, и очень понятно почему: составляя совѣтъ государя, они постоянно направляются его волею; всякій организаціонный указъ только стѣснилъ бы эту волю.

Но между думой и палатой есть и точка соприкосновенія. И та и другая составляется изъ думныхъ чиновъ. Члены палаты могутъ приглашаться и въ думу государеву и по всей вѣроятности важнѣйшіе изъ нихъ, обыкновенно, и приглашались. Это нисколько не мѣшало, однако, полной особности этихъ совершенно различныхъ учрежденій. Одинъ и тотъ же человѣкъ могъ сидѣть и въ думѣ государевой

и въ Расправной палатѣ; но онъ дѣйствовалъ совершенно иначе въ думѣ, чѣмъ въ палатѣ: въ думѣ онъ исполнялъ словесную волю государеву, высказывалъ мнѣніе, если его спрашивали, составлялъ приговоръ, если приказывали, и. т. д.; въ палатѣ онъ самъ рѣшалъ дѣла на основаніи Уложенія и государевыхъ указовъ.

Московскіе государи не любили себя стѣснять никакими учрежденіями. Весь судъ и управленіе принадлежатъ имъ лично; это точка зрѣнія самой глубокой древности. Если они «приказывали» кому-нибудь судить и управлять, они дѣлали это въ личныхъ своихъ удобствахъ, а не потому, чтобы государство нуждалось въ какой-либо организаціи суда и управленія. Ихъ личную расправу и народъ, и они сами продолжали считать наилучшей. Приказы и Расправная палата учреждены были только по той причинѣ, что нельзя же было все сдѣлать самому царю. А потомъ, какъ только царь признавалъ это нужнымъ, всѣ учрежденія оказывались какъ бы не существующими, и царь и послѣ Уложенія или судилъ лично, причемъ «бояре» играли обычную роль думцевъ, или назначалъ спеціальный судъ довѣренныхъ людей на отдѣльный случай. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

«Билъ челомъ государю думной дьякъ, Семенъ Заборовскій, на околничаго, Осипа Сукина, о счетѣ... И государь указалъ противъ челобитья выписать изъ разряду и доложить себя, государя, думному дьяку, Алмату Иванову». Двор. разр. III, Дополненія, столб. 375.

Этотъ случай личнаго суда и даже безъ содѣйствія думы относится къ 1663 году. А изъ одного суднаго дѣла 1671 г. узнаемъ, что государь пожаловалъ Чудова монастыря архимандрита и келаря съ братіею, велѣлъ дѣло ихъ слушать «боярамъ, кому Москва приказана». 7-го іюля того же года приговоръ этихъ «бояръ» былъ доложенъ государю, и онъ, выслушавъ докладной выписки, указалъ: «тою спорною землею, о которой били челомъ и т. д.» *) Можно подумать

*) Ѳедотовъ-Чеховскій, № 134.

что въ Москвѣ второй половины XVII вѣка не было никакихъ постоянныхъ судовъ и все дѣлалось по именному высочайшему повелѣнію!

Въ дворцовыхъ разрядахъ подъ 1674 годомъ читаемъ:

«А боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ указалъ великій государь ѣхать всѣмъ на Земскій дворъ въ 5-мъ часу дня, тотчасъ, не мѣшкавъ. И указано (имъ) ихъ воровъ (Ивашку Андреева сына Воробьева съ товарищи) распрашивать накрѣпко и пытать всякими жестокими пытками... А что они воры, станутъ въ распросѣ... боярамъ сказывать, и великій государь указалъ о томъ прислать со всѣми распросными рѣчами къ себѣ околничаго, А. С. Матвѣева. А имъ указалъ, боярамъ, ждать своего великаго государя указу, покамѣстъ будетъ отъ него, великаго государя, съ указомъ съ верху окольничій, А. С. Матвѣевъ... И бояре съ распросными рѣчами послали къ великому государю окольничаго А. С Матвѣева, а сами дожидались великаго государя указу на Земскомъ дворѣ. И какъ пріѣхалъ отъ великаго государя съ указомъ А. С. Матвѣевъ, и бояре, по указу великаго государя, велѣли того вора вершить...»

Здѣсь мы имѣемъ знакомые уже намъ «государевъ указъ и боярскій приговоръ», но въ какой необыкновенной формѣ! Всѣ думцы государевы отправлены въ застѣнокъ, гдѣ производятъ пытку и ждутъ государева указа, чтобы произнести свой приговоръ. Въ этомъ случаѣ съ особенною ясностью обрисовывается отношеніе боярскаго приговора къ государеву указу.

Въ слѣдующемъ году, мая 31 дня, «указалъ великій государь взять дѣвку Ѳенку (вѣдомую вориху, слѣпую и ворожею) у боярина, кн. Ѳ. Ѳ. Куракина, со двора и людей его лутчихъ. и указалъ на Москвѣ ее пытать жестокою пыткою боярамъ комнатнымъ да дьяку тайныхъ дѣлъ, Ивану Полянскому, и людей тожъ указалъ пытать накрѣпко... И по распроснымъ рѣчамъ ее, Ѳенкинымъ, и людей—доложить... себя, великаго государя, и бояръ, какъ великій государь изволитъ сидѣть съ бояры за своими, великаго государя, дѣлами». Тамъ же, 1428.

Въ обоихъ случаяхъ царь съ думою судитъ въ первой инстанціи, но конечно, не потому, что не было судовъ, которые могли бы судить и вершить дѣло объ измѣнникѣ Ивашкѣ Воробьевѣ или дѣло о слѣпой ворожеѣ Ѳенькѣ, а потому, что царь заинтересовался этими дѣлами. Этого было совершенно достаточно, чтобы всѣ существующія учрежденія моментально упразднились, и московскій государь сталъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали удѣльные князья глубокой древности. Московское государство конца XVII вѣка почти ничего не имѣетъ общаго съ Кіевскимъ княженіемъ XII вѣка; но Алексѣй Михайловичъ, рѣшающій въ первой инстанціи дѣло о слѣпой ворожеи Ѳенькѣ, «когда у него будетъ сидѣнье съ бояры», очень напоминаетъ Владиміра Мономаха, ежедневно по утрамъ садившагося съ мужами «людей оправливать».

Взглядъ на царя, какъ на личнаго судью и правителя, долженъ былъ чрезвычайно замедлять развитіе нашихъ учрежденій. Въ маленькихъ княженіяхъ удѣльнаго времени князь дѣйствительно могъ, если не все, то очень многое дѣлать самъ. И хорошіе князья, дѣйствительно, много дѣлали сами. Ихъ высокое положеніе въ обществѣ доставляло имъ возможность быть судьями и правителями внѣ партій и личныхъ пристрастій. Съ образованіемъ Московскаго государства, границы котораго обозначались такими отдаленными одинъ отъ другого пунктами, какъ Смоленскъ, Архангельскъ, Тобольскъ, Астрахань и Кіевъ, личный судъ и управленіе стали невозможностью: надо было перейти къ учрежденіямъ. И вотъ, по крайней мѣрѣ съ XV вѣка, начинается великая работа правительственной организаціи. Первые опыты были очень слабы. Они вовсе не имѣли въ виду создать что-либо само себѣ давлѣющее; они имѣли цѣлью, въ видахъ облегченія сложной и трудной дѣятельности царя, создать ему помощниковъ. Такими помощниками являются бояре введеные и приказы. Они дѣлали царево дѣло, пока «было мощно», а какъ только оказывалось, что «не мощно», они шли къ царю, докладывали ему и просили объ указѣ. Это были

какія-то ходячія тѣни царя. При такомъ положеніи вещей не могли возникнуть ни самостоятельность суда, ни подзаконность управленія, ни отвѣтственность правительственныхъ лицъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ «приказные люди» могли сдѣлать государю докладъ, испросить высочайшее повелѣніе и тѣмъ прикрыть себя. XVIII и XIX вѣкъ весьма подвинули организаціонные вопросы. Въ настоящее время суды существуютъ не въ помощь государю, а какъ самостоятельныя учрежденія; царь болѣе не судитъ. При устройствѣ судовъ изыскиваются наилучшіе способы ихъ организаціи. Въ Москвѣ такой способъ дѣйствія и результаты, къ которымъ онъ привелъ, были бы совершенно не понятны и не возможны: ни подданные не поняли бы, еслибы имъ сказали, что царь не можетъ разсматривать ихъ челобитныя; ни царь не былъ въ состояніи стать на ту точку зрѣнія, что онъ не можетъ рѣшить какое-либо дѣло въ первой инстанціи. Два вѣка кое-что сдѣлали. Но мы едва ли и теперь совершенно освободились отъ московскихъ недуговъ: недостатка отвѣтственности органовъ администраціи и возможности покрывать высочайшими повелѣніями всѣ ихъ сомнительныя распоряженія. Московскіе порядки живутъ и въ XIX вѣкѣ. Но Москвѣ труднѣе было съ ними бороться: она стояла слишкомъ еще близко къ тому времени, когда личное начало въ судѣ и управленіи было нормальнымъ явленіемъ; Западная же Европа не могла дать ей никакого поученія. Мы живемъ въ болѣе счастливое время: и наука, и практика даютъ массу указаній и на порядокъ лучшей организаціи правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и на лучшіе способы установленія ихъ законной отвѣтственности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Литература вопроса о старой думѣ

Въ предшествовавшей главѣ мы сказали все, что можно было сказать о нашей старой думѣ на основаніи источниковъ. Но въ сочиненіяхъ о думѣ говорится еще и многое другое. Это и дѣлаетъ необходимымъ остановиться на литературѣ предмета, ибо простое умолчаніе о томъ, о чемъ говорятъ другіе, можетъ возбудить лишь одно недоумѣніе.

Вопроса о думѣ касаются всѣ наши историки въ своихъ трудахъ по общей исторіи Россіи. У каждаго изъ нихъ можно найти цѣнныя указанія. Но вниманіе ихъ болѣе привлекается фактической стороной дѣла, чѣмъ юридической. У Соловьева, напримѣръ, читатель найдетъ очень интересныя указанія на думцевъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ того или другого князя; но вопросовъ о томъ, что́ такое дума, каковъ ея составъ, дѣятельность и пр., авторъ не касается. Но и эти вопросы не остались безъ разработки. Въ послѣднее время они вызвали даже два спеціальныхъ сочиненія.

Первый опытъ обработки матеріаловъ о думѣ принадлежитъ Неволину. Въ своей статьѣ «Образованіе управленія

въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго» онъ посвящаетъ ей двѣ страницы. Неволинъ различаетъ боярскую и царскую думу. Боярская дума, дѣйствовавшая съ чрезвычайною властью, учреждалась во времена несовершеннолѣтія государя и междуцарствія; царская—составляла постоянный совѣтъ государя. Устройство ея только при Иванѣ IV получило ту опредѣлительность, которою оно потомъ отличалось. Она составлялась изъ чиновъ, которые назначались государемъ: бояръ, окольничихъ и, съ 1572 г., думныхъ дворянъ. Въ ней обсуждались: 1) всѣ дѣла, предлагаемыя на ея усмотрѣніе верховною властью, и 2) дѣла, вносимыя изъ приказовъ и по жалобамъ на приказы. Нѣкоторыя дѣла она рѣшала собственною властью, о другихъ должна была докладывать государю. При думѣ состояла, въ видѣ особаго ея отдѣленія по части судной, расправная палата. До ея учрежденія, которое относится къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича, судныя дѣла разсматривались всѣми вообще членами думы.

Таково мнѣніе Неволина. Оно высказано совершенно догматически, безъ всякихъ доказательствъ. Вѣрнымъ представляется въ немъ лишь различеніе боярской и царской думы и наименованіе государева совѣта—царской думой, а не боярской. Все остальное—не только не доказано, но и не можетъ быть доказано. Нельзя доказать, что съ Ивана IV дума получила ту опредѣлительность, которою она потомъ отличалась; нельзя доказать, что въ ея составъ входили всѣ бояре, окольничіе и думные дворяне, а думные же дьяки не входили, а управляли лишь ея письмоводствомъ. Наконецъ, у Неволина встрѣчаемся и со смѣшеніемъ думы съ судной палатой, чѣмъ и объясняется утвержденіе автора, что въ думу входятъ дѣла не только по царскому указу, но и изъ приказовъ и по челобитьямъ. О степени власти думы авторъ не нашолъ возможнымъ сказать что-нибудь.

Не смотря на бѣглость высказанныхъ Неволинымъ замѣчаній, они имѣли значительное вліяніе на позднѣйшую ли-

тературу. Только его противоположеніе боярской думы—царской, основанное на коренномъ ихъ различіи, прошло незамѣченнымъ. Новые историки свои труды о царской думѣ печатаютъ подъ заглавіемъ «боярская дума».

Мы имѣемъ два спеціальныхъ изслѣдованія о боярской думѣ. Первое по времени появленія принадлежитъ перу казанскаго профессора Н. П. Загоскина. Это превосходная работа, въ которой собрано болѣе данныхъ, чѣмъ можно найти въ какомъ-либо другомъ сочиненіи, затрогивающемъ этотъ предметъ, и оцѣнка ихъ по многимъ вопросамъ совершенно правильная.

Профессоръ Загоскинъ различаетъ два періода въ исторіи думы: періодъ вольной службы и періодъ службы обязательной (20 и сл.). Личный составъ думы перваго періода не имѣлъ, по его мнѣнію, твердо опредѣленнаго характера (12). У думы второго періода онъ отрицаетъ всякое самостоятельное значеніе, такъ какъ голосъ царя могъ всегда «парализовать» рѣшеніе думцевъ (123). Хотя на стр. 117 авторъ и говоритъ, что приговоръ бояръ вполнѣ уравнивался съ царскимъ указомъ, но объясняетъ это тѣмъ, что приговоры думы составляются по указу государя и, слѣдовательно, подъ его авторитетомъ.

Учрежденіе думныхъ дворянъ авторъ объясняетъ желаніемъ московскихъ государей ограничить вліяніе аристократическаго класса (35). Дьякамъ онъ даетъ въ думѣ роль членовъ этого учрежденія, а не секретарей (45). Особой канцеляріи при думѣ онъ не находитъ.

Мы вполнѣ присоединяемся ко всѣмъ этимъ положеніямъ. Но наряду съ этими и многими другими совершенно вѣрными мыслями проф. Загоскинъ все же видитъ въ московской думѣ учрежденіе съ гораздо болѣе опредѣленнымъ характеромъ, чѣмъ мы находимъ возможнымъ это допустить.

Дума перваго періода, говоритъ онъ,—«не носила твердо опредѣленнаго характера, съ какимъ позже встрѣчаемся мы въ боярской думѣ Москвы» (12). И такъ, московская дума

имѣла твердо опредѣленный составъ. Составъ этотъ опредѣлялся числомъ думныхъ чиновъ, которые имѣли, по своему положенію, право присутствовать въ думѣ (46). Этимъ авторъ признаетъ за всѣми введенными боярами, окольничими, думными дворянами и думными дьяками право войдти въ комнату государя и принять участіе въ его думѣ, не будучи спеціально къ этому приглашенными. Здѣсь мы далеко съ нимъ расходимся.

Почтенный авторъ хорошо знаетъ, что въ думу приглашались и не думные чины, и, наоборотъ, что не всѣ думные приглашались въ думу. Онъ самъ объ этомъ говоритъ на стр. 74 и 75. Въ возможности приглашенія въ думу не думныхъ чиновъ онъ видитъ «случаи расширенія нормальнаго состава думы»; въ думѣ, состоящей только изъ немногихъ думныхъ чиновъ и называемой имъ ближней или тайной, онъ видитъ «возможность сокращенія нормальнаго состава думы». Все это очень хорошо, только не отрицается ли этимъ нормальный составъ думы? Государь можетъ совѣщаться съ тремя, пятью и т. д. думными чинами, можетъ совѣщаться со всѣми, можетъ пригласить и не думныхъ людей. Всѣ эти думы одинаково хороши и правильны. Но при такой организаціи думы можно ли утверждать, что существовалъ нормальный составъ думы? Полагаемъ, что нѣтъ, и думаемъ, что одна наличность «ближней думы» отрицаетъ самую возможность нормальнаго состава думы. Нормальный составъ думы у автора совершенно тотъ же, что и у Неволина: всѣ думные чины.

Но профессоръ Загоскинъ въ своихъ представленіяхъ о твердо-опредѣленномъ характерѣ состава думы идетъ гораздо далѣе Неволина. По его мнѣнію существуетъ не только нормальная дума, но и цѣлый рядъ думныхъ коммиссій. «Дума выдѣляетъ изъ себя часть членовъ своихъ въ спеціальныя коммиссіи» (76), утверждаетъ онъ.

Хотя авторъ довольно долго останавливается на думныхъ коммиссіяхъ (онъ посвящаетъ имъ цѣлую главу, II-ую, отдѣла второго) и подробно перечисляетъ самые виды этихъ

коммиссій, причемъ онъ различаетъ: коммиссіи, вѣдавшія Москву, отвѣтныя, которыя вели переговоры съ иностранными послами, спеціальныя судныя, расправную палату онъ также относитъ къ думнымъ коммиссіямъ,—тѣмъ не менѣе все это представляется намъ лишь плодомъ нѣкотораго недоразумѣнія.

Для разъясненія этого недоразумѣнія мы считаемъ необходимымъ спросить, что̀ собственно надо разумѣтъ подъ думными коммиссіями, еслибы таковыя дѣйствительно существовали? Полагаемъ, что подъ ними надо разумѣть то же самое, что и теперь разумѣютъ въ городахъ подъ думскими коммиссіями, въ университетахъ—совѣтскими, въ конституціонныхъ государствахъ—парламентскими и т. д., т.-е. коммиссіи, назначаемыя подлежащими учрежденіями, городскими думами, университетами, парламентами и т. д., изъ своихъ членовъ для предварительнаго разсмотрѣнія какихъ-либо отдѣльныхъ вопросовъ, входящихъ въ компетенцію этихъ учрежденій. Итакъ, эти коммиссіи составляются по выбору извѣстной коллегіи изъ ея членовъ, и совершаютъ по назначенію коллегіи нѣкоторую работу, которая потомъ и вносится на окончательное ея разрѣшеніе. Ничего инаго нельзя разумѣть подъ коммиссіями коллегіальныхъ учрежденій, а слѣдовательно и думной, еслибы она существовала.

Посмотримъ теперь, что̀ такое представляютъ изъ себя думныя коммиссіи профессора Загоскина. На стр. 76 у него сказано, что ихъ выдѣляетъ изъ себя дума; это какъ будто бы подходитъ подъ наше опредѣленіе. Но въ слѣдующей строкѣ читаемъ: «члены этихъ спеціальныхъ коммиссій назначались на каждый отдѣльный случай государемъ». Что же вѣрно, дума выдѣляетъ изъ себя коммиссіи, или царь ихъ назначаетъ? Вѣрно только послѣднее. Никогда государева дума не производила никакихъ выборовъ въ коммиссіи и никогда никому ничего не поручала и не могла даже этого сдѣлать, по той причинѣ, что не существовала въ видѣ коллегіи съ опредѣленнымъ составомъ и опредѣленной компетенціей. Всѣ коммиссіи назна-

чались царемъ непосредственно, какъ имъ же назначался и составъ самой думы; царемъ же опредѣлялись и предметы занятій коммиссій. Дума въ дѣлѣ коммиссій — рѣшительно не при чемъ. Нельзя даже сказать, что коммиссіи назначались исключительно изъ думныхъ чиновъ. Думные чины составляли высшій служилый классъ, а потому назначались во всякія должности, они и войсками предводительствовали, и на воеводствахъ сидѣли, и въ приказахъ были, и въ думу приглашались; понятно, что ихъ же и въ коммиссіи царь назначалъ, но точно также не исключительно, не ихъ однихъ, а съ подмѣсью и недумныхъ чиновъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Это хорошо знаетъ и почтенный авторъ разсматриваемаго нами труда и самъ на это указываетъ, напримѣръ, на стр. 83. Вотъ поэтому-то мы и думаемъ, что вся эта глава о думныхъ коммиссіяхъ лишняя, къ дѣлу не относится и представляетъ вопросъ о думѣ совершенно въ ненадлежащемъ свѣтѣ. Думѣ приписано то, чего она никогда не дѣлала.

Во всей второй половинѣ разбираемой книги, съ 89 стр. и до конца, мы находимъ массу внимательно собраннаго и чрезвычайно интереснаго матеріала о мѣстѣ и времени думскихъ собраній, о дѣлопроизводствѣ думы и самомъ порядкѣ ея засѣданій и, наконецъ, о предметахъ вѣдомства,— но этою частію изслѣдованія очень трудно пользоваться потому, что авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Неволина и не различаетъ думы государевой отъ боярскаго суда или расправной палаты.

Въ главѣ о мѣстѣ и времени думскихъ засѣданій авторъ приводитъ, между прочимъ, указы, предписывающіе боярамъ съѣзжаться «въ верхъ» то въ 10-мъ часу дня, то въ 1-мъ. Кто же это съѣзжается? Авторъ утверждаетъ это о боярской думѣ, причемъ онъ не различаетъ никакихъ видовъ думы, у него одна дума, предсѣдателемъ которой является самъ царь (120), слѣдовательно, въ опредѣленный часъ съѣзжается та дума, въ которой сидитъ самъ государь и съ которой онъ думаетъ, т.-е. единственно настоящая дума; а

мы хорошо знаемъ, что эта дума собиралась не въ опредѣленные дни и часы, а когда государю «случалось сидѣть съ боярами», т.-е. по особому назначенію; согласно съ этимъ и Котошихинъ говоритъ: «И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлѣхъ»... II, 5. Въ опредѣленные же дни и часы собирается расправная палата, въ которой предсѣдательствуетъ не царь, а первоприсутствующій бояринъ, и которая дѣйствуетъ не какъ совѣтъ государя, а какъ самостоятельное учрежденіе.

Еще въ большей степени обладаютъ этимъ свойствомъ—дать неправильное представленіе о московскихъ порядкахъ—тѣ главы, въ которыхъ рѣчь идетъ о дѣлопроизводствѣ думы и о предметахъ ея вѣдомства.

Авторъ не ограничивается повтореніемъ высказаннаго уже Неволинымъ мнѣнія, что дѣла на разсмотрѣніе думы поступали: 1) по приказу государя, 2) по докладамъ изъ приказовъ и 3) по челобитнымъ,—но подробно развиваетъ его и доказываетъ. Между прочимъ онъ говоритъ: «Существуетъ указаніе на извѣстное распредѣленіе дней между приказами для внесенія судьями ихъ докладовъ въ думу. Указанія эти относятся, правда, уже ко второй половинѣ XVII вѣка, но не можетъ быть ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что подобное распредѣленіе дней практиковалось и прежде» (111—112). Распредѣленіе дней было сдѣлано для докладовъ въ расправную палату, авторъ же относитъ это распредѣленіе къ совѣту государеву и заставляетъ своего читателя думать, что совѣтъ этотъ собирался въ извѣстные дни для выслушанія докладовъ изъ извѣстныхъ приказовъ, чего никогда не было.

«Въ видѣ примѣровъ того, какъ возбуждали приказные доклады законодательную дѣятельность думы боярской, говоритъ далѣе авторъ,—приведемъ, въ общихъ чертахъ, изъ новоуказанныхъ статей, сущность нѣсколькихъ приказныхъ докладовъ, поступавшихъ въ думу для разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ» (138). Итакъ, доклады изъ при-

казовъ возбуждаютъ законодательную дѣятельность думы. Это положеніе, изъ котораго слѣдуетъ, что докладъ приказа самъ собою, безъ государева указа, возбуждаетъ законодательную дѣятельность думы, нуждается въ серьезномъ разсмотрѣніи и повѣркѣ.

Мы уже знаемъ, что особаго законодательнаго порядка у насъ не было, что московскіе государи рѣшали въ одномъ и томъ же порядкѣ, какъ законодательныя, такъ судныя и правительственныя дѣла. Точно также мы знаемъ, что расправная палата, хотя и должна была дѣйствовать на основаніи указовъ, но не ограничивалась однимъ ихъ примѣненіемъ, а установляла и общія нормы на будущіе случаи, когда находила возможнымъ дѣлать это безъ доклада государю. Итакъ, законодательство въ Москвѣ не отличалось по формѣ отъ правительственныхъ распоряженій, а мѣста, облеченныя правомъ суда и распоряженія, рѣшали не отдѣльныя только случаи, а издавали и общія нормы.

Такъ какъ проф. Загоскинъ не различаетъ расправной палаты отъ совѣта государева, то то, что онъ говоритъ о порядкѣ возбужденія законодательной дѣятельности думы, относится у него къ послѣднему. Значитъ, по его мнѣнію, въ совѣтѣ государевомъ доклады изъ приказовъ непосредственно возбуждаютъ законодательную дѣятельность бояръ. Въ подтвержденіе своего положенія авторъ дѣлаетъ нѣсколько ссылокъ на полное собраніе законовъ; но ни одна изъ нихъ не доказываетъ его мысли. Авторъ говоритъ: «дѣло докладывается боярамъ: послѣдніе новымъ приговоромъ отмѣняютъ силу приговора 1650 года и предписываютъ на будущее время руководствоваться опредѣленіемъ Уложенія» (138). Читатель въ правѣ подумать, что въ дѣйствительности все дѣлаютъ бояре, какъ сказано у автора. Раскрываемъ статьи о раздѣлѣ вотчинъ между вотчинниками, на которыя въ данномъ случаѣ онъ ссылается, и приходимъ къ совсѣмъ другому заключенію. Статьи начинаются такъ: «Великій государь указалъ и бояре приговорили». Кому же былъ сдѣланъ докладъ? Статьи напечатаны съ пропускомъ

первоначальнаго доклада, который возбудилъ это дѣло; но въ началѣ 1-ой статьѣ сказано: «Доложить великаго государя». Итакъ, докладъ былъ сдѣланъ государю при боярахъ, а не боярамъ. А затѣмъ произошло, что обыкновенно происходило въ такихъ случаяхъ: государь или сейчасъ же указалъ, какъ надо боярамъ приговорить, или велѣлъ имъ предварительно «сидѣть» и говорить о дѣлѣ, а потомъ доложить ему. Въ заключеніе того или другого порядка разсмотрѣнія доклада одинаково получился обычный результатъ: «государь указалъ, бояре приговорили». Точно также и всѣ другіе №№ Полнаго Собранія Законовъ, на которые авторъ здѣсь ссылается, неизмѣнно говорятъ о государевомъ указѣ и боярскомъ приговорѣ *).

Переходя затѣмъ въ частности къ разсмотрѣнію законодательной дѣятельности боярской думы, авторъ находитъ, что «помимо созданія новыхъ законодательныхъ опредѣленій, боярскими приговорами или подтверждается сила предшествовавшихъ боярскихъ приговоровъ, или дополняются прежнія законоположенія, или отмѣняется ихъ сила, или, наконецъ, возстановляется сила закона, передъ тѣмъ отмѣненнаго» (139). Читатель въ правѣ подумать, что боярамъ принадлежитъ чрезвычайно широкая законодательная дѣятельность; но если онъ это сдѣлаетъ, то опять ошибется. Изъ цитатъ автора онъ увидитъ, что всѣ эти подтвержденія, дополненія, отмѣны, возстановленія и пр. дѣлаются всякій разъ въ силу особаго государева указа. Право законодательства бояре не имѣли. Почтенный авторъ хорошо это знаетъ, но въ его книгѣ есть выраженія, которыя могутъ набросить тѣнь сомнѣнія даже и на этотъ принципъ. Перечисливъ разнообразныя проявленія законодательной функціи боярской думы, авторъ продолжаетъ такъ: «Что касается обнародованія закона, то оно не входило въ кругъ обязанностей думы боярской» (141). Это, конечно, можетъ навести на мысль, что дополненіе закона, его отмѣна и пр.,

*) Мы разумѣемъ ссылки автора на №№ 749, 765, 634.

о чемъ шла рѣчь на предшествующихъ страницахъ, входило въ кругъ обыкновенныхъ обязанностей думы; тогда какъ мы хорошо знаемъ, что никакого опредѣленнаго круга обязанностей у думы не было: она дѣлала что ей приказывали, и только. Законы же московскіе государи издавали, пополняли и отмѣняли очень не рѣдко и безъ участія думы.

То же надо сказать и о другихъ предметахъ вѣдомства, приписываемыхъ авторомъ думѣ. Въ началѣ главы о судебной дѣятельности думы, авторъ весьма рѣшительно говоритъ: «Въ первой инстанціи вѣдала дума боярская судъ преступленій политическихъ, преступленій по должности и дѣлъ мѣстническихъ» (146). Итакъ дума вѣдаетъ перечисленныя дѣла въ качествѣ первой инстанціи. Ничего нельзя сказать рѣшительнѣе: у думы своя опредѣленная компетенція. Но на слѣдующей стр. читаемъ: «Само собой разумѣется, что суду боярской думы предавались государемъ лишь наиболѣе значительныя политическія преступленія»... Итакъ, дума не имѣетъ опредѣленной судебной компетенціи, а судитъ всякій разъ по особому государеву приказу. Къ этому мнѣнію мы совершенно присоединяемся и тѣмъ оканчиваемъ нашу полемику съ почтеннымъ авторомъ: намъ гораздо пріятнѣе находить у нашихъ предшественниковъ мнѣнія, съ которыми можно соглашаться, чѣмъ такія, которыя слѣдуетъ опровергать.

Второй спеціальный трудъ о думѣ принадлежитъ московскому профессору В. О. Ключевскому; онъ озаглавленъ «Боярская дума древней Руси» и представляетъ объемистый томъ болѣе 500 стр. *). Это сочиненіе многопредметное. Мы находимъ въ немъ разсужденія и о такихъ вопросахъ, которые авторъ хотя и приводитъ въ связь съ думой, но

*) Первое изданіе 1882 года съ приложеніями состоитъ изъ 554 стр. Второе изданіе 1883 года составляетъ перепечатку перваго съ очень небольшими измѣненіями на стр. 42, 43, 266 и 284. Мы будемъ приводить стр. 1-го изданія.

которые прямого отношенія къ ней не имѣютъ. Таковы, напримѣръ: очеркъ исторіи древнѣйшихъ волостныхъ городовъ на Руси; происхожденіе городскихъ старцевъ; отношеніе князя къ землямъ дворцовымъ, чернымъ и служилымъ; происхожденіе удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія въ связи съ русской колонизаціей верхняго Поволжья; вліяніе колонизаціи на складъ общества Верхневолжской Руси; связь удѣльныхъ учрежденій съ тремя разрядами земель въ удѣлѣ; значеніе дворцовыхъ путей; намѣстники и волостели; вотчинное управленіе и его значеніе въ исторіи централизаціи и т. д. Мы привели подлинныя слова изъ оглавленія первыхъ пяти главъ книги, обнимающихъ всего какихъ нибудь 128 стр. Каждый изъ затрогиваемыхъ здѣсь вопросовъ могъ бы быть предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія, при разработкѣ котораго не пришлось бы ни словомъ коснуться старой думы. Наша литература очень небогата, и мы, конечно, не будемъ жаловаться на то, что авторъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе его книги. Но многопредметность имѣетъ и свои неудобства. Позволимъ себѣ указать лишь на одно изъ нихъ, не самое главное, но весьма важное для читателя. Въ сочиненіяхъ такого рода вопросы по главному предмету изслѣдованія, обыкновенно, разбросаны и затеряны въ массѣ вставокъ, имѣющихъ къ нимъ очень отдаленное, а иногда и никакого отношенія, и выяснить себѣ настоящую мысль автора представляется иногда дѣломъ очень не легкимъ.

Исторія думы разработана авторомъ чрезвычайно детально. Онъ различаетъ совѣтъ кіевскаго князя X вѣка, правительственный совѣтъ съ XI вѣка по конецъ кіевской Руси, боярскую думу при удѣльныхъ князьяхъ сѣверовосточной Руси и, наконецъ, московскую думу, которая тоже весьма мѣняется съ XV по XVII вѣкъ. Установленныя авторомъ различія отражаются на составѣ и вѣдомствѣ думы, ея значеніи и т. д. Чѣмъ подробнѣе изученъ предметъ, тѣмъ, конечно, лучше. Но дѣло въ томъ, имѣемъ ли мы достаточно данныхъ, чтобы выяснить всѣ эти различія и твердо обо-

сновать ихъ? Въ этомъ сомнѣвается и самъ авторъ; его задача показалась ему особенно трудной, когда пришлось повести рѣчь о думѣ сѣверныхъ удѣловъ. «Предпринимаемая попытка изобразить управленіе удѣльнаго княжества, говоритъ онъ,... навѣрное не свободна ни отъ недомолвокъ, ни даже отъ значительныхъ обмолвокъ» (106). Такое признаніе дѣлаетъ особенно затруднительнымъ наше положеніе Можно ли точно передать мысли автора, въ книгѣ котораго, по его собственному заявленію, есть недомолвки и даже обмолвки? Вотъ почему мы просимъ почтеннаго профессора быть снисходительнымъ къ нашему изложенію его мнѣній. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы вездѣ будемъ приводить его мысли его же собственными словами.

Авторъ излагаетъ исторію думы не по отдѣльнымъ вопросамъ состава, вѣдомства и пр., а беретъ каждую временную разновидность думы въ цѣломъ ея видѣ, а потому о каждомъ отдѣльномъ вопросѣ говорится у него по многу разъ и въ разныхъ мѣстахъ. Это тоже значительно затрудняетъ выясненіе его взглядовъ.

Профессоръ Ключевскій представляетъ себѣ нашу старую думу, во всѣ времена ея существованія, постояннымъ учрежденіемъ, имѣющимъ свой опредѣленный составъ, вѣдомство, степень власти и пр. «Боярская дума, говоритъ онъ о кіевской думѣ съ XI по XIII вѣкъ, была третьей (правительственной) формой, отличавшейся отъ двухъ другихъ (дружины и вѣча) тѣмъ, что она была учрежденіемъ постояннымъ, дѣйствовавшимъ ежедневно» 73. То же онъ утверждаетъ и о московской думѣ: «Въ составѣ этихъ четырехъ чиновъ (бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ и дьяковъ) число постоянныхъ членовъ думы стало въ XVI вѣкѣ довольно значительно».. 290. Авторъ, слѣдовательно, примыкаетъ къ традиціоннымъ взглядамъ на думу, а потому и не считаетъ нужнымъ останавливаться на вопросахъ о томъ, постоянное это учрежденіе или нѣтъ. Приведенныя слова сказаны имъ мимоходомъ; но такъ какъ они отно-

сятся до существа дѣла, то мы и нашли нужнымъ привести ихъ.

Составъ этой постоянной думы, по мнѣнію автора, нѣсколько разъ въ теченіе нашей древней исторіи существенно измѣнялся; на этихъ измѣненіяхъ онъ подробно останавливается.

Изложимъ мнѣнія автора о составѣ думы.

«При кіевскомъ князѣ въ концѣ X вѣка встрѣчаемъ правительственный классъ или кругъ людей, которые служатъ ближайшими правительственными сотрудниками князя. Эти люди оказываются то боярами, то дружиной князя и составляютъ его обычный совѣтъ». Со времени принятія христіанства являются новые совѣтники, — епископы; третій элементъ — старцы градскіе *).

Съ XI вѣка городская торговая знать перестаетъ давать князю совѣтниковъ изъ своей среды (городскихъ старцевъ). Составъ правительственной думы поэтому «существенно измѣнился». Правительственный совѣтъ сталъ «чисто боярскимъ, служилымъ, односословнымъ» **).

При сѣверныхъ князьяхъ удѣльнаго времени новая перемѣна. «Боярская дума является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ». «Это были управители отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи, или дворцоваго хозяйства: дворецкій, казначей, сокольничій, стольникъ, чашникъ и пр.» ***).

Въ Москвѣ опять иначе. Это постоянный совѣтъ «всѣхъ наличныхъ бояръ». Но и въ Москвѣ съ теченіемъ времени онъ мѣняется. Эти измѣненія условливаются перемѣнами, происходившими въ составѣ высшаго служилаго класса. «Когда правительственныя силы, разсѣянныя по удѣламъ, собрались въ Москвѣ и вошли въ составъ здѣшняго боярства, въ немъ установился распорядокъ лицъ и фамилій,

*) Бояр. дума древ. Руси: 14, 15

**) Тамъ-же: 41, 42, 49, 50.

***) Тамъ-же: 128, 135.

отличавшійся аристократическимъ характеромъ». «Въ концѣ XVI вѣка въ московскомъ государственномъ совѣтѣ преобладали старшія по происхожденію боярскія фамиліи». «То все старинныя привычныя власти русской земли, какія правили землей прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и по одиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москвѣ, онѣ правятъ всей землей и всѣ вмѣстѣ, въ извѣстномъ порядкѣ старшинства»... *).

Иначе въ XVII вѣкѣ: «по прекращеніи старой династіи московская боярская дума захудала, стала наполняться «молодыми людьми», дворянской демократіей» **).

Эти перемѣны въ составѣ думы обусловливаются соотвѣтственными измѣненіями въ организаціи общественнаго строя древней Россіи. Вогъ, въ краткихъ словахъ, суть этихъ измѣненій.

Одну изъ существенныхъ особенностей думы X вѣка, отличающихъ ее отъ думы XI и слѣдующихъ вѣковъ, составляетъ присутствіе въ ней градскихъ старцевъ. Для объясненія того, что такое старцы градскіе, авторъ дѣлаетъ, экскурсію въ область исторіи городовъ и приходитъ къ такому совершенно оригинальному заключенію. Въ городахъ до князей Рюриковичей, существовала «военно-торговая

*) Тамъ-же: 173, 177, 238, 252, 265.

**) Тамъ-же—242. Но въ концѣ книги авторъ высказывается иначе о составѣ московской думы XVII вѣка. На стр. 530 читаемъ: «По своему соціальному составу это было аристократическое учрежденіе. Такой его характеръ обнаруживался въ томъ, что большинство его членовъ почти до конца XVII в. выходило изъ извѣстнаго круга знатныхъ фамилій и назначалось въ думу государемъ по извѣстной очереди мѣстническаго старшинства». Это мѣсто не легко согласить съ тѣмъ, которое приведено у насъ въ текстѣ со стр. 242. Можетъ быть, къ концу труда авторъ измѣнилъ свои взгляды? Положеніе критика очень трудное, и это не единственный случай, когда авторъ высказываетъ объ одномъ и томъ же предметѣ совершенно разныя мнѣнія. Полагаемъ, что автору принадлежитъ каждое высказанное имъ мнѣніе, а потому и будемъ разбирать то, которое высказано на 242 стр., тѣмъ болѣе, что оно повторяется и въ другихъ мѣстахъ книги.

аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью. Эту торговую аристократію начальная лѣтопись въ разсказѣ о временахъ Владиміра и называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей «старцами градскими» или «старѣйшинами по всѣмъ градомъ»... «Въ X вѣкѣ между княжеской дружиной и городской торговой аристократіей еще не было значительнаго разстоянія ни экономическаго, ни политическаго»... «Весь X вѣкъ онѣ дѣйствуютъ дружно и остаются очень похожи одна на другую, вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ князя важнѣйшіе вопросы законодательства»... «Эти двѣ силы, столь родственныя, съ половины XI вѣка расходятся между собой». Сотскіе и десятскіе назначаются теперь княземъ изъ его дружины, въ которую поступаютъ и люди городской знати. «Но аристократія большихъ городовъ не утратила своего мѣстнаго значенія. Отдалившись отъ княжой дружины, она стала ближе къ городскому простонародью, руководила вѣчемъ и была посредницей между нимъ и княземъ» *).

Для объясненія новаго состава думы въ сѣверныхъ удѣльныхъ княженіяхъ, авторъ даетъ картину всего строя этихъ княженій. Онъ отправляется отъ давно уже высказанной мысли о вотчинномъ характерѣ княжеской власти на сѣверѣ и даетъ ей весьма своеобразное выраженіе. «Центръ и провинція въ удѣльномъ княжествѣ, дворецъ князя и уѣздъ намѣстника съ волостелями, — говоритъ онъ, — это почти тоже, что въ частной вотчинѣ XV вѣка боярская запашка и земля, отдаваемая въ оброчное пользованіе... Намѣстники и волостели съ своими тіунами и доводчиками были правительственными арендаторами у князя хозяина, подобно тому какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника XV вѣка» **). Нельзя не удивиться

*) Тамъ же 32, 38. 43.
**) Тамъ же 119.

необычайной смѣлости этого сравненія! Отношеніе публичнаго права, назначеніе мѣстнаго правителя-намѣстника, уравнивается съ отношеніемъ частнаго права—договоромъ найма земли, порядная на землю ставится рядомъ съ послушной и съ уставной грамотой, въ которой опредѣляется порядокъ мѣстнаго управленія. Въ нашей исторической литературѣ можно найти не мало оригинальныхъ и смѣлыхъ мыслей, но если память намъ не измѣняетъ, ничего равнаго по смѣлости съ мыслію проф. Ключевскаго намъ не приходилось читать до появленія въ свѣтъ его книги.

«Управленіе въ княжествѣ удѣльнаго времени, читаемъ дальше, складывалось по типу частной привилегированной вотчины и заимствовало формы изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній...». «Впрочемъ, утверждая, что удѣльный князь усвоилъ себѣ значеніе и владѣльческіе пріемы простого вотчинника, не надобно думать, что вслѣдствіе этого онъ пересталъ быть политическою властью. Но эта правительственная примѣсь нисколько не мѣшала князю оставаться простымъ вотчинникомъ, или очень похожимъ на него владѣльцемъ, не измѣняя значенія поземельнаго собственника удѣла, какое онъ себѣ усвоилъ: его верховныя государственныя права такъ сливались съ владѣльческими, вытекавшими изъ поземельной собственности, что и сами разсматривались, какъ статьи простого поземельнаго хозяйства» *).

Вотъ причина, почему дума сѣверныхъ удѣльныхъ князей сдѣлалась совѣтомъ «дворцовыхъ прикащиковъ». Терминъ «прикащика», конечно, не принадлежитъ языку нашихъ памятниковъ, авторъ взялъ его изъ современнаго хозяйственнаго словаря, чтобы сильнѣе оттѣнить свою мысль о частно-хозяйственномъ значеніи этихъ совѣтниковъ князя. Въ этомъ словѣ—цѣлая картина и опять необыкновенно смѣлая!

Соединеніе удѣльныхъ княженій подъ главенствомъ московскихъ государей имѣло слѣдствіемъ поступленіе на

*) Тамъ же 157, 81.

ихъ службу потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей. Это отразилось и на составѣ думы: изъ прикащичьей она сдѣлалась аристократической.

Таковы мысли автора.

Несмотря на то, что онъ потратилъ не мало труда и искусства живописанія, его выводы представляются намъ не совсѣмъ ясными, недостаточно доказанными, а во многихъ случаяхъ и прямо противорѣчащими фактамъ.

Дума X вѣка отъ думы XI—XII отличается тѣмъ, что въ ней присутствуютъ городскіе старцы. Не будемъ спорить о томъ, что такое городскіе старцы; примемъ мнѣніе автора, пусть это будутъ десятскіе и сотскіе, выбираемые изъ городской военно-торговой аристократіи. Составляютъ ли они особый классъ отъ другого составного элемента думы, дружинниковъ? Самъ авторъ говоритъ, что нѣтъ: въ X вѣкѣ между ними не было значительнаго разстоянія, они вмѣстѣ воюютъ, торгуютъ и т. д. То незначительное разстояніе, которое отдѣляетъ дружинника отъ городского военно-торговаго аристократа, всегда ли существуетъ между ними? Самъ авторъ хорошо знаетъ, что нѣтъ: дружинникъ можетъ оставить службу и стать городскимъ военно-торговымъ аристократомъ, и наоборотъ, военно-торговый аристократъ, поступивъ на службу князя, можетъ сдѣлаться дружинникомъ. Различіе думы X вѣка отъ послѣдующей представляется несущественнымъ. Возраженіе по поводу «старцевъ градскихъ» и совершенно основательное давно уже сдѣлалъ почтенному автору профессоръ Владимірскій-Будановъ, хотя и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ мы *).

Но пойдемъ далѣе. Съ половины XI вѣка десятскихъ и сотскихъ назначаетъ князь изъ своихъ дружинниковъ. Допустимъ и это. Но вѣдь городовая торгово-военная аристократія продолжаетъ существовать, это говоритъ самъ авторъ; почему же онъ думаетъ, что князья XI—XII вѣковъ никогда не призывали ея членовъ въ свой совѣтъ? Это

*) Сборн. госуд. зн. VIII, отдѣлъ критики.

ничѣмъ не доказано, да и доказать этого нельзя, по недостаточности источниковъ.

Другое различіе думы X вѣка отъ послѣдующей состоитъ въ томъ, что въ первую призывается духовенство, вторая же «чисто боярская, односословная», т.-е. въ нее не призывается духовенство. Этотъ выводъ настолько противорѣчитъ фактамъ, что мы позволяемъ себѣ видѣть «недомолвку или даже обмолвку» въ утвержденіи автора о «чисто боярскомъ и односословномъ» характерѣ думы XI—XII вѣка.

Итакъ, различія думы X и послѣдующихъ вѣковъ сводятся въ самомъ лучшемъ случаѣ къ различію въ словахъ и только.

Дума сѣверныхъ удѣльныхъ князей, по мнѣнію автора, еще болѣе отличается отъ предшествующей, чѣмъ эта послѣдняя отъ думы X вѣка; она состоитъ только изъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ. Чѣмъ это доказывается? Во 1-хъ, это является логическимъ выводомъ изъ того положенія, что князь сѣверныхъ удѣловъ есть хозяинъ-вотчинникъ. Если князь есть хозяинъ-вотчинникъ, а намѣстники его—суть его арендаторы, подобно тому, какъ перехожіе крестьяне были арендаторами у вотчинниковъ, то, понятно, что совѣтники князя должны были выбираться изъ его прикащиковъ, такъ какъ все государство имѣло видъ частнаго хозяйства, и другихъ элементовъ общества, кромѣ арендаторовъ и прикащиковъ, налицо не было. Не будемъ спорить и противъ этого, а спросимъ только, послѣдователенъ ли нашъ авторъ? Въ самомъ ли дѣлѣ онъ ничего не видитъ въ удѣлахъ сѣверной Россіи, кромѣ частнаго хозяйства? Нѣтъ, онъ видитъ гораздо больше, онъ видитъ тамъ и государство, своеобразное, какъ своеобразно всякое государство, но все-таки государство. Вотъ доказательства. На стр. 81 читаемъ: «Съ обычными правами собственника князь соединялъ и настоящія государственныя права, впослѣдствіи отдѣлившіяся и вошедшія въ составъ верховной власти, право суда, налоговъ, войны и пр.» Итакъ, князь есть государь и

вмѣстѣ съ тѣмъ собственникъ. Это совершенно вѣрно. Непонятно только, куда это «впослѣдствіи государственныя права отдѣлились» и отъ чего они отдѣлились? Но оставимъ это, здѣсь можетъ быть какая нибудь недомолвка. На 118 читаемъ: «Въ обѣихъ половинахъ своего княжества, въ дворцовой и не-дворцовой, князь одинаково былъ верховнымъ правителемъ, установителемъ общественнаго порядка и блюстителемъ своего и общаго блага». Итакъ, не все дворецъ, есть и не-дворцовыя части удѣла, и князь не только хозяинъ, но и государь, преслѣдующій цѣли не одного только скопидомства, но и общаго блага и даже въ предѣлахъ дворцоваго управленія. Прекрасно! Но отсюда слѣдуетъ, что въ распоряженіи князя состоятъ не одни только «прикащики» и арендаторы, но и должностныя лица, преслѣдующія интересы общественнаго блага. Наконецъ, на 151 стр. читаемъ: «Князь удѣльнаго времени былъ государемъ съ правомъ верховной власти, и собиравшійся при немъ совѣтъ бояръ былъ государственный совѣтъ въ тогдашнемъ смыслѣ этихъ словъ». Согласимся и съ этимъ. Но что же получится въ результатѣ? Въ результатѣ получится то, что̀ и было въ дѣйствительности, т.-е., что совѣтъ сѣверныхъ удѣльныхъ князей состоялъ не изъ однихъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ, управителей дворцовой администраціи, или дворцоваго хозяйства: дворецкаго, казначея, сокольничаго, стольника, чашника и пр., но и изъ духовныхъ особъ, бояръ-судей, бояръ-воеводъ, которые къ дворцовому хозяйству не стояли ни въ какомъ отношеніи *). Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Это не мы возражаемъ автору, а онъ самъ себѣ возражаетъ. Но эти вѣскія возраженія, сдѣланныя авторомъ самому себѣ, нисколько не мѣшаютъ ему на 287 стр. снова называть думу сѣверныхъ удѣльныхъ князей «чисто дворцовымъ совѣтомъ», а на 394 стр. встрѣчаемъ еще болѣе картинное выраженіе основной мысли

*) На стр. 163 авторъ самъ говоритъ: «Въ дѣлахъ важныхъ или касавшихся церкви, въ думу призывали церковныхъ іерарховъ».

автора: «Въ княжествѣ удѣльнаго времени князь правилъ съ совѣтомъ бояръ, которые были собственно его вольнонаемными дворцовыми прикащиками». Можетъ быть, мы тутъ имѣемъ нѣкоторый рядъ «недомолвокъ и даже обмолвокъ».

Но у почтеннаго автора есть и другое доказательство «прикащичьяго» состава думы. На 138 и слѣдующей страницѣ у него приводятся свидѣтельства древнихъ актовъ о составѣ думы сѣверныхъ удѣльныхъ князей. Такъ какъ эти страницы составляютъ часть главы, въ названіи которой читаемъ: «Боярская дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ», то мы и полагаемъ, что акты эти приведены въ доказательство выраженнаго въ заглавіи положенія. Въ дѣйствительности же эти акты или ничего не доказываютъ, или доказываютъ совсѣмъ противуположное тому, что̀ слѣдуетъ доказать. Ничего не доказываютъ всѣ тѣ акты, которые совершены княземъ въ присутствіи бояръ, должность которыхъ не обозначена, и такимъ образомъ осталось неизвѣстнымъ, что это за бояре, вольнонаемные они прикащики или нѣтъ. И такихъ актовъ большинство. Свойство бояръ обозначено только въ двухъ актахъ, и оба они свидѣтельствуютъ противъ автора. Рязанскій князь Олегъ Ивановичъ продалъ село монастырю, «поговоря» съ зятемъ своимъ, рязанскимъ бояриномъ Ив. Мирославичемъ, и «въ присутствіи» двухъ бояръ, изъ которыхъ одинъ былъ стольникъ, а другой чашникъ. Актъ этотъ не изданъ, и мы приводимъ его со словъ автора. Что же изъ него слѣдуетъ? Кто тутъ совѣтники? Совѣтникъ тутъ только одинъ бояринъ-зять, ибо князь продалъ село «поговоря» съ нимъ. Былъ ли онъ дворцовымъ прикащикомъ, это неизвѣстно. Но два другихъ были тѣмъ, что авторъ называетъ «дворцовыми прикащиками», но съ ними князь не совѣтовался, они только присутствовали при сдѣлкѣ. Второй актъ есть данная того же князя Ольгову монастырю. Князь надѣлилъ его селомъ, «сгадавъ» съ епископомъ рязанскимъ и девятью боярами, въ числѣ

которыхъ трое имѣютъ дворцовыя должности: дядька, окольничій и чашникъ. Если трое обозначены придворными должностями, то, значитъ, остальные шесть не были придворными прикащиками. Здѣсь князь совѣтуется съ епископомъ, боярами не-прикащиками и боярами прикащиками.

Итакъ, отъ существеннаго различія между удѣльною думою сѣверныхъ князей и думою ихъ предшественниковъ ровно ничего не осталось *). Въ нее, какъ и въ думу кіевскихъ князей, одинаково входитъ и духовенство, и бояре въ широкомъ смыслѣ этого слова. Авторъ и самъ не можетъ этого отрицать. Въ примѣчаніи на стр. 174 онъ говоритъ: «Иногда удѣльный князь совѣтовался не только съ своими боярами, но и со всей дружиной, какъ это бывало и въ кіевской Руси». Къ этому слѣдовало бы прибавить: иногда кіевскій князь совѣтовался не только со всей дружиной, но и съ одними близкими людьми, какъ это бывало и въ сѣверной Руси,—и мы получили бы простую и вѣрную картину старой думы.

Московская дума XVI вѣка характеризуется аристократическимъ составомъ, дума XVII вѣка — демократическимъ (см. выше стр. 430). Это едвали вѣрно. Почтенному автору очень хорошо извѣстно, что въ думѣ XVI вѣка сидятъ дѣти боярскія и дворяне. Онъ самъ говоритъ, что «первыя попавшія въ думскій списокъ имена думныхъ дворянъ принадлежатъ именно къ упавшимъ фамиліямъ» **). Но и среди другихъ думныхъ чиновъ, высшихъ, были люди не именитые. Адашевы взяты царемъ отъ нищихъ и самыхъ мелкихъ людей и назначены окольничими, а въ 1553 году Ѳедоръ Адашевъ возведенъ и въ санъ боярина. Казначей

*) Авторъ, впрочемъ, и самъ не очень увѣренъ, что указанныя имъ особенности думы сѣверной XIII—XIV в. дѣйствительно возникли на сѣверѣ. На стр. 128 онъ говоритъ: «Къ сожалѣнію, трудно рѣшить, насколько эти особенности новы, т. е., перешли ли онѣ въ сѣверныя княжества по наслѣдству съ кіевскаго юго-запада, или впервые возникли при княжескихъ столахъ на сѣверо-востокѣ.

**) Боярская дума древн. Рос. стр. 251.

Ѳедоръ Сукинъ, мелкаго дьяческаго рода, въ 1566 году возведенъ въ бояре. Василій Траханіотъ и четверо Годуновыхъ также не принадлежатъ къ московской аристократіи, а это нисколько не помѣшало имъ достигнуть боярства, а Годуновымъ занять среди бояръ даже первое мѣсто. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ въ княжеской думѣ сидятъ и дьяки, а людей болѣе темнаго происхожденія и не было въ московской Руси. Ихъ родословная, въ большинствѣ случаевъ, начинается съ предка раба.

На фактъ демократизаціи княжеской думы и именно въ XVI вѣкѣ наши историки давно уже обратили вниманіе. Объ этомъ говорилъ еще Карамзинъ. Учрежденіе думныхъ дворянъ онъ приписываетъ Ивану Грозному и полагаетъ, что это было сдѣлано «для введенія въ думу сановниковъ отличныхъ умомъ, хотя и не знатныхъ родомъ» *). Того же мнѣнія держится и Соловьевъ, но онъ думаетъ, что дѣти боярскія введены въ думу прежде самостоятельнаго правленія Іоанна IV. Онъ допускаетъ даже мысль, что это нововведеніе могло совершиться даже ранѣе правленія Елены **).

Итакъ, едва-ли можетъ быть серьезная рѣчь о томъ, что въ XVI вѣкѣ русской землей «управляли старинныя привычныя власти въ порядкѣ старшинства», и что только въ XVII боярская дума стала наполняться «дворянской демократіей». Съ установившимся мнѣніемъ историковъ совершенно совпадаютъ и свидѣтельства современниковъ. Курбскій упрекалъ Ивана Грознаго въ томъ, что онъ предпочиталъ шляхетству писарей, которыхъ бралъ изъ простыхъ людей. Ту же мысль о предпочтеніи дьяковъ аристократіи высказываетъ и Тетеринъ. Но оба ошибаются, приписывая эту перемѣну Ивану Грозному; она совершилась еще въ царствованіе дѣда его, Ивана Васильевича ***). Въ составѣ бояръ

*) Истор. IX, 263.

**) Истор. VI, 32.

***) Объ этомъ подробнѣе сказано въ I т. Рус. юр. древ., кн. 2, гл. IV.

XVII в. не замѣчается большого различія отъ состава этого класса въ XVI-мъ. Мы имѣемъ полные списки бояръ за это время, знаемъ ихъ всѣхъ поименно и можемъ опредѣлить процентное отношеніе бояръ именитыхъ къ боярамъ не именитымъ. Для отличія тѣхъ и другихъ у насъ есть одинъ только признакъ—княжеское происхожденіе первыхъ; этимъ признакомъ отличаетъ московскую аристократію отъ дворянской демократіи и почтенный авторъ разбираемаго труда. Въ XVI вѣкѣ боярское званіе дано было 40 лицамъ княжескихъ фамилій и 26 не княжескихъ, отношеніе вторыхъ къ первымъ составляетъ 65% *). Въ XVII вѣкѣ по 1677 годъ званіе боярина было дано 32 лицамъ княжескихъ фамилій и 23—не княжескихъ, отношеніе вторыхъ къ первымъ опредѣлится въ 71,8% **). Итакъ, среди бояръ вве-

---

*) Княжескія фамиліи: Булгаковы, Бѣлевскіе, Бѣльскіе, Воротынскіе, Глинскіе, Голицыны, Горбатые, Горенскіе, Кашины, Кубенскіе, Куракины, Курлятевы, Микулинскіе, Мстиславскіе, Ноготковы, Ногтевы, Оболенскіе, Одоевскіе, Палецкіе, Пеньковы, Пронскіе, Рѣпнины, Ростовскіе, Ряполовскіе, Серебряные, Симскіе, Сицкіе, Татевы, Телепневы, Телятевскіе, Троекуровы, Трубецкіе, Ушатые, Хворостинины, Хилковы, Холмскіе, Черкасскіе, Шестуновы, Шуйскіе и Щенятевы.

Не княжескія фамиліи: Адашевы, Басмановы, Борисовы, Бутурлины, Волынскіе, Воронцовы, Годуновы, Давыдовы, Даниловы, Заболоцкіе, Захарьевы-Романовы, Колычевы, Кутузовы, Морозовы, Плещеевы, Сабуровы, Солтыковы, Собакины, Сукины, Траханіоты, Тучковы, Челяднины, Шеины, Шереметевы, Яковлевы, Ѳедоровы.

Пользуемся случаемъ, чтобы исправить пропускъ, вкравшійся въ I т. Рус. юрид. древн. На стр. 367, въ перечисленіи фамилій, члены которыхъ назначались въ XVI вѣкѣ прямо въ бояре, не упомянуты кн. Голицыны, которые имѣли это назначеніе 5 разъ.

**) Княжескія фамиліи: Барятинскіе, Бѣльскіе, Волхонскіе, Воротынскіе, Голицыны, Долгорукіе, Кашины, Куракины, Львовы, Лыковы, Мезецкіе, Мосальскіе, Одоевскіе, Пожарскіе, Прозоровскіе, Пронскіе, Рѣпнины, Ромодановскіе, Ростовскіе, Сицкіе, Сулешовы, Татевы, Троекуровы, Трубецкіе, Туренины, Урусовы, Хворостинины, Хилковы, Хованскіе, Черкасскіе, Шаховскіе, Шуйскіе.

Не княжескія фамиліи: Басмановы, Бутурлины, Годуновы, Головины, Далматовы, Захарьевы-Романовы, Зюзины, Колычевы, Матвѣевы, Ми-

денныхъ XVII вѣка не именитыхъ людей было на 6,8% болѣе, чѣмъ среди бояръ XVI вѣка. Это не такая большая разница, чтобы историкъ могъ сказать то, что говоритъ проф. Ключевскій. Но и это точное сравненіе бояръ XVI вѣка съ боярами XVII рѣшительно ничего не говоритъ о томъ, кто же были дѣйствительные совѣтники московскихъ государей за это время? Это остается тайной. Мы лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ знаемъ, съ кѣмъ именно они совѣтовались.

Полагаемъ, что, указывая на демократическую примѣсь къ думнымъ чинамъ XVI вѣка, мы не говоримъ ничего новаго и что приводимые нами факты извѣстны каждому, такъ какъ давно напечатаны. Отчего же почтенный авторъ приходитъ къ совершенно иному заключенію? Это объясняется особенностями его методологическихъ пріемовъ. У автора преобладаетъ дедуктивный способъ изслѣдованія. Онъ беретъ какое-либо болѣе или менѣе признанное положеніе и дѣлаетъ изъ него логическіе выводы, не провѣряя ихъ путемъ изслѣдованія фактической стороны дѣла. Въ данномъ случаѣ общее положеніе, отъ котораго отправляется авторъ, состоитъ въ слѣдующемъ: объединеніе Россіи подъ главенствомъ Москвы сосредоточило при дворѣ московскихъ государей бывшихъ удѣльныхъ князей. Это положеніе, конечно, можно принять. Авторъ такъ и поступаетъ и затѣмъ дѣлаетъ изъ этого положенія выводъ: князья входятъ въ составъ боярства, даютъ ему аристократическій характеръ и т. д. Здѣсь и начинается ошибка. Путемъ умозаключенія пришелъ авторъ и къ выводу о «дворцовыхъ вольнонаемныхъ прикащикахъ». Дедуктивной методой въ исторіи можно пользоваться, но это надо дѣлать съ большей осмотритель-

---

лославскіе, Морозовы, Нагово, Нарышкины, Нащокины, Олшевскіе, Плещеевы, Пушкины, Сабуровы, Салтыковы, Стрѣшневы, Хитрово, Шеины, Шереметевы.

Въ I т. Рус. юр. древ. на стр. 370 среди бояръ XVII в. упомянуты князья Дыковы; это, конечно, опечатка, надо читать Лыковы.

ностью, провѣряя результаты дедукціи свидѣтельствами памятниковъ *).

Переходимъ къ послѣднему и самому важному вопросу состава думы. Авторъ употребилъ много труда и времени для разъясненія соціальнаго состава думы. Допустимъ, что онъ правъ, и что всѣ тѣ различія, на которыя онъ такъ старательно указываетъ, дѣйствительно имѣли мѣсто; допустимъ, что въ составъ думы сперва входили бояре—дружинники, градскіе старцы и духовенство, затѣмъ она сдѣлалась односословной и состояла только изъ бояръ; бояръ смѣнили вольнонаемные прикащики, прикащиковъ—княжеская аристократія, а сію послѣднюю—дворянская демократія. Но какъ всѣ эти элементы дѣлались членами думы? Князь былъ обязанъ ихъ призывать, или онъ былъ свободенъ призывать ихъ и не призывать? Въ этомъ и заключается существенный вопросъ организаціи думы. Авторъ не отводитъ ему отдѣльнаго мѣста въ своемъ изслѣдованіи, онъ касается его лишь мимоходомъ и собрать въ одно цѣлое тамъ и здѣсь разбросанныя имъ замѣчанія дѣло не легкое. Это необходимо, однако, сдѣлать. Если авторъ не посвящаетъ этому вопросу особаго вниманія, то, конечно, потому, что отвѣтъ на него не считаетъ подлежащимъ какому либо сомнѣнію и спору. Все изслѣдованіе его исходитъ изъ того предположенія, что у князя есть необходимые совѣтники. Если бы

*) На 253 стр. авторъ говоритъ о спискахъ членовъ боярской думы XVII в., но вотъ въ какихъ словахъ: «Если гордому своимъ происхожденіемъ кн. А. М. Курбскому показать списокъ членовъ боярской думы XVII в., онъ навѣрное покачалъ бы головой и сказалъ: да, правду писалъ мнѣ въ Литву князь великій московскій, Иванъ Васильевичъ, по своей привычкѣ злоупотребляя словами писанія, что «можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму». Это весьма картинное мѣсто; но нельзя не пожалѣть, что авторъ не приложилъ того списка, которымъ онъ хотѣлъ удивить кн. Курбскаго. Онъ намъ гораздо нужнѣе, чѣмъ Курбскому, котораго едва ли бы удалось удивить почтенному профессору. Курбскій и въ XVI вѣкѣ правительственный классъ находилъ очень простонароднымъ. Иванъ Грозный, по его мнѣнію, управлялъ съ дѣтьми поповъ и крестьянъ. Чего же меньше?

старцы градскіе, вольнонаемные прикащики, аристократы и т. д. не были необходимыми совѣтниками, если бы князь могъ призывать ихъ въ думу и не призывать, то, понятно, не было повода писать книгу съ цѣлью доказать, что эти лица суть составные элементы думы. Слѣдуя примѣру автора, мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ дедуктивнымъ способомъ доказательства. Но зная, насколько метода сія требуетъ осторожности и осмотрительности, мы немедленно приступаемъ къ индукціи и собираемъ по этому предмету отдѣльныя его заявленія. На 148 стр. читаемъ: «Всѣ бояре, занимавшіе должности по военному, дворцовому и областному управленію, считались совѣтниками князя». На 173: «Въ исключительныхъ случаяхъ, касавшихся всѣхъ одинаково, въ вопросахъ, стоявшихъ выше каждаго отдѣльнаго вѣдомства, князь долженъ былъ призывать къ себѣ на совѣтъ всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ». На 177: «...въ Москвѣ дума превращалась въ постоянный совѣтъ всѣхъ наличныхъ бояръ»... Та же мысль и на 416 стр.: «Въ своей ежедневной практикѣ дума была постояннымъ совѣтомъ наличныхъ думныхъ людей, находившихся при государѣ». Теперь мысль автора совершенно выяснена. У князя есть необходимые совѣтники. Онъ не можетъ назначить прикащика и воеводы, чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлались и его думцами; въ московское же время всѣ думные чины суть совѣтники князя, если только они находятся въ резиденціи государя. Итакъ, въ этомъ вопросѣ проф. Ключевскій стоитъ на точкѣ зрѣнія проф. Загоскина и Неволина.

Но проф. Ключевскій идетъ гораздо далѣе своихъ предшественниковъ. Онъ хорошо знаетъ, что званіе думнаго человѣка не было наслѣдственно, что въ думные чины жаловали, что думу «сказывали по указу государя». Но это право государя, по его мнѣнію, было до такой степени ограничено, что московская дума XVI вѣка являлась, тѣмъ не менѣе, наслѣдственнымъ учрежденіемъ, устранить которое князь не могъ и съ которымъ онъ долженъ былъ раздѣлять свою власть. «По родословному составу думы XVI

вѣка, говоритъ авторъ, можно видѣть, въ какой степени государево назначеніе согласовалось съ аристократическимъ распорядкомъ лицъ и фамилій, установившимся въ боярской средѣ. Члены думы, особенно двухъ высшихъ чиновъ, обыкновенно выходили изъ извѣстнаго родовитаго круга, который въ лицѣ своихъ очередныхъ представителей думу вѣдалъ». Право государя назначать думныхъ чиновъ сводится такимъ образомъ, къ призванію ихъ по родословной очереди. «Эти родовые столпы, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, наслѣдственно вѣдали думу». Если у насъ были наслѣдственные совѣтники князя, то очень понятно, они не могли быть устранены изъ думы. Авторъ послѣдователенъ и прямо высказываетъ эту мысль: «Государь не можетъ устранить отъ власти правительственнаго класса» *).

Эта характерная картина наслѣдственныхъ совѣтниковъ, которые вѣдали государеву думу въ порядкѣ родового старшинства и которыхъ государь не могъ устранить отъ власти, является логичестимъ выводомъ признаннаго авторомъ, но неоправдываемаго дѣйствительностью, аристократическаго состава думы XVI вѣка. Мы остановимся лишь на одномъ новомъ его соображеніи, котораго мы не имѣли еще случая коснуться.

Въ цитатѣ, приведенной нами съ 329 стр., рѣчь идетъ объ «очередныхъ представителяхъ извѣстнаго родовитаго круга, который вѣдалъ думу». Авторъ, конечно, имѣетъ здѣсь въ виду мѣстническіе обычаи. Мы должны сказать, что понятія почтеннаго профессора о мѣстничествѣ чрезвычайно своеобразны. Такъ такъ «государь не могъ устранить отъ власти правительственнаго класса», то, надо полагать, для него было обязательно назначать въ думу родовитыхъ людей согласно съ аристократическимъ распорядкомъ, установившимся въ боярской средѣ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Государь могъ и дѣйствительно назначалъ въ думу, кого было ему угодно. Единственное огра-

*) Бояр. дума древ. Руси, стр. 329, 265, 392, 364, 530.

ниченіе, которое налагали на него мѣстническіе обычаи, состояло въ томъ, что если онъ хотѣлъ назначить въ думу человѣка именитаго, то это, обыкновенно, дѣлалось согласно съ отеческой его честью, именитые люди назначались въ думу прямо боярами, минуя чинъ окольничаго и думнаго дворянина; въ противномъ случаѣ они могли не принять думнаго чина, и только. Требовать же назначенія въ думу согласно съ аристократическимъ распорядкомъ никто неимѣлъ права. Поэтому то мы и встрѣчаемъ въ думѣ XVI вѣка не только князей, но и лицъ изъ мелкихъ фамилій, каковы Адашевы, Сукины, Траханіоты, Годуновы и пр., и въ чинѣ бояръ. Эта не аристократическая примѣсь къ составу боярской думы въ одномъ только высшемъ чинѣ боярина составляла—65%; въ чинѣ окольничаго ей принадлежало большинство: на 18 не княжескихъ фамилій тамъ было только 12 княжескихъ *); въ чинѣ думныхъ дворянъ—князей вовсе не было. Московскіе государи имѣли полную свободу не назначать въ думные чины представителей княжескихъ фамилій, которые лично имъ не нравились, или понизить ихъ достоинство, назначая не прямо въ чинъ боярина, а проводя чрезъ окольничество. Князья Черкасскіе въ XVI вѣкѣ назначаются прямо боярами, а въ XVII они служатъ и въ окольничихъ. Еще большее пониженіе потерпѣлъ родъ кн. Оболенскихъ: въ XVI вѣкѣ они пользуются преимуществами перворазрядныхъ фамилій и возводятся прямо въ бояре; въ XVII—они не идутъ дальше окольничихъ. Отсюда слѣдуетъ, что честь родовитыхъ фамилій представляетъ величину не постоянную, а мѣняющуюся, въ зависимости отъ усмотрѣнія царей. Этимъ, между прочимъ, и объясняется процессъ захуданія нѣкото-

*) Списокъ окольничихъ XVI вѣка изъ числа фамилій, члены которыхъ въ чинъ боярина не возводились: Беззубцевы, кн. Великіе, Вельяминовы, кн. Вяземскіе, кн. Гагины, Головины, кн. Долгорукіе, кн. Елецкіе, Житовы, Жулебины, Зайцевы, кн. Засѣкины, кн. Звенигородскіе, Ивановичи Карповы, Квашнины, Китаевы, Клешнины, Ляцкіе, Мамоновы, Нагово, кн. Ноздреватые, Петровы, Сакмышевы, кн. Токмановы, кн. Тулуповы, кн. Туренины, Чулковы, кн. Щербатые.

рыхъ фамилій. Въ виду этихъ фактовъ какая же можетъ быть рѣчь объ очередныхъ представителяхъ родовитаго круга, вѣдавшаго думу? Когда казначея Ѳ. И. Сукина назначили бояриномъ въ думу, изъ аристократическихъ фамилій членами ея были: кн. И. А. Куракинъ, кн. И. Д. Бѣльскій, кн. Ѳ. М. Оболенскій, кн. Ц. И. Телятевскій. Кто изъ этихъ Рюриковичей и Гедеминовичей обидѣлся назначеніемъ въ ихъ среду казначея Сукина и протестовалъ отказомъ отъ боярства? Никто. Намъ вообще неизвѣстенъ ни одинъ случай отказа отъ боярства по причинѣ худородности его членовъ. Надо полагать, что приближеніе къ особѣ царя такъ цѣнилось московской аристократіей, что члены ея охотно становились у подножія трона на одну доску съ дьяками и поповичами. Съ точки же зрѣнія мѣстнической чести нельзя отрицать возможности отказа отъ боярства въ случаѣ назначенія въ этотъ чинъ человѣка худороднаго; только такихъ отказовъ не бывало *).

*) Авторъ говоритъ объ «очередныхъ представителяхъ родовитаго круга, вѣдавшихъ думу». Всѣ знаютъ, что такое очередь. Наличность очереднаго порядка въ примѣненіи къ думнымъ чинамъ предполагаетъ комплектъ думныхъ чиновъ. Если бы не было комплекта, не было бы и очереди, ибо можно было бы разомъ призвать въ составъ думныхъ чиновъ всѣхъ имѣющихъ на то право, а не заставлять ихъ ждать своей очереди. Но комплекта не было, и государи могли назначить столько думныхъ людей, сколько имъ было угодно. Не могло быть, значитъ, и ни какой очереди. А между тѣмъ авторъ такъ ее хорошо знаетъ, что рѣшается утверждать, что государево назначеніе согласовалось съ аристократическимъ распорядкомъ и т. д. Чрезвычайно жаль, что почтенный профессоръ ограничивается однимъ лишь намекомъ на свои знанія московской очереди вступленія въ думные чины. Весьма важно было бы указать эту очередь и выяснить аристократическій распорядокъ послѣдовательности думныхъ чиновъ, въ силу котораго въ думѣ XVI вѣка среди бояръ нашли себѣ мѣсто: Адашевы, Траханіоты, Сукины и имъ подобные, а для князей Вяземскихъ, Гагиныхъ, Засѣкиныхъ, Звенигородскихъ, Ноздреватыхъ, Токмаковыхъ, Тулуповыхъ, Туренинныхъ и Щербатыхъ—мѣста среди бояръ не оказалось и они дальше окольничаго подняться не могли. Мы очень опасаемся, что излишняя краткость автора можетъ ввести въ заблужденіе юныхъ любителей

Разбирая «Думу боярскую» проф. Загоскина, мы имѣли случай указать на то, что мнѣніе о постоянномъ составѣ думы и о правѣ думныхъ людей принимать участіе въ думѣ государя—разбивается наличностью ближней думы, существованія которой нельзя не признать. Признаетъ ближнюю думу и проф. Ключевскій. Какъ же онъ примиряетъ ея существованіе съ существованіемъ боярской думы? Этому вопросу авторъ посвящаетъ особую главу, XVI-ю, въ названіи которой спѣшитъ высказать свое отношеніе къ дѣлу: «Ближняя или комнатная дума государя, говоритъ онъ, была косвеннымъ признаніемъ съ его стороны политическаго значенія боярской думы». Авторъ идетъ гораздо дальше своего предшественника. Ближняя дума не только не подрываетъ боярской, а служитъ доказательствомъ признанія ея политическаго значенія. Мысль очень смѣлая, и мы съ понятнымъ интересомъ приступили къ чтенію XVI-й главы. Ближней думѣ авторъ даетъ разныя наименованія, онъ называетъ ее: «особымъ совѣтомъ», «частнымъ совѣтомъ», «кабинетомъ» и, наконецъ, «тайнымъ совѣтомъ». Отношенія

отечественныхъ древностей. Въ XX главѣ авторъ снова возвращается къ вопросу о назначеніяхъ въ думные чины сообразно съ родословнымъ старшинствомъ и на стр. 399 приводитъ примѣръ назначенія въ бояре кн. Влад. Тимоѳ. Долгорукова. Но примѣръ этотъ доказываетъ совершенно обратное. Единовременно съ Влад. Тим. Долгоруковымъ существуетъ дѣдъ его, Иванъ Михайловичъ. По родословцу онъ на одну степень ближе къ общему родоначальнику, князю Владиміру Ивановичу Долгорукому. Съ этимъ счетомъ родового старшинства согласенъ и проф. Ключевскій. Итакъ, старшій изъ этихъ двухъ Долгоруковыхъ—Иванъ Михайловичъ, а не Владиміръ Тимоѳеевичъ, ему и слѣдовало быть бояриномъ, если правъ проф. Ключевскій. Въ дѣйствительности же бояриномъ былъ младшій а старшій былъ дворяниномъ московскимъ и дальше комнатнаго стольника не пошелъ. Нелегко понять, зачѣмъ авторъ привелъ этотъ неудобный для него примѣръ. На 398 стр. онъ разсуждаетъ на тему о томъ, что «неловко было назначить въ окольничіе племянника, когда родной дядя значился въ спискѣ стольниковъ»; а на 399 стр. оказывается, что внука можно было назначить бояриномъ, когда дѣдъ, стоявшій одною степенью выше этого внука, значился въ спискѣ даже не стольниковъ, а просто московскихъ дворянъ.

этого тайнаго совѣта къ боярской думѣ представляются ему въ такомъ видѣ. «Судя по изложенному выше разсказу, говоритъ онъ, рѣшенія по дѣламъ общегосударственнаго характера, принятыя въ тайномъ совѣтѣ, сообщались боярской думѣ по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію, если не для вторичнаго обсужденія» 340. Итакъ, всякое дѣло общегосударственнаго характера могло быть рѣшено въ ближней думѣ и затѣмъ сообщалось боярской думѣ лишь къ свѣдѣнію. Это, конечно, не есть доказательство политическаго значенія боярской думы, а совершенно обратнаго: можно было все дѣлать безъ боярской думы. На послѣдней страницѣ XVI главы авторъ высказывается о томъ, какъ общая дума рѣшала тѣ вопросы, которые государю угодно было внести въ нее по предварительномъ уже обсужденіи ихъ въ ближней думѣ. «Легко понять, однако, говоритъ онъ, что ближній совѣтъ, оставаясь частнымъ и предварительнымъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на общую думу: когда государь приносилъ въ послѣднюю мнѣніе, внушенное тайными совѣтниками его, политическій авторитетъ и служилое приличіе, обыкновенно, заставляли бояръ соглашаться съ нимъ» 346. И мы совершенно соглашаемся съ почтеннымъ авторомъ, только гдѣ же политическое значеніе общей боярской думы, такъ смѣло возвѣщенное въ заголовкѣ? О немъ въ дѣйствительности и помину нѣтъ. XVI главу слѣдовало бы такъ озаглавить: «Ближняя или комнатная дума совершенно лишала всякаго политическаго значенія боярскую думу» и это заглавіе совершенно соотвѣтствовало бы содержанію главы. Но авторъ продолжаетъ думать по своему и на той же послѣдней страницѣ главы говоритъ: «Но если чувствовали потребность имѣть такой особый совѣтъ рядомъ съ думой всѣхъ бояръ, то за послѣдней, очевидно, признавали не то значеніе, не тѣ задачи и свойства, какія имѣлъ первый (вполнѣ вѣрное умозаключеніе, но то, что идетъ далѣе, можетъ быть замѣнено совершенно обратнымъ, безъ малѣйшей логической натяжки), значитъ, продолжаетъ авторъ, признавали, что со-

ставъ ея не вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія государя, а долженъ согласоваться съ боярской іерархіей, что эта дума есть постоянно дѣйствующее учрежденіе, которое направляетъ текущія дѣла, что и дѣла особо важныя должны проходитъ чрезъ нее же, хотя бы они уже обсуждались въ ближней думѣ, словомъ, признавали, что это не государевъ только, но и государственный совѣтъ». Ошибка умозаключенія и только. Изъ того, что признавали необходимость ближней думы рядомъ съ боярской, можетъ слѣдовать и то, что «боярская» признавалась ни на что не нужной и совершенно устранялась «ближней». Мы вовсе не отрицаемъ возможности существованія двухъ совѣтовъ: большого и малаго. Но это возможно лишь при точномъ опредѣленіи компетенціи каждаго изъ нихъ. Такого разграниченія двухъ думъ у насъ не было и, по словамъ самого автора, боярская дума только вторила ближней, да и это не всегда было нужно, такъ какъ дѣла, рѣшенныя въ ближней думѣ, могли вноситься въ боярскую лишь для свѣдѣнія. При этомъ условіи ближняя дума служитъ доказательствомъ того, что князь могъ совѣщаться съ кѣмъ ему угодно и вовсе не былъ обязанъ совѣщаться съ представителями аристократическихъ фамилій, призываемыхъ по порядку старшинства.

Переходимъ къ вопросу о вѣдомствѣ думы. Не легко выяснить мнѣнія автора по этому предмету. Совершенно ясно только то, что дума имѣетъ свою компетенцію и что компетенція эта чрезвычайно обширна; что же касается частностей дѣла, здѣсь все сбивчиво и смутно. Приведемъ наиболѣе характерныя заявленія автора. Уже на первой страницѣ онъ нашелъ нужнымъ опредѣлить вѣдомство думы на всемъ пространствѣ своего изслѣдованія: «Съ X и до XVIII вѣка, говоритъ онъ, боярская дума стояла во главѣ древнерусской администраціи, была маховымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе весь правительственный механизмъ; она же большею частію и создавала этотъ механизмъ, законодательствовала, регулировала всѣ отношенія, давала отвѣты на вопросы, обращенные къ правитель-

ству». «Маховое колесо» выраженіе образное и красивое, но оно ничего не объясняетъ; въ томъ же, что слѣдуетъ за маховымъ колесомъ, дѣло не обходится безъ нѣкоторой крупной неясности. Дума «регулировала всѣ отношенія», но правительственный механизмъ она создавала только «большею частію». Это конечно, очень много, но все же не все: «регулированіе всѣхъ отношеній» включаетъ въ себѣ и регулированіе всего правительственнаго механизма а «не большею только частію». Въ результатѣ получается: дума дѣлала все и не все. Это, конечно, не очень ясно.

Составъ думы, какъ мы уже знаемъ, по мнѣнію автора весьма мѣнялся съ теченіемъ времени. Онъ полагаетъ, что этимъ перемѣнамъ въ составѣ соотвѣтствуютъ и перемѣны въ вѣдомствѣ. На 181 читаемъ: «Дума удѣльнаго времени (сѣверныхъ князей) была совѣтомъ управителей, вѣдавшихъ текущія дѣла дворцоваго хозяйства, но совѣтомъ по вопросамъ управленія, выходившимъ изъ ряда текущихъ. Такіе вопросы, впрочемъ, были болѣе или менѣе связаны съ дворцовымъ хозяйствомъ въ его удѣльномъ объемѣ». Это совершенно послѣдовательно и представляетъ лишь логическій выводъ изъ того, что авторъ говоритъ о составѣ думы сѣверныхъ князей. О чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, и разсуждать «вольнонаемнымъ прикащикамъ», какъ не о посѣвахъ, сѣнокосѣ, уборкѣ хлѣба и другихъ вопросахъ дворцоваго хозяйства. Но, несмотря на всю послѣдовательность и строгую логичность автора, выводъ его совершенно невѣроятенъ. Полагаемъ, что дѣла дворцоваго хозяйства князь велъ совершенно такъ же, какъ ихъ вели и всѣ другіе частные собственники и какъ они ведутъ ихъ и въ наше время, т. е., безъ участія въ нихъ «думы», а при помощи прикащиковъ. Но развѣ другихъ заботъ у сѣверныхъ князей не было? Развѣ они не вели войнъ, не судили, не заботились о церкви и т. д.? Развѣ не приходилось имъ «думать» объ этихъ вопросахъ и съ кѣмъ нибудь совѣщаться? Конечно, приходилось.

Авторъ, кажется намъ, и самъ не совершенно увѣренъ въ справедливости своего слишкомъ ограничительнаго по-

ниманія вѣдомства думы сѣверныхъ князей. На страницѣ 167 онъ говоритъ совершенно другое: «Она (т.-е. дума) была высшимъ правительственнымъ мѣстомъ по дѣламъ дворцоваго хозяйства, высшимъ судебнымъ мѣстомъ, совѣтомъ князя по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями и восходили къ князю». Здѣсь дума является высшимъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстомъ. Во всякомъ случаѣ такая дума болѣе похожа на дѣло, чѣмъ дума 181 страницы. Но она не законодательствуетъ, о чемъ такъ рѣшительно было заявлено на 1-й стр. Что это, особенность думы сѣверныхъ князей или недомолвка? Не знаемъ. Этимъ не оканчиваются, однако, наши недоумѣнія. Вслѣдъ за только что выписаннымъ мѣстомъ авторъ говоритъ нѣчто такое, что совершенно уничтожаетъ какъ то, что сказано имъ на стр. 181, такъ и то, что сказано на стр. 167. Вотъ это чрезвычайно многознаменательное мѣсто: «Но по сохранившимся памятникамъ трудно разобрать, насколько точно было опредѣлено, какія дѣла должны восходить къ князю, какія онъ рѣшалъ одинъ и какія съ боярами. Видно только, что одни дѣла онъ поручалъ рѣшать своимъ боярамъ, одному или двоимъ, другія рѣшалъ самъ въ присутствіи одного, двухъ или болѣе бояръ, а при рѣшеніи третьихъ вовсе незамѣтно присутствія бояръ» Изъ приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что «по сохранившимся памятникамъ» вовсе нѣтъ думы, какъ постояннаго учрежденія съ опредѣленной компетенціей; это совершенно вѣрно, хотя и противорѣчитъ тому, что сказано на стр. 167 и 181. Авторъ большой знатокъ памятниковъ, онъ знаетъ не только то, что напечатано, но и то, что хранится въ богатыхъ московскихъ архивахъ. Ему не удается только правильная конструкція находящихся въ его рукахъ богатствъ. Нельзя, однако, не признать, что при всѣхъ своихъ колебаніяхъ онъ ходитъ довольно близко къ настоящему дѣлу, совершенно того не подозрѣвая. Но будемъ продолжать.

Въ Московскомъ княжествѣ, до исчезновенія не москов-

скихъ удѣловъ, авторъ усматриваетъ признаки значительныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ устройствѣ думы 169. Но въ чемъ эти успѣхи въ области компетенціи ему, къ сожалѣнію, не удается выяснить. На стр. 177 онъ говоритъ, что дума «вѣдала всѣ новыя чрезвычайныя дѣла». Но и предшествовавшая, какъ было сказано на стр. 167, вѣдала всѣ дѣла, которыя не могли быть разрѣшены низшими учрежденіями; сюда, конечно, входятъ и всѣ новыя и всѣ чрезвычайныя дѣла. Еслибы они невходили въ думу сѣверныхъ князей, то кто же ихъ рѣшалъ, не низшія же учрежденія?

На стр. 181 авторъ пытается дать новую отличительную черту московской думы первыхъ князей отъ до московской: «Она становилась совѣтомъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ». Это, дѣйствительно, какъ будто успѣхъ. Прежде дума вѣдала только дворцовое хозяйство, а теперь и не дворцовыя дѣла, т.-е., государственныя. Но авторъ забылъ, что на стр. 167 и до московская дума вѣдаетъ у него судебныя и всѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями. А на стр. 168 онъ самъ говоритъ, что въ дѣлахъ важныхъ или касавшихся церкви въ думу призывали церковныхъ іерарховъ, хотя и не всегда. «Важныя и церковныя дѣла» это, конечно, не дворцовыя. Различія въ вѣдомствѣ такъ же шатки, какъ и различія въ составѣ.

Съ объединеніемъ Руси подъ главенствомъ Москвы старая дума превращается въ государственный совѣтъ при государѣ московскомъ и всея Руси (280), и авторъ не затрудняется утверждать: 1) что эта дума давала властные отвѣты не текущіе вопросы законодательства (307); 2) что государь руководилъ государственнымъ управленіемъ чрезъ посредство думы (333); 3) что дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя непосредственно вѣдала сама дума (423). Таковъ пышный расцвѣтъ вѣдомства боярской думы. Она законодательствуетъ; важнѣйшія дѣла управленія, къ которымъ относятся иностранныя сношенія и организація службы,

дума вѣдаетъ непосредственно *); остальными государь управляетъ чрезъ ея посредство. Въ XXIV главѣ авторъ еще разъ останавливается на дѣятельности думы и приходитъ къ нѣсколько иному заключенію: «Значитъ, говоритъ онъ, дума законодательствовала, а не судила и не вела дѣлъ текущей администраціи; точнѣе говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи». И нѣсколько строкъ ниже: «Итакъ, боярская дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ» 463.

Чрезвычайно важное утвержденіе, но его трудно примирить съ прежде высказанными. На страницѣ 1-й говорится о законодательствѣ и администраціи думской; такія же заявленія о правительственной, а не законодательной только дѣятельности думы въ объединенной Москвѣ можно найти и въ другихъ мѣстахъ книги. Такъ на стр. 423 авторъ утверждаетъ, что дума непосредственно вѣдала посольскія дѣла. Посольскія дѣла не составляли предмета законодательства московскихъ государей; это дѣла правительственныя и, вѣдая ихъ, дума управляла, а не законодательствовала.

Непосредственно за выписаннымъ нами мѣстомъ о томъ, что дума была исключительно законодательнымъ учрежденіемъ, авторъ продолжаетъ такъ: «Вотъ почему при изученіи правительственной дѣятельности думы не совсѣмъ удобно прилагать къ ней обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и административныя». Можно ли было ожидать такого вывода? Авторъ только что нашелъ учрежденіе «собственно и даже исключительно законодательное» и видитъ въ своемъ открытіи поводъ не прилагать къ этому «исключительно» законодательному учрежденію обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и адми-

*) Полагать надо, что по этимъ дѣламъ доклады дѣлаются не государю, а прямо думѣ, которая и постановляетъ по нимъ свой приговоръ; это, вѣроятно, и значитъ непосредственно.

стративныя! Это можетъ удивить даже и послѣ всего того, что мы уже видѣли своеобразнаго у г. Ключевскаго. Нельзя было бы прилагать обычнаго дѣленія, еслибы въ учрежденіяхъ Москвы не оказалось исключительно законодательнаго учрежденія, а разъ оно оказалась, то обязательно прилагать такое дѣленіе. Г. Ключевскій разсуждаетъ какъ разъ наоборотъ. Мы, можетъ быть, имѣемъ здѣсь дѣло съ нѣкоторой «недомолвкой» и «обмолвкой».

Автору никакъ не удается правильная конструкція фактовъ и въ этомъ причина постоянныхъ его колебаній; но факты онъ превосходно знаетъ и со слѣдующей уже страницы начинаетъ приводить свидѣтельства источниковъ, доказывающихъ, что дума нетолько законодательствовала, но управляла, судила и даже пытки производила. Мы не будемъ повторять этихъ свидѣтельствъ, желающіе найдутъ ихъ на стр. 464, 466, 484, 502, 503, 512, 513 и друг.

Для насъ они имѣютъ значеніе только съ той точки зрѣнія, что доказываютъ совершенно противоположное тому, что надо было доказать. Надо было доказать, что дума есть «собственно и даже исключительно законодательное учрежденіе», а факты доказываютъ, что дума дѣлаетъ все. Но надо ли было это послѣднее положеніе доказывать? Конечно нѣтъ: оно давно уже доказано проф. Загоскинымъ.

Перечисленіе дѣлъ, рѣшавшихся думой, еще не рѣшаетъ вопроса о ея компетенціи; для этого надо выяснить, какъ поступали дѣла въ думу и какъ они въ ней рѣшались? Происходило ли это въ силу особаго права, разъ навсегда предоставленнаго думѣ, — вѣдать и рѣшать своею властью извѣстныя дѣла; или дума разсматривала и рѣшала дѣла всякій разъ въ силу особаго государева указа? Въ первомъ случаѣ дума будетъ имѣть опредѣленную компетенцію и власть, во второмъ у ней не будетъ ни того, ни другого.

Авторъ останавливается на обоихъ вопросахъ. Что касается перваго, то онъ повторяетъ сказанное уже Неволи-

нымъ и Н. П. Загоскинымъ. Онъ различаетъ тѣ же способы возбужденія дѣлъ въ думѣ: приказъ государевъ, докладъ изъ приказовъ и челобитья частныхъ лицъ, и также смѣшиваетъ государеву думу съ расправной палатой, какъ это дѣлаютъ и его предшественники.

Второй вопросъ проф. Ключевскій рѣшаетъ совершенно иначе, чѣмъ проф. Загоскинъ. Авторъ самого высокаго мнѣнія о власти боярской думы. Онъ не находитъ даже возможнымъ провести какую-либо границу между властью царя и властью думы. Обѣ власти составляютъ у него какое-то таинственное цѣлое. Общая тенденція автора совершенно ясна; но что касается частностей, онѣ и въ этомъ вопросѣ представляются чрезвычайно смутными и сбивчивыми.—Мистическое цѣлое представляютъ уже князь и боярская дума удѣльнаго времени. На стр. 147 читаемъ: «Состояла ли дума изъ двухъ бояръ, или изъ десяти, даже съ представителемъ мѣстной церковной власти, въ томъ и другомъ случаѣ это была все та же обыкновенная боярская дума подъ предсѣдательствомъ князя, и ея постановленіе считалось окончательнымъ приговоромъ самого князя». Это понять очень трудно, даже едва ли возможно; ясно только то, что здѣсь утверждается нѣкоторое единство князя и думы. Князь предсѣдатель думы; рѣшеніе постановляетъ не онъ, а дума; но это рѣшеніе считается приговоромъ самого князя. Въ этомъ выражается единство князя и думы. Какъ же это возможно? Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду не обыкновенный порядокъ рѣшенія, наблюдаемый въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Въ обыкновенномъ коллегіальномъ порядкѣ коллегія рѣшаетъ большинствомъ голосовъ, причемъ предсѣдателю предоставляется два голоса на случай равнаго раздѣленія голосовъ. Такое рѣшеніе никогда не считается рѣшеніемъ «самого предсѣдателя», ибо оно можетъ состояться даже противъ его мнѣнія. То, что утверждаетъ авторъ, возможно только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: или князь и дума всегда одного мнѣнія или дума всегда соглашается съ мнѣніемъ князя. Но въ

первомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ чудомъ, на которое никакъ нельзя разсчитывать въ обыкновенныхъ человѣческихъ дѣлахъ. Во второмъ случаѣ нельзя говорить о постановленіи думы, какъ о чемъ-то самостоятельномъ, такъ какъ дума только исполняетъ волю князя. Самъ авторъ, не беретъ на себя труда объяснить, какъ возникаетъ это таинственное единство князя и думы. Въ той же главѣ на стр. 150, гдѣ рѣчь идетъ «о правительственномъ значеніи бояръ — совѣтниковъ», авторъ утверждаетъ нѣчто совсѣмъ иное: «Значитъ, читаемъ здѣсь, совѣтники князя были простыми административными его орудіями, а не политическими голосами; ихъ не было нужды считать при рѣшеніи дѣлъ и рѣдко приходилось считаться съ ними въ политическихъ затрудненіяхъ». Это утверждается о совѣтникахъ князя до отмѣны вольной службы, а потому невѣрно; но насъ не это занимаетъ, а невозможность совмѣстить это мѣсто съ предшествующимъ, взятымъ нами со стр. 147. Тамъ утверждается, что дума дѣлаетъ постановленія, которыя считаются постановленіями самого князя; здѣсь—члены думы являются простыми административными орудіями князя, на голоса которыхъ не было нужды обращать вниманіе. Что нибудь не вѣрно, и автору изъ двухъ высказанныхъ имъ мнѣній надо выбрать одно; по нашему мнѣнію и то и другое невѣрно.

За московскою думою періода объединенія авторъ въ рѣшительныхъ и ясныхъ словахъ признаетъ политическое значеніе. «Она даетъ властные отвѣты по текущимъ вопросамъ законодательства» 307. «И правительственное значеніе ея далеко не было пассивнымъ: она является болѣе чѣмъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, она пользуется извѣстнымъ просторомъ въ своей дѣятельности» 329. Наконецъ, «въ XVI вѣкѣ было формально утверждено политическое значеніе думы: боярскій приговоръ былъ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства, черезъ который долженъ былъ проходить каждый новый законъ, прибавлявшійся къ судебнику» 330.

Итакъ, дума не только помогала московскимъ государ-

рямъ издавать указы, когда они находили нужнымъ ея помощь; она имѣла формальное право участія въ законодательствѣ. Безъ боярскаго приговора московскіе государи не могли издать дополнительнаго указа къ судебнику. Положеніе чрезвычайной важности. Какъ же, спрашивается, опредѣлялись отношенія царя и властной думы? Здѣсь опять встрѣчаемся съ таинственнымъ единствомъ царя и думы. Вотъ каково было, по мнѣнію автора, положеніе дѣла въ Москвѣ. «Боярская дума древней Руси была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, давній обычай неразрывно связывалъ обѣ эти политическія силы и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго... Древне русское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти. Въ устройствѣ высшаго московскаго управленія всего труднѣе точно обозначить предѣлы власти государя и его боярскаго совѣта. Это потому, что государь и его совѣтъ не были двумя разными властями а составляли одно властное, верховное цѣлое» 478.

Царь и дума составляютъ одно неразрывное верховное цѣлое. Это тоже мистическое цѣлое, что и на страницѣ 147, таинственное, непостижимое. Но мы нашли въ разбираемой книгѣ мѣсто, гдѣ это неразрывное цѣлое — порвалось. И что же оказалось? Оказалось, что все дѣлаютъ бояре, царю же докладываютъ о дѣлахъ только въ томъ случаѣ, когда этого сами захотятъ.

На стр. 481 авторъ спрашиваетъ: «Приговоры, состоявшіеся въ думѣ безъ государя, представлялись ли ему на утвержденіе?» и на 483 отвѣчаетъ: «Докладъ (государю боярскихъ приговоровъ) былъ не обязанностью думы, а ея отказомъ отъ своего права». Здѣсь авторъ не говоритъ, что это за право, отъ котораго бояре отказывались; но на 481, 482 и 483 страницахъ рѣчь идетъ о порядкѣ законодательства, и слѣдовательно подъ правомъ бояръ надо разумѣть

ихъ право законодательствовать. Вотъ въ какомъ видѣ представляется автору порядокъ московскаго законодательства. «Вопросы о новыхъ законахъ вносились въ думу изъ приказовъ всегда на государево имя въ обычной формулѣ: и о томъ великій государь что укажетъ? Это и есть государевъ докладъ. Вопросъ докладывался на государево имя и потомъ разрѣшался боярскимъ приговоромъ. Таковы два момента въ созданіи новаго закона; третьяго момента, представленія приговора всѣхъ бояръ на утвержденіе государя, судебникъ не указываетъ. Отдѣльные законодательные акты подтверждаютъ такой порядокъ законодательства... Дума иногда обращалась съ докладомъ къ присутствовавшему въ засѣданіи государю, но не для того, чтобы представить на его утвержденіе свой приговоръ о дѣлѣ, а потому, что не умѣла, или не хотѣла сама постановить приговоръ о немъ» 482.

Итакъ, есть только два момента въ порядкѣ законодательства: новый законодательный вопросъ вносится въ думу на имя государя, что есть только обычная форма: вопросъ докладывался думѣ на государево имя, если бы государя въ думѣ и не было, это первый моментъ; второй моментъ—законодательный вопросъ разрѣшается боярскимъ приговоромъ. Третьяго момента, доклада государю, нѣтъ. Иногда дума дѣлаетъ доклады государю, но это въ тѣхъ случаяхъ, когда она не умѣла или не хотѣла сама постановить приговоръ. Законодательные вопросы, слѣдовательно, восходили къ государю только тогда, когда этого хотѣла сама дума; докладывать же объ нихъ государю она не была обязана *).

*) Изъ предшествующаго мы уже знаемъ, что почти на каждое утвержденіе автора въ книгѣ его можно найти и утвержденіе совершенно противоположное, что очень затрудняетъ выясненіе его мнѣній. Такая двойственность имѣетъ мѣсто и въ настоящемъ случаѣ. Въ той же главѣ на стр. 518 авторъ передаетъ извѣстный мѣстническій случай Ивана Чихачева. Обсуждая этотъ случай, онъ въ заключеніе высказываетъ такую мысль: «Ни думному дьяку, ни боярину и въ голову не пришло, что этимъ собственноручнымъ урокомъ они нарушали

Чрезвычайно любопытный выводъ, хотя и не согласный съ таинственнымъ единствомъ царя и думы. Дума законодательствуетъ, а царь сидитъ сложа руки, и что особенно любопытно и важно, такъ это то, что есть памятники, которыя какъ будто даютъ основаніе утверждать нѣчто подобное.

Итакъ, таинственное и неразрывное цѣлое порвалось. Этого, конечно, слѣдовало ожидать. Какъ-то не вѣрится, чтобы въ Московскомъ государствѣ все дѣлала дума, а не царь. Ѳедора Ивановича еще можно уступить почтенному автору, онъ дѣйствительно самъ не управлялъ и не законодательствовалъ; а Иванъ Грозный, его отецъ, Василій Ивановичъ, и дѣдъ, Иванъ Васильевичъ? Они тоже сидѣли сложа руки и ждали, не откажется ли дума отъ своего права законодательствовать и не доложитъ ли имъ дѣла? Прежде чѣмъ разбирать доказательства, приводимыя авторомъ въ пользу мнѣнія о всемогуществѣ думы, остановимся на вопросѣ о томъ, къ какому времени это всемогу-

---

одно изъ верховныхъ правъ государя — пересматривать приговоры думы о наказаніяхъ за проступки и преступленія по службѣ». Здѣсь у государя признается право пересматривать судебные приговоры думы, на стр. же 481—3 у него не оказывается права утверждать законодательные приговоры думы. Но тамъ же говорится и вообще о приговорахъ думы, слѣдовательно, и о судебныхъ, для которыхъ исключенія не сдѣлано. На страницѣ 518 отрицается то, что утверждалось на страницѣ 481—3; это, можетъ быть, поправка къ стр. 481—3? Но правильная ли это поправка? Мы ничего не знаемъ о правѣ государя пересматривать всѣ приговоры думы о преступленіяхъ по службѣ. Мы всегда думали, что не только расправная палата, но и приказы могли окончательно рѣшать дѣла о преступленіяхъ по службѣ, по скольку они предусмотрѣны Уложеніемъ и послѣдующими указами. Встрѣтивъ противоположное мнѣніе проф. Ключевскаго, мы просмотрѣли его цитаты и не нашли въ нихъ ни малѣйшаго указанія на верховное право царя утверждать указанные имъ судебные приговоры. Поправка, слѣдовательно, неправильная; расправная палата могла рѣшить всякое дѣло, предусмотрѣнное Уложеніемъ и послѣдующими указами. Остается, значитъ, одно несогласіе съ самимъ собой.

щество относится? Здѣсь опять встрѣтимся съ большими неожиданностями. Составъ московской думы въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ мы знаемъ, очень различенъ: въ XVI въ ней засѣдала родовая аристократія, раздѣлявшая власть царя, въ XVII дворянская демократія, которая не могла пользоваться преимуществами старой аристократіи. Отсюда, конечно, должно слѣдовать, что дума была всевластна въ XVI вѣкѣ. Такъ и смотритъ на это дѣло самъ авторъ. На 391 стр. читаемъ: «Изложенными опытами политическаго договора (въ предшествовавшей главѣ рѣчь шла о договорахъ бояръ съ Шуйскимъ и Владиславомъ) кончилась политическая исторія боярской думы. Далѣе она перестаетъ быть участницей верховной власти, становясь только ея орудіемъ, остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ, но изъ политической силы превращается въ простое правительственное удобство. Въ XVII вѣкѣ въ ней происходятъ нѣкоторыя перемѣны; но онѣ не измѣняютъ ея политическаго значенія... Сообразно съ усложнившимися задачами правительства, онѣ развиваютъ ее, какъ правительственное орудіе, не развивая ея политическаго авторитета». Итакъ, дума XVII вѣка не участница верховной власти, это простое орудіе управленія, дѣло удобства и только. Къ ней, значить, не относится то, что говорилось о единствѣ царя и думы и о правѣ думы законодательствовать безъ царя. Это совершенно послѣдовательно. Только-что выписанной нами цитатой начинается XIX глава; глава же XXIV озаглавлена такъ: «Правительственная дѣятельность думы, при видимомъ разнообразіи дѣлъ, имѣла собственно законодательный характеръ». Это довольно большая глава, она занимаетъ 59 стр., съ 460 по 519; въ ней рѣчь идетъ о единствѣ царя и думы, объ исключительно законодательномъ характерѣ думы, о правѣ думы законодательствовать безъ царя и т. д. Сдѣланные нами выписки по этимъ предметамъ взяты именнно изъ этой главы. Она живописуетъ полный расцвѣтъ политической дѣятельности думы. Это, конечно, не бѣда, такъ какъ авторъ вѣритъ, что дума XVI в. была

участницей верховной власти. Но бѣда въ томъ, что въ доказательство своихъ положеній авторъ приводитъ нестолько свидѣтельства памятниковъ XVI вѣка, сколько XVII-го и даже самаго его конца и послѣдніе въ большемъ количествѣ, чѣмъ первые. Изъ этого надо заключить, что и дума XVII вѣка была участницей верховной власти, что авторъ однако отрицаетъ на 391 стр. Несомнѣнная неустойчивость убѣжденій, могущая привести любителей отечественной исторіи въ немалое затрудненіе.

Мы познакомили уже читателя съ высказаннымъ авторомъ на стр. 480—3 мнѣніемъ о томъ, что приговоры думы по вопросамъ законадательства не нуждались въ утвержденіи царя, и указали на чрезвычайную важность этого мнѣнія. Авторъ основываетъ его на обычномъ порядкѣ дѣлопроизводства думы, по которому ей предоставлялось самой рѣшать восходившія въ нее дѣла изъ приказовъ. А этотъ порядокъ дѣлопроизводства авторъ находитъ въ указѣ 1694 года. Наличность явленія, долженствовавшаго господствовать въ XVI вѣкѣ, доказывается ссылкой на указъ конца XVII-го! «Обычнымъ, говоритъ онъ, кажется тотъ порядокъ, какимъ по указу 1694 г. дума рѣшала безъ государя судныя дѣла, восходившія «въ верхъ» по челобитнымъ или по докладамъ изъ приказовъ: бояре рѣшали ихъ окончательно, докладывая государямъ лишь о томъ, чего имъ «зачѣмъ безъ ихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ немочно», значитъ, докладъ былъ не обязанностью думы, а ея отказомъ отъ своего права» 483. Этотъ судный порядокъ авторъ примѣняетъ и къ вопросамъ законодательства.

Указъ 1694 года дѣйствительно предоставляетъ рѣшать окончательно судныя и розыскныя дѣла, но расправной палатѣ, а не думѣ-совѣту, и притомъ при соблюденіи условія, которое ускальзнуло отъ вниманія почтеннаго автора. Расправная палата должна была «свой, великихъ государей, указъ чинить по своему, великихъ государей, указу, по Уложенію, и по ново-указнымъ статьямъ»,

П. С. З. № 1491. Это одинъ изъ многихъ указовъ, опредѣлявшихъ дѣятельность вновь учрежденной расправной палаты. Права ея, какъ мы знаемъ, были очень ограничены: она рѣшала расправныя дѣла согласно указамъ и только. Если указа не было, она не могла рѣшить дѣла своею властью, а должна была доложить государю. Итакъ, мнѣніе о правѣ думы законодательствовать проистекло изъ смѣшенія расправной палаты съ думой-совѣтомъ и изъ нѣкотораго невниманія, совершенно, впрочемъ, извинительнаго у не-юриста, къ подлиннымъ словамъ указа 1694 года *).— Что подъ докладомъ царю въ Москвѣ разумѣли дѣйствительно докладъ царю, а не «боярамъ на государево только имя», какъ желаетъ понимать проф. Ключевскій, это, мы думаемъ, достаточно ясно изъ памятниковъ, приведенныхъ нами въ I-ой главѣ настоящей книги, и не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Политическое значеніе думы, полагаетъ авторъ, формально утверждено Судебникомъ XVI вѣка, въ которомъ боярскій приговоръ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства. Въ 98 статьѣ Судебника дѣйствительно надо видѣть попытку ограничить законодательную власть царя. Но эта попытка, какъ мы указали, принадлежитъ избранной радѣ и не могла ее пережить. Мы не знаемъ, насколько Грозный соблюдалъ это правило до отмѣны рады, но знаемъ, что онъ очень тяготился имъ, упрекалъ членовъ рады въ томъ, что они низвели его до положенія предсѣдателя совѣта; послѣ низверженія Сильвестра и Адашева о соблюденіи 98 ст. Судебника, конечно, не могло быть и рѣчи. Въ I-ой главѣ мы указали, что и послѣдующіе государи издавали указы безъ всякаго совѣщанія съ боярами.

*) Насколько не-спеціалистамъ по вопросамъ исторіи права трудно дается пониманіе юридическихъ памятниковъ, видно изъ предлагаемаго авторомъ толкованія термина «боярскій судъ». «Кажется,—говоритъ онъ,—точнѣе будетъ такое опредѣленіе «боярскаго суда», что это былъ судъ по боярскимъ дѣламъ» 124. Но кто же рѣшится упрекать почтеннаго профессора русской исторіи за такое точное опредѣленіе!

О 98 ст. Судебника нельзя говорить, какъ о дѣйствующемъ нашемъ правѣ даже при Грозномъ, а тѣмъ менѣе при его преемникахъ.

Новыя мысли автора объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей и московскихъ царей къ думѣ едвали можно считать окончательно доказанными.

Въ обширномъ изслѣдованіи проф. Ключевскаго встрѣчаемъ три совершенно оригинальныя и исключительно ему принадлежащія мысли,—онѣ касаются состава думы и отношенія бояръ къ царю. Старцы градскіе въ X вѣкѣ, какъ ихъ понимаетъ авторъ, чисто боярскій и одно-сословный составъ думы у князей кіевской Руси, вольнонаемные прикащики сѣверныхъ князей и т. д., таинственное и неразрывное единство царя и думы и, наконецъ, право думы рѣшать законодательные вопросы безъ доклада царю,—все это мысли, въ которыхъ проф. Ключевскій не имѣетъ предшественниковъ. Это самобытный вкладъ его въ нашу историческую науку. Мы говоримъ только о самыхъ крупныхъ его положеніяхъ и отказываемся отъ перечисленія болѣе мелкихъ, но не менѣе смѣлыхъ и оригинальныхъ мыслей по второстепеннымъ вопросамъ изслѣдованія; ихъ слишкомъ много. Другія существенныя положенія автора составляютъ лишь повтореніе прежде сказаннаго. Такова мысль о думѣ, какъ о постоянномъ учрежденіи, о правѣ думныхъ чиновъ входить въ составъ думы и, наконецъ, мысль о правѣ участія думы въ московскомъ законодательствѣ. Эта послѣдняя мысль съ совершенной ясностью и опредѣленностью впервые была высказана проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ 1871 году *). Также имѣетъ предшественника и мнѣніе проф. Ключевскаго о думныхъ коммиссіяхъ. Проф. Загоскинъ, впервые высказавшій это мнѣніе, замѣтилъ, однако, что думныя коммиссіи назначаются не думою, а царемъ; это важное обстоятельство, кажется, ускользнуло отъ вниманія его послѣдо-

*) Первое изданіе его Христоматіи, вып. II, стр. 67, пр. 2, стр. 178, пр. 248, вып. III, стр. 107, пр. 32.

вателя. На стр. 473 онъ говоритъ: «Дума любила поручать второстепенныя дѣла временнымъ коммиссіямъ, составляя ихъ изъ своихъ же членовъ» *). Къ этимъ коммиссіямъ, «которымъ дума любила поручать дѣла», почтенный авторъ относитъ и коммиссію для составленія Уложенія!

Мы не считаемъ безполезнымъ для дѣла нашъ нѣсколько длинный обзоръ существенныхъ положеній изслѣдованія московскаго профессора. Мы такъ далеко расходимся во взглядахъ съ почтеннымъ авторомъ, что оставить наши разногласія безъ объясненія, значило бы только осложнить вопросъ. Выясненіе взглядовъ «боярской думы древней Руси» казалось намъ тѣмъ необходимѣе, что проф. Ключевскій образовалъ уже школу. Намъ случалось видѣть книги, въ которыхъ самыя рискованныя его положенія выдаются за безспорныя истины.

Не обходятъ молчаніемъ «боярской думы» и общія руководства по исторіи русскаго права. Проф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ «Обзорѣ» дѣлаетъ очеркъ думы до московской и московской. Несмотря на небольшіе размѣры, которые можно удѣлить въ общемъ курсѣ этимъ очеркамъ, почтенный авторъ даетъ въ нихъ читателю прекрасно сдѣланный выборъ фактовъ **), которые онъ приводитъ въ до-

*) Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ почтенному автору на слѣдующей же стр. признать, что въ составъ этихъ коммиссій призывали и не членовъ думы.

**) На стр. 26 авторъ приводитъ обращеніе къ Ростовскому князю Мстиславу «ростовцевъ и бояръ», которые рѣшительно высказались противъ мира съ Владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ: «Аще и ты миръ даси ему, говорили они, а мы ему не дамы». Онъ видитъ здѣсь случай совѣщанія съ боярской думой. Это едва-ли. «Ростовцы и бояре» это не одна боярская дума, это нѣчто большее; это тѣ же «ростовцы и бояре», которые призвали къ себѣ князя Мстислава. Здѣсь можно видѣть цѣлое вѣче. Оно призвало князя Мстислава, оно же требуетъ и войны со Всеволодомъ. Поименно названные, Добрыня Долгій и Матв. Бутовъ, были, конечно, заправилами вѣча.

казательство одной общей идеи, послѣдовательно проводимой имъ съ начала и до конца. Авторъ держится мысли, что дума была постояннымъ учрежденіемъ, что былъ извѣстный классъ лицъ, который имѣлъ право принимать участіе въ ея засѣданіяхъ, что князь былъ обязанъ совѣщаться съ этими лицами, что имъ принадлежало участіе даже въ законодательной его дѣятельности. Мы уже видѣли, съ какими трудностями приходится бороться такому взгляду. Намъ кажется, что и профессору Владимірскому-Буданову не удалось побѣдить всѣхъ затрудненій. Онъ утверждаетъ, что «число имѣющихъ право участвовать въ думѣ равняется числу бояръ извѣстной земли» 25; а на стр. 136 онъ поясняетъ, что подъ боярами надо разумѣть «свободныхъ землевладѣльцевъ». Далѣе, на той же 25 стр., онъ говоритъ, что «число обыкновеннаго состава думы равняется числу бояръ, находящихся въ мѣстѣ совѣщанія и нарочно вызванныхъ изъ пригородовъ. Число это, вообще, не можетъ быть значительно». И затѣмъ приводитъ примѣры совѣщанія сыновей Ярослава съ 5 совѣтниками и Владиміра Мономаха съ 6. Право имѣютъ всѣ землевладѣльцы, число которыхъ должно быть весьма значительно; а дѣйствительно участвуютъ очень не многіе. Что это за право, которое такъ легко было обойти? Русская правда говоритъ о двухъ совѣщаніяхъ Ярославичей, на одномъ участвовало 5 мужей, на другомъ—3, князей же и въ томъ и въ другомъ случаѣ было трое (Ак. сп. 18, Тр. 2). На каждаго князя приходится въ первомъ случаѣ $1^2/_3$, а во-второмъ по одному совѣтнику. Всѣ землевладѣльцы въ трехъ княжествахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Переяславскомъ, бывшіе на лицо и нарочно призванные изъ пригородовъ, представлены тремя мужами! Полагаемъ, что никакого права у землевладѣльцевъ участвовать въ княжеской думѣ не было; князья пригласили въ свою думу, кого нашли нужнымъ, и только.

Такія же безвыходныя трудности представляетъ и мнѣніе автора о законодательной дѣятельности думы. «Нормальный процессъ творчества закона, говоритъ онъ, указанъ въ Су-

дебникѣ». Мы уже знаемъ эту статью. Она возникла благодаря попыткѣ «избранной рады» ограничить власть царя и имѣла очень временное значеніе. Авторъ считаетъ порядокъ Судебника постояннымъ. Въ чемъ же онъ состоялъ? На стр. 139 говорится «о нераздѣльной» и «совмѣстной» законодательной дѣятельности царя и думы, но не объясняется какъ эта нераздѣльность и совмѣстность достигалась въ случаѣ разномыслія царя и думы. Во время господства «избранной рады», надо думать, были случаи подчиненія царя мнѣнію большинства думы; этимъ и объясняются жалобы Грознаго на похищеніе радой его власти. А какъ это было потомъ? Нельзя придумать никакой формы совмѣстности, при которой не пришлось бы, въ случаѣ разногласія, кому-нибудь уступить. На слѣдующей страницѣ авторъ даетъ такое объясненіе самостоятельной законодательной дѣятельности бояръ: «Боярскіе приговоры безъ царскихъ указовъ объясняются или полномочіемъ, даннымъ на этотъ случай боярамъ, или отсутствіемъ царя, или междуцарствіемъ». Междуцарствіе къ дѣлу не относится: когда нѣтъ царя, то нѣтъ и его думы, а есть что-нибудь совершенно другое. Что разумѣетъ авторъ подъ отсутствіемъ царя, это намъ не совсѣмъ понятно. Уѣзжая изъ Москвы, цари брали съ собой и думныхъ людей; въ Москвѣ, въ случаѣ своего отъѣзда, они, обыкновенно, оставляли «бояръ», но эти бояре должны были съ ними сноситься по всѣмъ важнымъ дѣламъ, а право законодательствовать имъ, сколько мы знаемъ, не предоставлялось. Остается первый случай: бояре даютъ указы по особому приказу царя. Это совершенно вѣрно. Но это свидѣтельствуетъ не о совмѣстной, а о раздѣльной дѣятельности: законодательная дѣятельность принадлежитъ царю, но онъ можетъ уполномочить бояръ дать приговоръ. Если думу нужно уполномочить давать приговоры, то, конечно, потому, что ей такое право не принадлежитъ. Итакъ, въ результатѣ получится не нераздѣльная и совмѣстная законодательная дѣятельность царя и думы, а

законодательная дѣятельность царя и, по указу царя, такая же дѣятельность думы.

«Полнота законодательной думы во время междуцарствія, говоритъ авторъ, всего больше указываетъ на думу, какъ на нормальный и постоянный элементъ законодательной власти, ибо во время междуцарствія дума не получала особыхъ полномочій регентства, а проявляла лишь въ отдѣльности и полнотѣ тѣ права, которыя принадлежали ей и при царяхъ» 140. Едвали. Отъ «боярской думы» въ междуцарствіе нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ «царской думѣ». Это два совершенно разныхъ учрежденія: одно — совѣтъ государя, другое—«бояре», дѣйствующіе безъ государя и потому самостоятельно. Бояре междуцарствія могли находиться въ нѣкоторой зависимости только отъ земскаго собора.

Въ заключеніе этой главы приведемъ мнѣнія западныхъ ученыхъ о соотвѣтствующихъ нашей думѣ учрежденіяхъ западно-европейскихъ государствъ.

Цёпфль въ своей исторіи нѣмецкаго права говоритъ: «Еще при Меровингахъ состоялъ при королевскомъ дворѣ тайный совѣтъ, въ который король призывалъ какъ высшихъ придворныхъ чиновъ (domestici), такъ и другихъ особъ, собственно совѣтниковъ (consiliarii) и графовъ, по своему усмотрѣнію» 424.

У Вайца, въ его обширной исторіи нѣмецкаго государственнаго устройства, о совѣтѣ Меровинговъ читаемъ слѣдующее: «Широкій кругъ выдающихся людей собирался около короля, а нѣкоторые изъ нихъ и жили съ нимъ во дворцѣ. (Тутъ были придворные чиновники и лица, привлеченныя ко двору только въ силу ихъ личныхъ отношеній къ королю; нѣкоторыя изъ нихъ занимали государственныя должности, другія служили церкви, третьи лично государю. Всѣ они одинаково назывались сановниками двора, придворными людьми, или слугами двора, дружиной

короля). Это среда, въ которой король живетъ и съ которой онъ ежедневно сообщается. Съ ними обсуждаются государственныя дѣла, съ ихъ помощью и чрезъ ихъ посредство объявляются и исполняются королевскіе рѣшенія и приказы. Всѣхъ ихъ въ совокупности мы могли бы назвать совѣтомъ короля, и въ памятникахъ встрѣчается, иногда, выраженіе, которое, по примѣру римскаго двора, обозначаетъ замкнутую коллегію довѣренныхъ совѣтниковъ (consistorium principis). Но въ Германіи отношенія были болѣе свободны, и нельзя не усмотрѣть въ этомъ учрежденіи особенностей нѣмецкаго характера. Здѣсь сидятъ слуги короля и его дружина и вслѣдствіе этого они обнаруживаютъ свое вліяніе и на политику. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно обозначаются совѣтниками короля, но иногда именно такіе, которые принадлежали къ дружинникамъ и однокашникамъ короля; опредѣленнаго же класса людей, изъ котораго назначались бы совѣтники, вовсе не было».

«Но уже съ самаго начала должна была обнаружиться въ этомъ своеобразномъ придворномъ мірѣ потребность возвышенія одного лица, которое заправляло бы всѣми отношеніями, ближе другихъ стояло къ королю и было его главнымъ совѣтникомъ. Маіордомы не сразу достигли преобладанія. Сначала выдающаяся роль при дворѣ не была связана ни съ одною изъ должностей, король выбиралъ изъ окружающихъ наиболѣе подходящаго человѣка и предоставлялъ ему положеніе, для котораго первоначально не было ни опредѣленнаго названія, ни опредѣленной сферы дѣятельности» *).

И въ слѣдующемъ томѣ, описавъ составъ двора Карла Великаго и его преемниковъ, Вайцъ продолжаетъ: «По крайней мѣрѣ высшіе изъ этихъ придворныхъ чиновъ были призываемы къ совѣщаніямъ о важнѣйшихъ дѣлахъ импе-

*) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, 2 отд. II т., 3-ье изд., стр. 103; мѣсто въ скобкахъ принадлежитъ 1-му изд., II т. стр. 386.

ріи. Но кромѣ ихъ призывались и другіе выдающіеся люди государства и церкви. Но если раньше короли призывали въ свой совѣтъ совершенно свободно и безъ всякихъ постоянныхъ правилъ такихъ лицъ, которымъ они дарили свое особое довѣріе, то позднѣе по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ совѣтниковъ были въ это званіе особо избираемы и назначаемы. Кто получалъ такое назначеніе, назывался «совѣтникомъ» (consiliarius, а также consul, senator); этотъ титулъ стали присоединять и къ наименованію другихъ должностей. Одни изъ этихъ совѣтниковъ жили при дворѣ и назывались придворными совѣтниками (consiliarii aulici), другіе—призывались только въ такихъ случаяхъ, когда подлежали обсужденію особенно важныя дѣла».

«Приписываемый Карлу указъ говоритъ, что совѣтъ, данный въ интересахъ общаго блага, долженъ быть выслушанъ и принятъ во вниманіе; совѣтники же, блюдущіе только свои интересы, должны быть лишаемы этого званія. Въ званіе совѣтниковъ, говоритъ Гинкмаръ, избираются, по возможности, такіе люди, которые прежде всего боятся Бога и, кромѣ того, отличаются такою вѣрностью, что послѣ вѣчной жизни ничего не знаютъ выше короля и имперіи» *).

Въ сочиненіи Гомершама Кокса о системѣ англійскаго устройства и управленія находимъ слѣдующую картину англійскаго государственнаго совѣта.

«При норманскихъ короляхъ различали: consilium, magnum consilium и commune consilium. Изъ этихъ собраній первое составляло обыкновенный совѣтъ короля, который онъ самъ избиралъ и въ которомъ присутствовали: верховный судья, канцлеръ, судьи и другіе чиновники. Это былъ не только государственный совѣтъ, но и высшій судъ

*) Тамъ-же, томъ III, по 2-му изд., стр. 530 и сл.

(curia regis); онъ собирался нѣсколько разъ ежегодно. Magnum consilium былъ болѣе полный совѣтъ, который созывался въ чрезвычайныхъ случаяхъ; онъ состоялъ изъ выдающихся по положенію и состоянію лицъ королевства. Commune consilium — высшее законодательное учрежденіе»... 198.

«Устройство и дѣятельность этихъ совѣтовъ на основаніи древнихъ актовъ трудно распознать съ совершенною точностью» 199.

«Въ XIII вѣкѣ, еще до образованія палаты общинъ, графы и бароны во многихъ случаяхъ контролировали дѣятельность министровъ и совѣтниковъ короны. Такъ въ 1223 году, въ царствованіе Генриха III, они отказались явиться въ парламентъ и угрожали избрать другого короля, если Генрихъ III не перемѣнитъ своего канцлера и другихъ членовъ совѣта. Король уступилъ желанію прелатовъ и бароновъ и уволилъ своихъ совѣтниковъ... Въ 1258 году парламентъ, засѣдавшій въ Оксфордѣ, принялъ по отношенію къ государственному совѣту такую мѣру, которая лишала короля почти всей его власти. Король и бароны избирали коммиссію изъ 12 лицъ, на которую и перенесено было право назначать членовъ государственнаго совѣта. Эта коммиссія потомъ постановила, что верховный судья, канцлеръ, казначей и другіе чиновники назначаются изъ среды ея членовъ» 200.

«Въ XIV вѣкѣ было много случаевъ контроля парламента надъ дѣятельностью совѣтниковъ короны. Древнѣйшій случай касается Петра Гавестона. Эдуардъ I, по желанію парламента, который опасался интимныхъ отношеній Гавестона къ будущему королю, Эдуарду II, изгналъ этого царедворца изъ предѣловъ королевства. Эдуардъ II, по вступленіи на престолъ, возвратилъ его обратно. Но въ 5-мъ году царствованія этого короля, особая коммиссія, состоявшая изъ прелатовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей и другихъ почтенныхъ особъ, произвела слѣдствіе о дѣятельности Петра Гавестона и нашла, что онъ давалъ королю

дурные совѣты и оказался виновенъ въ другихъ проступкахъ. Гавестонъ былъ приговоренъ къ пожизненному изгнанію» 201.

«Существенное измѣненіе въ составѣ совѣта произошло при Эдуардѣ III. Съ этого царствованія въ составъ совѣта назначались только свѣтскіе люди. Въ 1371 году общины въ петиціи королю указывали на то, что еще предшествовавшій парламентъ обращалъ вниманіе государя на большой вредъ, проистекавшій изъ того, что правительство королевства долгое время находилось въ рукахъ духовенства; общины просили, чтобы въ должности канцлера, казначея и другія назначались только способные свѣтскіе люди. Король отвѣчалъ: «по выслушаніи заключенія своего совѣта, онъ обсудитъ это дѣло». Вскорѣ затѣмъ король назначилъ на должность канцлера и казначея свѣтскихъ лицъ» 203.

«Съ половины XV вѣка прекращается на долгое время вмѣшательство парламента въ дѣятельность королевскаго совѣта. Въ теченіе всего времени Тюдоровъ не встрѣчаемъ никакихъ обвиненій совѣтниковъ короля со стороны общинъ; это дѣйствительнѣйшее средство для удержанія министровъ въ должныхъ границахъ болѣе не примѣняется, совѣтъ короля въ силу незаконныхъ притязаній и крайняго расширенія вѣдомства Звѣздной палаты (коммиссія совѣта) достигъ значительнаго распространенія своей судебной и законодательной власти» 209.

«...По смерти Елизаветы, ея преемникъ, Яковъ I, удержалъ ея важнѣйшихъ совѣтниковъ въ ихъ должности, и въ первое время его царствованія за государственнымъ совѣтомъ признавалась его важная функція, давать совѣтъ коронѣ въ государственныхъ дѣлахъ. Но потомъ обязанность давать коронѣ совѣты сдѣлалась монополіей любимцевъ, назначаемыхъ въ должности министровъ; остальные члены государственнаго совѣта къ совѣту не приглашались. Однимъ изъ основаній къ обвиненію общинами въ 1626 году герцога Букингамскаго послужило то, что онъ, при Яковѣ I

и Карлѣ I, соединялъ въ своемъ лицѣ множество государственныхъ должностей. Такъ какъ король имѣетъ достаточно мудрыхъ и достойныхъ слугъ, то общины выразили желаніе, чтобы онъ съ ними совѣщался, а не давалъ руководить собою какому-нибудь одному юному совѣтнику» 212.

«Обвиненіе герцога Бугингамскаго замѣчательно тѣмъ, что послѣ долгаго перерыва оно является первымъ случаемъ новаго преслѣдованія министра за данный коронѣ совѣтъ» 213.

«Совѣтъ кабинета, т.-е. тѣснаго собранія только такихъ членовъ государственнаго совѣта, которые были главными совѣтниками короны, впервые упоминается подъ этимъ именемъ въ царствованіе Карла I, хотя несомнѣнно, что во все время существованія государственнаго совѣта государи всегда избирали его отдѣльныхъ членовъ въ свои главные совѣтники. Кларендонъ, обсуждая событія времени процесса противъ графа Страфорда (1640—41), говоритъ, что тогда было въ обычаѣ назначать въ государственный совѣтъ много лицъ не высокихъ качествъ для того только, чтобы оказать имъ честь. Вслѣдствіе этого число совѣтниковъ такъ возросло, что, по ихъ многочисленности и также по неспособности многихъ изъ нихъ, приходилось составлять особыя коммиссіи изъ способныхъ людей для дѣйствительнаго участія въ разныхъ дѣлахъ» 214.

«Во всеподданнѣйшей петиціи и представленіи обѣихъ палатъ парламента съ 19-ю предложеніями, поданными Карлу I въ 1642 году, первое предложеніе заключалось въ томъ, чтобы лица, непріятныя обѣимъ палатамъ, не назначались въ государственный совѣтъ. Во второмъ предложеніи было выражено желаніе, чтобы никакой публичный актъ по дѣламъ королевства, относящимся къ компетенціи государственнаго совѣта, не считался обязательнымъ и исходящимъ отъ короля, если онъ не былъ постановленъ по опредѣленію большинства членовъ совѣта и если это не засвидѣтельствовано ихъ подписью. Въ составѣ государственнаго совѣта должно быть не менѣе 15 членовъ и не болѣе 25. На эти предложенія король отвѣчалъ: онъ нена-

ходитъ причины увольнять своихъ совѣтниковъ потому только, что они иначе думаютъ, чѣмъ члены парламента; второе предложеніе лишаетъ его королевской власти и переноситъ ее на новыхъ членовъ совѣта, оставляя за нимъ только равное съ ними право голоса. — Нельзя отрицать, что, еслибы эти предложенія были приведены въ исполненіе, основы государственнаго устройства измѣнились бы и исполнительная власть перешла бы къ законодательному собранію» 215.

«...Вообще принималось, что ни одинъ членъ государственнаго совѣта не участвовалъ въ его засѣданіяхъ, если онъ къ тому не былъ приглашонъ» 217.

«Галламъ замѣчаетъ: Въ правленіе Вильгельма различіе между кабинетомъ и государственнымъ совѣтомъ и устраненіе послѣдняго отъ государственныхъ дѣлъ сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи... Это имѣло прискорбныя послѣдствія съ точки зрѣнія отвѣтственности совѣтниковъ короны. Въ то самое время, когда контролирующая и карающая власть парламента была признана въ весьма широкихъ размѣрахъ, она могла быть молчаливо устраняема таинственностью, за которой скрывались дѣйствія, подлежавшія контролю парламента. Такъ въ случаѣ заключенія международнаго договора, который парламентъ нашелъ бы гибельнымъ и унизительнымъ, канцлеръ подвергся бы отвѣтственности, потому что онъ долженъ былъ приложить къ акту большую печать; но очень сомнительна возможность подвергнуть обвиненію съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ перваго лорда казначейства и другихъ особъ, которые, однако, къ дѣламъ иностранныхъ сношеній стояли гораздо ближе канцлера» 218.

«При Вильгельмѣ III кабинетъ, эта вѣтвь государственнаго совѣта, былъ такъ же организованъ, какъ и при ближайшихъ его предшественникахъ, т.-е. онъ составлялся изъ членовъ совѣта, отъ которыхъ вовсе не требовалось единства политическихъ убѣжденій» 219.

«Георгъ III совѣщался съ любимцами, которые даже не

были его министрами, но составляли нѣчто въ родѣ тайнаго его кабинета»... Перемѣна министровъ происходила не въ силу неблагопріятнаго для нихъ голосованія въ парламентѣ, а въ силу желанія короля отдѣлаться отъ непріятныхъ ему людей. Эта система при Георгѣ IV продолжалась въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ. Первый случай перемѣны министровъ по причинѣ неблагопріятнаго для нихъ парламентскаго голосованія относится къ 1782 году. Этотъ случай представляетъ переломъ въ исторіи кабинета. Со времени революціи, это первый случай полной смѣны министерства, благодаря измѣненію, происшедшему въ положеніи парламентскихъ партій» *).

Мнѣнія Кокса не представляютъ ничего исключительнаго; та же точка зрѣнія проводится и у Глассона.

О времени, непосредственно послѣдовавшемъ за норманскимъ завоеваніемъ, онъ говоритъ: «Хроники и авторы того времени сообщаютъ намъ, что короли созывали на совѣтъ большихъ господъ и епископовъ... Съ точки зрѣнія законодательной члены этихъ собраній не имѣли никакой власти въ собственномъ смыслѣ слова: они давали только свое мнѣніе, если король его спрашивалъ, и ничто не обязывало короля слѣдовать этому мнѣнію» **).

О государственномъ совѣтѣ времени сліянія саксовъ съ норманами у Глассона читаемъ: «Только небольшое число господъ постоянно и періодически засѣдало въ большомъ совѣтѣ. Но иначе и не могло быть. Никакой законъ не опредѣлялъ состава большого совѣта, слѣдуя же началамъ норманскаго права, представлялось совершенно натуральнымъ, что король могъ призывать на совѣтъ, кого хотѣлъ. Государи призывали обыкновенно особыми повѣстками (writs) такихъ лицъ, которыя представляли имъ наиболѣе

*) Стр. 223. Приведенныя мѣста взяты со страницъ нѣмецкой передѣлки Кокса—Kühne, Die Staatseinrichtungen Englands, 1867.

**) Glasson, Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre comparés au droit et aus institutions de la France depuis leur origine jusqu'a nos jours. 1882. II, 157, 158.

гарантіи или по причинѣ обширности своихъ владѣній, или по причинѣ своей преданности, или, наконецъ, по причинѣ особыхъ талантовъ, обнаруженныхъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и на полѣ битвы» III, 94.

Въ IV томѣ, обнимающемъ время съ Эдуарда III до Генриха VIII, Глассонъ говоритъ: «Для рѣшенія всякихъ дѣлъ король имѣетъ при себѣ совѣтъ, съ которымъ онъ можетъ всегда совѣщаться, не будучи никогда связанъ его мнѣніемъ... Тайный совѣтъ есть часть большого совѣта; онъ образовался, главнымъ образомъ, въ малолѣтство Ричарда II; это былъ болѣе интимный совѣтъ, который разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ» 74.

«Парламентъ съ очень уже древняго времени стремится оказывать вліяніе на назначеніе тайныхъ совѣтниковъ, но не успѣваетъ оспорить абсолютное право короля назначать ихъ. Государи заботились, однако, о томъ, чтобы назначаемые ими совѣтники нравились парламенту» 75.

«Тайный совѣтъ засѣдалъ обыкновенно въ присутствіи короля. Разсужденія касались дѣлъ короля, доменовъ, суда. Такъ какъ компетенція тайнаго совѣта никогда не была точно опредѣлена, то онъ позволялъ себѣ дѣйствія, которыя разсматривались, какъ нарушеніе власти парламента. Совѣтъ обѣщалъ не нарушать порядка суда, опредѣленнаго common law, но не исполнялъ своихъ обѣщаній. При отсутствіи точныхъ правилъ совѣтъ вѣдаетъ самыя разнообразныя дѣла, уголовныя и гражданскія, большія и маленькія».

«Послѣ революціи вся власть тайнаго совѣта переходитъ къ кабинету» V, 415.

Въ заключеніе приведемъ мнѣніе Шеффнера о совѣтѣ французскихъ королей *). «Король, говоритъ онъ, соеди-

*) Schaeffner, Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs von Hugo Capet bis auf die Revolution. 1859. II, стр. 324 и слѣд.

нялъ въ своей особѣ высшую власть, поэтому, состоявшій при немъ совѣтъ представлялъ высшее правительственное учрежденіе. По примѣру всѣхъ феодальныхъ господъ, уже первые Капетинги окружили себя совѣтомъ. Съ цѣлью обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, они собирали вокругъ себя принцевъ крови, высшихъ сановниковъ церкви, выдающихся вассаловъ, первыхъ придворныхъ чиновъ и другихъ лицъ, пользовавшихся ихъ довѣріемъ (consilium regium). Вѣдомство этого совѣта въ началѣ было всеобъемлющимъ; тѣ же лица, которыя составляли этотъ тайный совѣтъ, могли при случаѣ дѣйствовать въ качествѣ высшей судебной инстанціи. Только съ теченіемъ времени обособились отдѣльныя власти. Съ одной стороны образовался парламентъ, какъ высшій судъ; въ противоположность къ нему, съ начала XIV вѣка, государственный совѣтъ спеціализовался въ качествѣ административнаго учрежденія. Но и въ XIV вѣкѣ это дѣленіе не было проведено окончательно. Каждое учрежденіе стремилось къ преобладанію. Совѣтъ домогался господства надъ парламентомъ, парламентъ—надъ совѣтомъ. Въ царствованіе великаго организатора, Филиппа IV, появляется рядъ указовъ, которые точнѣе опредѣляютъ дѣятельность совѣта. Весьма скоро въ немъ начинаетъ преобладать бюрократическій характеръ; большіе господа и сановники церкви исчезаютъ; въ немъ остаются почти исключительно смѣняемые совѣтники: высшіе чиновники, ученые юристы и администраторы. Однако, нѣкоторое время господствовала еще такая неопредѣленность, что въ составъ совѣта призывалась не только значительная часть членовъ парламента, но и цѣлый парламентъ въ полномъ своемъ составѣ. Вѣдая дѣла высшаго управленія, совѣтъ, однако, вмѣшивался и въ отправленіе правосудія. Недовольные рѣшеніемъ своихъ тяжбъ въ парламентѣ добивались пересмотра ихъ въ совѣтѣ; эти домогательства весьма облегчались разрѣшительными королевскими письмами (literae ad proponendum errores)... Съ теченіемъ времени безпорядочность приняла вопіющіе раз-

мѣры. Сословія Тура (1484) горько жаловались на то, какъ вовсе непризванныя лица проникали въ засѣданія совѣта, чтобы вліять на его рѣшенія. Къ юрисдикціи совѣта такъ привыкли, что сословія не столько были недовольны этимъ расширеніемъ его компетенціи, сколько неопредѣленнымъ составомъ, и выражали желаніе, чтобы судебная функція была предоставлена особой секціи совѣта. Это и было сдѣлано: указы Карла VIII и Людовика XII организовали такъ-называемый большой совѣтъ, который дѣйствовалъ въ качествѣ верховнаго суда. Высшее же управленіе государствомъ продолжало сосредоточиваться въ совѣтѣ короля или государственномъ совѣтѣ, который распался на нѣсколько отдѣленій. Во второй половинѣ XVI в. государственный совѣтъ получилъ такую организацію, которая удержалась, въ существенныхъ чертахъ, до революціи. Совѣтъ состоялъ изъ 5 отдѣленій. Одно отдѣленіе вѣдало иностранныя дѣла (conseil des affaires étrangères, conseil d'en haut, или просто conseil d'état). Оно состояло изъ небольшого числа членовъ; король обыкновенно руководилъ преніями. Для внутреннихъ дѣлъ существовалъ conseil des dépêches, названный такъ по формѣ своихъ распоряженій. Здѣсь также король лично присутствовалъ. Членами были: канцлеръ, государственные секретари и генералъ-контролеръ финансовъ. Министры имѣли сюда также доступъ, а также и тѣ совѣтники короля, которыхъ онъ особенно сюда назначалъ. Для финансовъ существовалъ conseil royal des finances. Членами были канцлеръ, министры и тѣ изъ государственныхъ совѣтниковъ, которыхъ король назначалъ въ это отдѣленіе» и т. д.

Мы познакомились съ историческими судьбами государственнаго совѣта въ нашемъ отечествѣ, въ Германской имперіи, въ Англіи и во Франціи. Несмотря на все различіе быта этихъ государствъ, государственный совѣтъ вездѣ имѣетъ тѣ же характерныя черты. Это не совѣтъ самъ по

себѣ, совѣтъ господъ или дума бояръ, какъ любятъ у насъ говорить, а совѣтъ государя, у насъ—князя, на западѣ—короля. Онъ составляется по волѣ государя. Нигдѣ нѣтъ разряда лицъ, которыя имѣли бы право, въ силу принадлежности къ извѣстному классу, сидѣть въ совѣтѣ государя. Въ этомъ совѣтѣ сидятъ только тѣ лица, которыхъ государь къ тому призываетъ. Въ силу этого составъ совѣта постоянно колеблется. Вездѣ различается большой совѣтъ и малый (тайный, близкій); послѣдній, какъ состоящій изъ интимныхъ людей, вездѣ вытѣсняетъ первый. Малый совѣтъ легко переходитъ въ совѣтъ одного только любимца. Вотъ почему и о королевскихъ совѣтахъ Западной Европы, можно сказать, что это не столько совѣты въ качествѣ учрежденій съ постояннымъ составомъ, сколько отдѣльные совѣтники. Любимцы совѣтники могутъ, конечно, оказывать большое вліяніе на дѣла, но это не въ силу принадлежащаго имъ права, а въ силу нравственнаго вліянія на государя; съ точки же зрѣнія права они только совѣты даютъ, когда ихъ о томъ спрашиваютъ, и ни малѣйшимъ образомъ не связываютъ государя своими мнѣніями. Поэтому, не можетъ быть никакой рѣчи о ихъ самостоятельномъ участіи не только въ законодательствѣ, но и въ судѣ и управленіи. Если они судятъ, управляютъ, участвуютъ въ законодательствѣ, то только по порученію государя.

Приведенные нами историки, имѣя дѣло исключительно съ обычаями одной какой-либо страны, думаютъ, что изображенныя ими явленія составляютъ національную особенность изучаемаго ими народа. Такъ думаетъ Вайцъ (468) и даже Глассонъ (474). Сдѣланное нами сравненіе показываетъ, что указанныя ими черты свойственны не только германскому или норманскому праву, а и русскому въ силу того общаго закона, по которому однѣ и тѣ же причины вездѣ приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

Чрезвычайно любопытныя точки соприкосновенія наблюдаются между нашими и—кто бы подумалъ? — англійскими порядками. У насъ было много лицъ, удостоенныхъ званія

думнаго чина, но не всѣ они были совѣтниками своихъ государей. То же и въ Англіи. Многія изъ этихъ лицъ удостоивались у насъ высшаго званія думнаго человѣка вовсе не по достоинству своему и не за заслуги, а единственно для почета. То же и въ Англіи. Каррикатурное описаніе засѣданія государевой думы, оставленное намъ Котошихинымъ, не составляетъ нашей національной особенности. И въ Англіи были такіе члены королевскаго совѣта, которые, говоря словами Котошихина, брады свои уставя, ничего не могли отвѣтить на вопросы короля, потому что жаловались въ это званіе не поразуму ихъ, а по великой породѣ. Для глупости человѣческой, составляющей такую значительную примѣсь ко всѣмъ нашимъ дѣламъ, какъ частнымъ, такъ и общественнымъ, не мало было мѣста и на Западѣ.

Въ Англіи права парламента были уже въ XIII вѣкѣ признаны и онъ тогда уже вступилъ въ борьбу съ королевскою властью. Желая вліять на ходъ управленія, парламентъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью королевскихъ совѣтниковъ и въ случаѣ дурныхъ совѣтовъ или нарушенія ими законовъ возбуждалъ противъ нихъ обвиненія. Въ половинѣ XVII вѣка парламентъ представилъ Карлу I предложенія съ цѣлью низвести его въ положеніе предсѣдателя своего совѣта, который долженъ былъ рѣшать дѣла по большинству голосовъ. Права нашихъ земскихъ соборовъ никогда не были формально признаны, тѣмъ не менѣе они оказывали постоянную поддержку московскимъ государямъ и ни въ какую борьбу съ ними не вступали. Но и у насъ нашлись элементы, вступившіе въ борьбу съ московскими царями. Это были ближайшіе ихъ совѣтники, избранная царская рада. Борцы были разные; но цѣль борьбы въ Англіи и у насъ—одна и та же, ограниченіе произвола государя; средство противъ произвола тоже общее намъ и Англіи: подчиненіе государя большинству своего совѣта. Но въ Англіи послѣднее слово должно было принадлежать парламенту, у насъ—этому самому совѣту, временно захва-

тившему царя въ свои руки. Иванъ Грозный и Карлъ I совершенно одинаково поняли начатую противъ нихъ борьбу и въ одинъ голосъ отвѣтили, что они не хотятъ снизойти до роли предсѣдателя своего совѣта и что въ сдѣланныхъ имъ предложеніяхъ, они усматриваютъ попытку лишить ихъ правъ принадлежащей имъ царской и королевской власти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Духовенство

Русскіе славяне за долго до принятія христіанства поклонялись перуну, волосу, хорсу и другимъ языческимъ богамъ. Надо думать, что были и служители этихъ боговъ; но наши свѣдѣнія о нихъ крайне скудны, и мы не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ отношеніяхъ свѣтской власти къ представителямъ вѣры въ до христіанское время. Рѣчь можетъ идти только объ отношеніяхъ свѣтской власти къ представителямъ православной церкви.

Наши предки приняли христіанскую вѣру отъ грековъ. Фактъ происхожденія русской церкви отъ греческой, естественно, установилъ зависимость первой отъ второй: русская церковь состояла подъ властью константинопольской іерархіи. Греческое духовенство принесло къ намъ готовыя уже воззрѣнія на отношенія церкви къ государству. Воззрѣнія эти могли видоизмѣниться въ новой средѣ, но знакомство съ ними во всякомъ случаѣ необходимо для пониманія того порядка, который возникъ у насъ.

Христіанство, при своемъ возникновеніи, создало церковь

независимую отъ государства. Въ первые три вѣка церковь эта существовала на перекоръ волѣ государства. Она не только не была признана свѣтской властью, она была гонима ею, и тѣмъ не менѣе христіанское ученіе распространялось и побѣждало міръ.

Съ принятіемъ христіанства Константиномъ В. христіанская церковь признается въ Византійской имперіи государственной и изъ гонимой становится господствующей. Константинъ В. предписываетъ устраивать христіанскіе храмы и запрещаетъ приносить жертвы старымъ богамъ. Импер. Ѳеодосій В. издаетъ эдиктъ о равномъ достоинствѣ и святомъ тріединствѣ Отца и Сына и святаго Духа и рядъ законовъ, которыми храмы языческіе конфискуются, изображенія языческихъ боговъ расплавливаются, а принесеніе имъ жертвъ воспрещается подъ страхомъ наказанія, какъ за преступленіе величества. Эту политику утвержденія христіанской вѣры путемъ указовъ продолжаетъ и импер. Юстиніанъ. Въ первый годъ царствованія онъ издаетъ эдиктъ, въ которомъ осуждаетъ мнѣнія Несторія, Евтихія и Аполинарія и предписываетъ признавать православное ученіе о св. Троицѣ. Эдиктъ оканчивается угрозой всѣмъ иначе думающимъ: какъ еретики, они будутъ подвергнуты наказанію. Позднѣе императоръ предписываетъ признавать постановленія первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ и догматъ о двухъ естествахъ въ І. Христѣ. Всѣ иначе думающіе лишаются права занимать общественныя должности, получать наслѣдство и дѣлать завѣщанія, составлять собранія и отправлять богослуженіе; имущество ихъ конфискуется. Юстиніанъ призналъ за церковными законами такую же силу, какая принадлежитъ государственнымъ законамъ. «Что запрещается священными канонами, то запрещается и нашими законами», говоритъ его конституція 530 г.

Если Византійское государство предписываетъ признавать догматы православной церкви и уравниваетъ ея каноны со своими законами, то оно составляетъ съ церковью какъ бы одно цѣлое. Слѣдствіемъ этого единства государства и церк-

ви является то, что не принадлежащіе къ православной церкви, хотя бы это были и люди, вѣрующіе во Христа, не могутъ принадлежать и къ государственному союзу: они лишаются политическихъ и гражданскихъ правъ *).

Что это за форма слитія двухъ организмовъ въ одно новое цѣлое? Въ этомъ новомъ цѣломъ одинаково ли представлены интересы обоихъ организмовъ, или дано предпочтеніе одному на счетъ другого?

Государство и церковь два совершенно разныхъ учрежденія по задачамъ и образу дѣйствія. Церковь имѣетъ дѣло съ внутреннимъ человѣкомъ, съ его совѣстью, по отношенію къ которой акты принужденія не могутъ примѣняться. Государство имѣетъ дѣло съ внѣшними проявленіями человѣческой воли и можетъ дѣйствовать принудительно; внутренній міръ человѣка, его вѣра, вопросы о томъ, какіе догматы онъ признаетъ, какіе отрицаетъ,—не входятъ въ область вѣдѣнія свѣтской власти. Подданными одного и того же государства одинаково могутъ быть и несторіяне, и монофизиты, и православные, лишь бы они подчинялись существующему государственному порядку. Разновѣрующіе не могутъ быть членами одного и того же церковнаго общенія, у нихъ не можетъ быть общаго епископа, а императоръ можетъ быть общій. Дѣлая извѣстное вѣроисповѣданіе условіемъ юридической правоспособности, императоръ становился слугою церкви и подчинялъ ей государство. Путемъ миропомазанія духовенство пріобщало императора къ священству и, такимъ образомъ, вводило его въ свою среду. Императоръ разсматривался, какъ Богомъ поставленный «внѣшній епископъ». Въ религіозныхъ процессіяхъ онъ имѣлъ на себѣ облаченіе, подобное архіерейскому, благословлялъ народъ и принималъ даже нѣкоторое активное участіе въ бо-

*) Gasquet, De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance, 1879, стр. 132, утверждаетъ, что къ отлученнымъ отъ церкви примѣнялась aquae et ignis interdictio, столь употребительная въ понтификальномъ правѣ языческаго Рима.

гослуженіи *). За императорами признавалось и право поучать народъ благочестію и истинамъ вѣры **).

---

*) Во время совершенія литургіи императоръ два раза принималъ участіе въ священныхъ дѣйствіяхъ. При маломъ и великомъ входѣ онъ вступалъ въ алтарь чрезъ царскія врата вслѣдъ за патріархомъ, прикладывался къ покрову св. престола, кадя обходилъ его съ патріархомъ; потомъ со свѣчею въ рукахъ молился предъ св. распятіемъ, прикладывался къ нему, бралъ у патріарха кадило и кадилъ св. распятію. Въ праздникъ Крестовоздвиженія императоръ участвовалъ въ обрядѣ подаянія св. креста, входилъ чрезъ царскія врата въ алтарь, прикладывался, кадилъ и т. д. Въ великую субботу участвовалъ въ переодѣваніи св. престола. Пріобщался св. тайнъ императоръ не какъ міряне, а какъ священники, отдѣльно тѣла и крови Христовой. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Ежегодные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX и X в. 1893. Глава V и VII. Суворовъ, курсъ церковнаго права, 1889. I. 63. 283.

Несмотря на то, что императорамъ не принадлежали всѣ права священства и они не могли совершать таинствъ, тѣмъ не менѣе и они сами, и духовные сановники считали ихъ священниками. Соборъ 448 г. въ Константинополѣ привѣтствовалъ Ѳеодосія II, какъ первосвященника и императора. Папа Левъ писалъ тому же императору: «Церковь радуется, видя въ васъ соединеніе царства и священства». Онъ же импер. Льву: «Твоя душа священника и апостола должна оскорбляться бѣдствіями, претерпѣваемыми константинопольскою церковью». Импер. Левъ иконоборецъ писалъ папѣ Григорію: «Развѣ ты не знаешь, что я священникъ и царь?» На это папа отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія, Константинъ, Ѳеодосій, Валентиніанъ, Юстиніанъ—были царями и священниками. Они доказали это своими дѣяніями... Но ты съ момента вступленія на престолъ постоянно доказывалъ незнаніе каноновъ, ты опустошилъ церкви...» Итакъ, и папа Григорій не отрицаетъ священства императоровъ, онъ не можетъ только признать въ этомъ званіи импер. Льва иконоборца. Суворовъ 63, Gasquet 50.

**) Въ первый понедѣльникъ великаго поста императоръ, обыкновенно, дѣлалъ наставленіе сановникамъ и представителямъ народа о томъ, какъ надо проводить св. четыредесятницу, и поучалъ ихъ проводить ее въ «чистотѣ и страхѣ Божіемъ». По окончаніи поученія онъ трижды осѣнялъ народъ крестнымъ знаменіемъ. Д. Ѳ. Бѣляевъ, тамъ же, стр. 250 сл. Никита Хоніатъ указавъ на то, что импер. Мануилъ Комненъ стремился быть не погрѣшимымъ судіей Божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, продолжаетъ: «Онъ не только писалъ краснорѣчивыя посланія, но и сочинялъ огласительныя слова, которыя назывались ве-

Какъ помазанники Божіи, они были обязаны покровительствовать церкви и блюсти церковные порядки.

Но какъ подданные почитались принадлежащими къ церкви и государству лишь до тѣхъ поръ, пока они вѣрили по православному, такъ и императоры. Въ случаѣ уклоненія ихъ отъ православія, духовенство вступало съ ними въ борьбу и даже предавало ихъ анаѳемѣ.

Согласно съ этимъ, византійское духовенство считаетъ себя въ правѣ удостовѣряться въ православіи императора, а императоры считаютъ себя обязанными доказывать свое православіе. Въ 491 г., по смерти императора Зенона, сенатъ и народъ провозгласили императоромъ силенціарія Анастасія. Патріархъ Евѳимій, еще при жизни покойнаго импер. Зенона, подозрѣвавшій Анастасія въ томъ, что онъ раздѣлялъ ученіе Евтихія, воспротивился вступленію его на престолъ, обозвалъ новоизбраннаго еретикомъ, недостойнымъ управлять христіанами, и отказался вѣнчать его на царство. Вѣнчаніе состоялось только послѣ того, какъ Анастасій далъ патріарху письменное исповѣданіе вѣры и клятвенное обѣщаніе ничего не измѣнять въ православной церкви. Въ 514 году римскій папа, съ своей стороны, также потребовалъ отъ Анастасія исповѣданіе вѣры. Императоръ удовлетворилъ и его, отправивъ къ нему исповѣданіе, составленное въ духѣ православія.

Императоры, нетвердые въ православіи, возбуждали противъ себя не только духовенство, но и народъ, принимав

ленціями. Русск. переводъ, I, 271 и сл. Ѳ. Кургановъ на 83 стр. своего сочиненія объ Отношеніяхъ между церковью и гражданскою властью въ Византійской имперіи, 1880, приводитъ по этому вопросу слѣдующія мнѣнія византійскихъ ученыхъ и канонистовъ. «Вальсамонъ говоритъ: императоры и патріархи обладаютъ званіемъ учителей ради силы ихъ св. помазанія, потому что отсюда происходитъ власть вѣрующихъ государей учить христіанскій народъ и воскурять ѳміамъ, подобно священникамъ. Іоаннъ Киннамъ говоритъ, что изслѣдовать божественную природу есть дѣло никому другому несвойственное, кромѣ учителей и лучшихъ іереевъ да царей, ради ихъ достоинства».

шій горячее участіе въ догматическихъ спорахъ. Императоръ Василискъ, раздѣлявшій мнѣнія монофизитовъ, издалъ посланіе, въ которомъ православные усмотрѣли отступленіе отъ постановленій халкидонскаго собора. Все населеніе Константинополя пришло въ движеніе. Патріархъ Акакій, видя враждебное царю возбужденіе народа и полагаясь на его силу, покрылъ трауромъ алтарь св. Софіи, самъ облекся въ трауръ и торжественно съ церковнаго амвона объявилъ императора еретикомъ. Сторону патріарха принялъ и знаменитый святостью жизни отшельникъ Даніилъ. Собравъ множество единомысленныхъ монаховъ, онъ отправился въ лагерь императора и тамъ публично изобличалъ его неправославіе. Столкновеніе это кончилось тѣмъ, что императоръ былъ вынужденъ написать новое посланіе, въ которомъ осудилъ монофизитство и другія несогласныя съ православіемъ ученія, какъ ереси. Импер. Анастасій, несмотря на данное патріарху Евфимію письменное исповѣданіе вѣры, въ дѣйствительности раздѣлялъ мнѣнія монофизитовъ и принималъ мѣры къ ослабленію постановленій халкидонскаго собора. Вслѣдствіе этого, между нимъ и преемникомъ Евфимія, патр. Македоніемъ, возникло разномысліе, и императоръ сталъ порицать патріарха. Опасность, угрожавшая постановленіямъ халкидонскаго собора, вызвала возстаніе въ населеніи Константинополя, гдѣ преобладали православные. Народъ, руководимый монахами, выступилъ на защиту патріарха, поносилъ императора именемъ еретика и кричалъ, что онъ недостоинъ царствовать. Устрашенный императоръ обратился къ помощи поруганнаго имъ патріарха, который остался, однако, при своемъ мнѣніи и продолжалъ обличать императора въ неправославіи. Анастасій снова уступилъ и снова обѣщалъ мыслить по православному.

Не всегда оказывался православнымъ и императоръ Юстиніанъ, такъ много сдѣлавшій для утвержденія православія. Онъ издалъ «Исповѣданіе вѣры», направленное противъ «трехъ главъ», т.-е. мнѣній трехъ епископовъ, заявившихъ себя на третьемъ вселенскомъ соборѣ въ нѣкоторой степе-

ни солидарными съ мнѣніями Несторія. Восточные епископы, за небольшими исключеніями, приняли эдиктъ императора. Иначе отнеслись къ нему западные. Они усмотрѣли въ немъ порицаніе халкидонскаго собора и отказались послѣдовать за императоромъ. Представитель западнаго духовенства, папа Вигилій, не зналъ, на что рѣшиться и былъ то противъ императора, то присоединялся къ его исповѣданію. Въ этихъ колебаніяхъ Вигилія былъ такой моментъ, когда онъ произнесъ отлученіе отъ апостольскаго престола всякому, кто признаетъ «Исповѣданіе вѣры» императора, а слѣдовательно и самому императору. Эти разногласія рѣшено было, по соглашенію императора съ Вигиліемъ, внести на разрѣшеніе пятаго вселенскаго собора, созваннаго въ Константинополѣ. Въ виду незначительнаго числа западныхъ епископовъ, прибывшихъ въ Константинополь, папа, несмотря на всѣ приглашенія императора, отказался прибыть въ засѣданіе собора. Пятый вселенскій соборъ одобрилъ произнесенное императоромъ осужденіе «трехъ главъ», но западные епископы не присоединились къ нему и послѣ собора. Они стали собирать мѣстные соборы, на которыхъ высказывались въ пользу мнѣнія папы Вигилія, осуждавшаго «Исповѣданіе» императора и составленнаго для прочтенія на соборѣ, но отвергнутаго императоромъ и на соборѣ не читаннаго.—Въ годъ своей смерти импер. Юстиніанъ заготовилъ эдиктъ о нетлѣнности тѣла Христова. На этотъ разъ мнѣніе его не нашли православнымъ и восточные епископы. Константинопольскій патріархъ Евтихій, которому первому императоръ предложилъ свой эдиктъ къ подписанію, нашелъ мнѣніе императора еретическимъ, отказался подписать эдиктъ и долго обличалъ автора его въ неправославіи. Особенно энергическаго противника нашелъ императоръ въ антіохійскомъ епископѣ Анастасіи, мнѣніемъ котораго весьма дорожило восточное духовенство. На обращенные къ нему вопросы онъ всѣмъ доказывалъ, что тѣло Господа подвержено было тлѣнію, что именно такъ думали божественные апостолы и богоносные отцы, ежедневно сталъ прочитывать въ церкви

изреченіе апостола: «Аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ», хотя бы то былъ ангелъ съ небеси. Смерть императора прекратила это новое разногласіе *).

Съ согласія императоровъ церковь подняла руку и на ихъ право законодательствовать: халкидонскій соборъ объявилъ неимѣющими силы императорскіе законы, противорѣчащіе канонамъ.

Императору, какъ покровителю церкви и блюстителю ея интересовъ, принадлежало широкое право участія въ управленіи церковными дѣлами. Это тоже не всегда нравилось византійскому духовенству. Импер. Никифоръ Фока издалъ указъ, по которому ни одно церковное дѣло не должно быть рѣшаемо вопреки волѣ императора. Патріархъ Поліевктъ потребовалъ отъ преемника Фоки отмѣны этого указа и только тогда короновалъ Іоанна Цимисхія на царство, когда тотъ согласился на его требованіе **).

Приведенные нами факты свидѣтельствуютъ о существованіи въ Византіи элементовъ чистѣйшей теократіи. Новая церковь слилась съ государствомъ, но не на равныхъ правахъ: она подчинила его себѣ и явилась господствующею въ новомъ христіанскомъ мірѣ. Иначе и быть не могло. Новыя отношенія между государствомъ и церковью слагались въ такое время, когда религіозный интересъ охватывалъ всего человѣка. Все населеніе Византійской имперіи, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, съ страстнымъ увлеченіемъ относилось къ догматическимъ вопросамъ вѣры и принимало горячее участіе въ ихъ рѣшеніи. Императоры не могли отрѣшиться отъ окружающей ихъ среды и были захвачены потокомъ религіозныхъ разномыслій, защищаемыхъ съ фанатическимъ ожесточеніемъ. Въ періодъ сложенія каѳолической христіанской догмы человѣческая мысль была отвлечена отъ временныхъ

*) Кургановъ, 616 сл., 710 сл.

**) Суворовъ, Курсъ церковн. права. I, 283. Сокольскій, О характерѣ и значеніи Эпанагоги, Византійскій временникъ. 1894. Стр. 37.

и преходящихъ вопросовъ жизни въ область вѣчнаго и неизмѣннаго. Этому полету мысли въ область неземного должно было подчиниться и государство, давъ первенство вопросамъ духовнаго міра надъ своими земными интересами. Такое состояніе человѣчеству необходимо было пережить. Изъ немногихъ приведенныхъ нами примѣровъ достаточно видно, насколько подчиненіе государства церкви унижало свѣтскую власть и какими бѣдствіями угрожало оно народному благу и общественному спокойствію *).

Но приведенными чертами теократизма не исчерпывается практика отношеній государства къ церкви въ Византіи. Византійскіе императоры были преемниками римскихъ и въ нихъ нерѣдко съ полною силою оживало самовластіе ихъ царственныхъ предшественниковъ. Руководимые требованіями личныхъ вкусовъ и подчиняясь вліянію окружающихъ лицъ, они деспотически распоряжались дѣлами церкви, нисколько не стѣсняясь признанными ими въ силѣ законовъ церковными канонами. Они замѣщали по своему усмотрѣнію епископскія каѳедры, перемѣщали епископовъ изъ одного діэцеза въ другой, низводили ихъ съ каѳедры, заключали въ тюрьму и предавали анаѳемѣ; имъ принадлежало право созывать соборы, но они произвольно лишали ихъ свободы дѣйствія.

---

*) Уже древніе канонисты усвоили себѣ точку зрѣнія на отношенія государства къ церкви въ Византіи, какъ на единый цѣлостный организмъ, преслѣдующій одну и ту же цѣль: приведеніе человѣческаго рода къ блаженному единенію съ Богомъ. Такъ думалъ Вальсамонъ, канонистъ конца XII в. Кургановъ, 84. Также характеризуетъ существенныя черты византинизма или византійской системы отношеній между государствомъ и церковью и проф. Суворовъ. «Государство и церковь, говоритъ онъ, составляютъ (въ Византіи) одинъ организмъ—государство, объединенное одною христіанскою религіей». Курсъ I, 457. Но далѣе находимъ весьма поучительное разъясненіе этой мысли. Авторъ признаетъ, что это единство составляло лишь идеалъ правительственной политики византійскихъ императоровъ (488) и что въ дѣйствительности органическое сліяніе церкви съ государствомъ было мало возможно (493).

Не для доказательства этой самовластной практики, а лишь для ея иллюстраціи приведемъ нѣсколько фактовъ. На соборъ 449 года, созванный въ Ефесѣ, императоръ Ѳеодосій II отправилъ для наблюденія за порядкомъ двухъ чиновниковъ и войско. Чиновникамъ предписано было брать подъ стражу и отправлять къ императору каждаго, кого они замѣтятъ въ дѣйствіяхъ, клонящихся ко вреду святѣйшей вѣры. Благодаря принятымъ мѣрамъ два посланія папы Льва I, написанныя въ православномъ духѣ, пройдены были на соборѣ полнымъ молчаніемъ. Не лучше распорядился и императоръ Юстиніанъ на V вселенскомъ соборѣ, созванномъ по соглашенію съ папою Вигиліемъ, для рѣшенія спора о «трехъ главахъ». Посланіе папы Вигилія къ собору, въ которомъ осуждалось императорское «Исповѣданіе вѣры», Юстиніанъ призналъ не православнымъ и не допустилъ къ прочтенію; на соборѣ же читались старыя грамоты Вигилія, въ которыхъ онъ присоединялся къ мнѣнію императора. Въ двухъ приведенныхъ случаяхъ разница только въ направленіи, а не въ способѣ дѣйствія. Импер. Ѳеодосій дѣйствовалъ въ духѣ монофизитовъ, импер. Юстиніанъ — въ духѣ, одобренномъ восточными епископами православной церкви; но способъ дѣйствія одинъ и тотъ же: и тутъ, и тамъ царитъ самовластіе императора.

Императоръ Василискъ издаетъ окружное посланіе противъ халкидонскаго собора, въ которомъ повелѣваетъ святѣйшимъ епископамъ предавать анаѳемѣ и огню все, постановленное въ Халкидонѣ. Выше мы говорили уже о столкновеніи импер. Анастасія съ патр. Македоніемъ. Обращеніе императора къ православію не было искреннимъ. Онъ продолжалъ раздѣлять взгляды монофизитовъ и потребовалъ отъ патріарха выдачи ему актовъ халкидонскаго собора съ цѣлью предать ихъ уничтоженію. Патріархъ отказалъ и былъ тайно арестованъ въ своемъ дворцѣ и отправленъ въ ссылку безъ суда и слѣдствія. Уже послѣ ссылки патріарха императоръ созвалъ соборъ для суда надъ нимъ. Соборъ состоялъ изъ епископовъ, противниковъ православія и придворныхъ

льстецовъ, которые не затруднились осудить низвергнутаго сановника церкви. Но и православные императоры поступали иногда не лучше монофизитовъ съ православными патріархами. Выше мы говорили уже о томъ, что константинопольскій патріархъ, Евтихій, отвергъ эдиктъ импер. Юстиніана о нетлѣнности Тѣла Христова; послѣдствіемъ этого было низложеніе патріарха по волѣ императора.

Такова византійская практика. Императоръ и патріархъ дѣйствуютъ или въ согласіи другъ съ другомъ, или враждуютъ между собой, при чемъ патріархъ анаѳематствуетъ императора, а императоръ приказываетъ анаѳематствовать патріарха.

Эпоха вольнаго и невольнаго единенія государства и церкви выработала христіанскую догму, которая повела къ образованію многихъ церковныхъ обществъ, различествующихъ въ ученіи вѣры, но на вопросѣ объ отношеніи государства къ церкви не останавливалась. Этотъ вопросъ былъ дѣломъ практики, которая никакъ не могла его обойти, и рѣшала различно въ различныхъ случаяхъ, смотря по соотношенію силъ и настроенію дѣйствующихъ лицъ; законодательнаго же опредѣленія онъ не получилъ.

Въ предисловіи къ VI новеллѣ Юстиніанъ говоритъ о божественномъ происхожденіи священства и царства: «sacerdotium и imperium суть два высшихъ дара Божія, составляющихъ украшеніе человѣческой жизни». Признавая единый источникъ обѣихъ властей, импер. Юстиніанъ какъ бы уравниваетъ ихъ. Далѣе новелла говоритъ о томъ, что «императоръ имѣетъ великое попеченіе о догматахъ божіихъ и о достоинствѣ священства». Эти слова, свидѣтельствуя объ усердіи императора къ церкви и о желаніи его поддерживать ея достоинство, не даютъ, однако, возможности сдѣлать какое либо точное заключеніе объ отношеніяхъ его къ духовной власти. Болѣе по этому вопросу можно найти въ Эпанагогѣ импер. Василія и сыновей его, Льва и Александра. Значеніе Эпанагоги спорно. Одни ученые видятъ въ ней только проектъ закона, который никогда не былъ обнаро-

дованъ; другіе доказываютъ, что она получила въ свое время законодательную санкцію и была обнародована *). Споря о законодательномъ значеніи памятника, византинисты согласны въ томъ, что редакція статей Эпанагоги о патріаршей власти, по всей вѣроятности, принадлежитъ патріарху Фотію. Такимъ образомъ, была ли обнародована Эпанагога или нѣтъ, она во всякомъ случаѣ содержитъ въ себѣ pia desideria одного изъ выдающихся представителей православной церкви по занимающему насъ вопросу, а потому и не можетъ быть обойдена молчаніемъ.

Эпанагога уподобляетъ государственный организмъ человѣческому. Какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, такъ для государства необходимы двѣ власти: духовная и свѣтская, патріархъ и императоръ. Важнѣйшею обязанностью императора признается защита правовѣрія и благочестія. «Послѣ своего избранія гражданскими чинами, онъ отправляется въ храмъ и, являя здѣсь покорность Богу, обращается къ нему, какъ къ началу всего, испрашиваетъ даровъ благодати, какъ Божій рабъ, и молится о посвященіи своемъ въ царя. Затѣмъ, приступая къ самому вѣнчанію на царство посредствомъ миропомазанія, совершаемаго патріархомъ, онъ предварительно даетъ предъ послѣднимъ обѣтъ благоволительнаго попеченія о подвластныхъ въ правдѣ и произноситъ присягу въ вѣрномъ соблюденіи и ревностномъ охраненіи православной вѣры во св. Троицу, въ воплощеніе Сына Божія, въ нераздѣльное, несліянное и неизмѣнное соединеніе въ Немъ двухъ естествъ при единствѣ ипостаси и во всѣ прочіе догматы, опредѣленные и утвержденные на вселенскихъ соборахъ». При изданіи новыхъ законовъ императоръ не долженъ установлять ничего такого, что́ проти-

*) Первое мнѣніе высказалъ Захарія, къ нему присоединился и А. С. Павловъ; второе доказываетъ проф. Сокольскій. Павловъ, Теорія восточнаго папизма въ Православн. обозр. за 1879 г., № 11 и 12, и Сокольскій, О характерѣ и значеніи Эпанагоги въ Визант. времен. за 1894 г.

ворѣчило бы постановленіямъ церкви. Также при толкованіи старыхъ не долженъ онъ вводить ничего, что́ было бы несогласно съ канонами. На патріарха Эпанагога смотритъ, какъ на живой образъ Христа, дѣломъ и словомъ выражающій истину. Онъ управляетъ церковью на основаніи законовъ; ему же принадлежитъ и исключительное право ихъ толкованія. Патріархъ обязанъ безбоязненно свидѣтельствовать предъ императоромъ объ истинѣ. Цѣль, предстоящая патріарху, заключается въ спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. Онъ обязанъ приводить къ единенію съ каѳолической церковью всѣхъ разномыслящихъ и еретиковъ, а невѣрующихъ обращать къ вѣрѣ Христовой. Все изложенное относится къ патріарху новаго Рима, которому Эпанагога даетъ первенствующее значеніе среди другихъ патріарховъ. Онъ вселенскій, всѣ другіе только мѣстные іерархи. «Отношеніе между вселенскимъ патріархомъ и императоромъ должно быть такое же, какое существуетъ между тѣломъ и духомъ. Какъ жизнь человѣческая идетъ правильно только въ томъ случаѣ, когда душа и тѣло находятся въ гармоніи между собой, и тѣло слѣдуетъ разумнымъ велѣніямъ души, такъ и въ государственномъ организмѣ благополучіе подданныхъ и правильное теченіе ихъ жизни наступаютъ тогда только, когда священство и императорство находятся въ согласіи» *).

Таковы воззрѣнія Эпанагоги. Въ нихъ не трудно усмотрѣть отраженіе теократической практики предшествовавшихъ вѣковъ, довольно сильно видоизмѣненной, однако, въ пользу власти патріарха.

Эпанагога ничего не говоритъ о священствѣ императора. У него только свѣтская власть, вся духовная—у патріарха. О правѣ учительства императора также нѣтъ рѣчи. Учительство немыслимо безъ толкованія догматовъ и. каноновъ церкви; а такъ какъ вселенскому патріарху принадлежитъ право толкованія каноновъ, а тѣмъ болѣе догматовъ, то за

*) Кургановъ 65 сл., Сокольскій 29 сл.

императоромъ, надо полагать, не признается и право учительства *).

Итакъ, императоръ болѣе не епископъ и въ церковныхъ дѣлахъ онъ имѣетъ гораздо менѣе правъ, чѣмъ патріархъ. Государство, тѣмъ не менѣе, отличается вѣроисповѣднымъ характеромъ. Императоръ даетъ обѣщаніе исповѣдывать догматы православія и, какъ блюститель истинной вѣры, долженъ содѣйствовать патріарху въ насажденіи въ сердцахъ подданныхъ правовѣрія. Прежде императоры, обладая нѣкоторыми привилегіями духовнаго сана, сами опредѣляли, что такое истинная вѣра, и издавали указы то о двухъ естествахъ Господа нашего І. Христа, то о нетлѣнности Его тѣла, то о поклоненіи иконамъ и т. д. Теперь все это опредѣляетъ патріархъ, такъ какъ ему принадлежитъ право толкованія, какъ законовъ, такъ и догматовъ церкви. Императоръ, не имѣя ни правъ священства, ни правъ учительства, продолжаетъ быть ограниченнымъ и въ сферѣ свѣтскаго законодательства, которое не должно противорѣчить церковнымъ постановленіямъ. Но такъ какъ толкователемъ этихъ постановленій является одинъ патріархъ, то, слѣдовательно, предѣлы ограниченія законодательной власти императора находятся совершенно въ рукахъ патріарха и исключительно зависятъ отъ его воли. Эпанагога не ограничивается, однако, опредѣленіемъ правъ императорской и патріаршей власти, каждой въ отдѣльности; она говоритъ и о ихъ взаимодѣйствіи и требуетъ, на этотъ случай, ихъ согласія. Можно

*) Въ предшествующей византійской исторіи можно найти прецеденты и такого взгляда на императорскую власть. Императоръ Левъ Исавръ писалъ папѣ Григорію II: «Познай, о папа, что я царь и священникъ въ одномъ лицѣ». Иначе взглянулъ на права Льва иконоборца папа Григорій. Въ письмѣ къ императору онъ говоритъ: «Твой грубый умъ воина вполнѣ достаточенъ для управленія государствомъ, но онъ недостаточенъ для дѣлъ духовныхъ. Подобно тому, какъ первосвященникъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дворцовыя дѣла, и ты не долженъ вторгаться въ область церкви... Каждый изъ насъ да останется при томъ призваніи, которое опредѣлилъ ему господь». Сокольскій, 33.

подумать, что въ концѣ концовъ она уравниваетъ обѣ власти. Далеко не такъ въ дѣйствительности. Это согласіе, о которомъ говоритъ Эпанагога, объясняется уподобленіемъ взаимныхъ отношеній императора и патріарха отношеніямъ духа и тѣла въ человѣкѣ. Это — то самое согласіе, въ которомъ находится тѣло съ духомъ, когда слѣдуетъ разумнымъ велѣніямъ души. Душу же представляетъ въ государствѣ патріархъ, этотъ живой образъ Христа, выражающій истину словомъ и дѣломъ.

Итакъ, Эпанагога, сохраняя за государствомъ строго вѣроисповѣдный характеръ, дѣлаетъ попытку отдѣлить священство отъ царства. Императоръ болѣе не епископъ. Всѣ духовные вопросы рѣшаетъ вселенскій патріархъ, которому принадлежитъ право разъяснять истинный смыслъ каноновъ и догматовъ церкви. Императоръ, неимѣющій права постановлять что либо несогласное съ опредѣленіями церкви, нуждается въ постоянныхъ совѣтахъ патріарха и долженъ слѣдовать его указаніямъ *).

*) Иначе понимаетъ правила II и III титула Эпанагоги, въ которыхъ опредѣляются права императора и патріарха, проф. Сокольскій. «Глава 8 титула III, говоритъ онъ, признаетъ патріарха членомъ церковно-государственной организаціи р а в н ы м ъ ц а р ю. Въ такомъ же направленіи опредѣляется значеніе вселенскаго патріарха и другими главами разбираемаго нами титула». И непосредственно за этимъ общимъ положеніемъ продолжаетъ такъ: «Патріархъ,—говорится въ главѣ 1-ой этого титула,—есть живой и одушевленный образъ Христа, дѣлами и словами, выражающій истину» и т. д. 31 стр. Приведенная цитата едва-ли доказываетъ равенство патріарха царю, какъ не доказываетъ этого и стр. 29-я, на которую ссылается почтенный авторъ Вѣдь царь не признанъ живымъ образомъ Христа. Признаніе же патріарха живымъ образомъ Христа, выражающимъ истину и словомъ и дѣломъ, весьма не далеко отъ догмата патріаршей непогрѣшимости; пожалуй даже это и есть выраженіе непогрѣшимости, высказанное еще въ IX вѣкѣ. При вѣроисповѣдномъ характерѣ государства, какимъ оно является по Эпанагогѣ, и признаніи патріарха безусловнымъ глашатаемъ христіанской истины, не можетъ быть и рѣчи о равенствѣ императора патріарху. Роль императора весьма второстепенная и подчиненная церковному авторитету, который уподобляется духу, императоръ же только—тѣлу.

Весьма сомнительно, чтобы эти притязанія патріарха Фотія, стремившагося поднять до недосягаемой высоты значеніе своей каѳедры, получили законодательное утвержденіе. Но взгляды Фотія не были-единичными. За долго до него у представителей духовной іерархіи возникъ уже вопросъ не только объ отдѣленіи духовной власти отъ свѣтской, но и о превосходствѣ первой передъ второй. «Въ этомъ смыслѣ высказывались Озія Кордубскій, Григорій Назіанзинъ, Амвросій, Іоаннъ Златоустъ, папы Левъ Великій и Геласій, сравнивавшіе превосходство священства надъ царствомъ съ превосходствомъ духа надъ матеріей, небеснаго надъ земнымъ, и выводившіе высшій авторитетъ епископовъ надъ царями изъ того, что епископы за самихъ царей должны давать отчетъ Богу на Его судѣ». Суворовъ, II, 462.

Но положеніе вселенскаго патріарха далеко не было такимъ прочнымъ и независимымъ, какимъ было положеніе римскаго папы. Властолюбивыя притязанія восточнаго духовенства не удались. Столкновенія духовной власти со свѣтской кончились здѣсь торжествомъ послѣдней. Съ раздѣленія церквей, высшая церковная власть на Востокѣ стала сосредоточиваться въ рукахъ императора, отъ котораго исходили законы и распоряженія по дѣламъ церковнымъ иногда по выслушаніи мнѣнія патріаршаго синода, а иногда и безъ его предварительнаго обсужденія *). Такимъ образомъ сло-

*) Суворовъ, Курсъ церков. пр. I, 119. У Никиты Хоніата читаемъ: «Императоры считали для себя крайнею обидою, если ихъ не признавали мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми, подобно Саломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ, непогрѣшимыми судьями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Они въ одно и то же время являлись провозвѣстниками догматовъ, ихъ судьями, установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто не соглашается съ ними». Рус. перев. 271. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ императоровъ на свою власть, Вальсамонъ, канонистъ XII вѣка, находя, что императоры, подобно патріархамъ, могутъ учить христіанскій народъ и воскурять ѳиміамъ, подобно священникамъ, полагаетъ, что значеніе императоровъ въ этомъ

жился тотъ порядокъ вещей, который далъ поводъ католическому историку нарисовать слѣдующую сравнительную картину римскаго и константинопольскаго престоловъ: «Въ то время, какъ римскій престолъ возвысился изъ своего униженія прежде всего при помощи императоровъ и потомъ подчинилъ себѣ самое императорство и достигъ собственнаго всемірнаго владычества,—престолъ константинопольскій мало-по-малу ниспускался съ своего прежняго величія, постепенно поддавался императорскому вліянію и, наконецъ, въ такой мѣрѣ подчинился ему, что даже потерялъ всякое сознаніе о прежней своей славѣ, и греческая церковь, въ вопіющемъ противорѣчіи со всею своею традиціей, объявила это состояніе подчиненности и рабства, какъ состояніе нормальное и сообразное съ законами» *).

Переходимъ къ вопросу объ отношеніяхъ духовной власти къ свѣтской на русской почвѣ.

Владиміръ св. не только самъ принялъ христіанство, но призналъ христіанскую вѣру государственной и крестилъ своихъ подданныхъ. Государство Владиміра св. и его преемниковъ сдѣлалось вѣроисповѣднымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ повторилась и та практика отношеній государства къ церкви, которую мы наблюдали въ Византіи, съ нѣкоторыми весьма существенными, однако, модификаціями.

Владиміръ св. принялъ православную вѣру въ такой моментъ, когда догматы ея были окончательно установлены. Вслѣдствіе этого, князьямъ нашимъ не приходилось принимать мѣръ къ разъясненію догматовъ, какъ то дѣлали византійскіе императоры. Но положеніе ихъ по отношенію къ

отношеніи даже превосходитъ значеніе патріарховъ и вообще духовенства: «Власть и дѣятельность императоровъ, говоритъ онъ, простирается на тѣло и душу, тогда какъ дѣятельность патріарховъ касается одной только души». Кургановъ, 83.

*) Пихлеръ у Курганова, 97.

духовной власти нисколько отъ этого не выиграло. Сдѣлавшись покровителями церкви и блюстителями церковныхъ порядковъ, они стали вмѣстѣ съ тѣмъ учениками пришлаго духовенства. Надъ представителями свѣтской власти возникло нѣчто высшее въ лицѣ духовныхъ учителей, руководителей вѣчнаго спасенія. Но вѣчное и временное на землѣ тѣсно связаны: чтобы достигнуть вѣчнаго блаженства, надо показать себя достойнымъ онаго въ условіяхъ этой временной жизни. Отсюда, учительская дѣятельность духовенства можетъ и должна касаться вопросовъ чисто свѣтскихъ. Принятіе христіанства породило, такимъ образомъ, условія, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ вмѣшательство духовной власти въ дѣла свѣтской. Учители вѣры и вѣчнаго спасенія, чувствовавшіе потребность вмѣшательства и въ свѣтскія дѣла, стояли по отношенію къ нашимъ князьямъ въ положеніи гораздо болѣе свободномъ и независимомъ, чѣмъ они находились по отношенію къ свѣтской власти у себя на родинѣ. Въ Византіи императору принадлежала значительная доля вліянія на назначеніе епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, на ихъ перемѣщеніе и т. д. Русскіе же митрополиты назначались (по правилу) константинопольскимъ патріархомъ, внѣ зависимости отъ русскихъ князей, а наоборотъ, въ зависимости отъ чуждой власти византійскаго императора. Этой чуждой власти принадлежало и право рѣшать вопросъ о числѣ митрополій въ русской землѣ, а слѣдовательно и о ихъ границахъ. Русскіе митрополиты ежегодно посылали въ Константинополь денежную дань и поминали въ русскихъ церквахъ «божественное имя» византійскаго императора, какъ царя всѣхъ христіанъ. Константинопольскій патріархъ Антоній, исходя изъ той мысли, что вселенская церковь объединяетъ всѣхъ вѣрующихъ въ одно государство и имѣетъ одного вселеннаго царя, въ грамотѣ къ Василію Дмитріевичу говоритъ:

«Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой, и невозможно отдѣлить ихъ другъ

отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію божіею, есть государь православнѣйшій и вѣрнѣйшій, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви: по этому, невозможно быть архіереемъ и не поминать его имени. Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите», не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—«царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной». Русск. истор. библ. VI, № 40, 1393 г.

Итакъ, по мнѣнію вселенскаго патріарха, русскіе люди конца XIV в. и думать не могли о своемъ царѣ. У нихъ былъ уже царь общій съ патріархомъ, византійскій императоръ. Это мнѣніе свое патріархъ подтверждаетъ даже ссылкой на верховнаго апостола Петра.

Принятіе христіанской вѣры, этотъ величайшій актъ нашей начальной исторіи, богатый плодотворнѣйшими послѣдствіями, поставилъ русскую свѣтскую власть въ весьма сложное и трудное положеніе. Но прежде чѣмъ говорить о практикѣ отношеній свѣтской и церковной власти, необходимо выяснить, какія идеи принесло духовенство изъ Византіи и распространяло въ новомъ обществѣ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не апостольскую дѣятельность духовенства, не догматическое и нравственное его ученіе, а единственно тѣ его мысли, которыя выражаютъ взгляды на свѣтскую власть и могутъ служить къ разъясненію его къ ней отношеній.

Мы уже знаемъ, что въ Византіи возникло мнѣніе о превосходствѣ священства надъ царствомъ. Это мнѣніе проникло къ намъ и нашло сторонниковъ не только среди духовенства, но, какъ увидимъ ниже, и между представителями свѣтской власти. Русь до-московская представляла, однако, мало поводовъ къ его выраженію. Положеніе старыхъ удѣльныхъ князей и ихъ преемниковъ въ первое столѣтіе татарскаго порабощенія такъ мало походило на положеніе византійскаго императора, что мысль о превосходствѣ священства

надъ царствомъ въ русской землѣ едва ли могла останавливать на себѣ вниманіе нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ. Впервые она была высказана современникомъ Ивана Калиты, митрополитомъ Петромъ:

«А который іерей святую литургію священствовалъ, поучаетъ онъ, тогда царя честнѣй: никто бы не усидѣлъ противъ него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человѣкъ есть отъ небесныхъ силъ». Пам. стар. рус. лит. вып. IV. 188.

Ту же мысль проводитъ въ своихъ грамотахъ и поученіяхъ и митрополитъ Фотій. Въ посланіи во Псковъ онъ противополагаетъ вѣчнаго Царя — временному и говоритъ, что священники состоятъ не при временномъ царѣ, но при Царѣ царствующихъ и Господѣ господствующихъ, и далѣе:

«И тамо, идѣже предстоите, и тамо и ангеломъ предстоящимъ, тѣхъ одѣяній вашихъ священныхъ касающеся. И на сія той священническій санъ устроися».

По благословенной грамотѣ Фотія иноку Павлу монахи воспринимаютъ «великій ангельскій образъ». Наконецъ, онъ высказываетъ и мысль о неизмѣримомъ превосходствѣ священническаго сана надъ всѣми мірскими. Его поученіе о важности сана священнослужетелей и о ихъ обязанностяхъ начинается такъ:

«О великомъ Божьемъ священствѣ, еже елико есть отстояще небо отъ земли, толико отстоитъ христово священнодѣйствуемое таиньство отъ всякаго превышьшаго сана, паче мірскаго» *).

Митрополитъ Даніилъ у постели умирающаго вел. князя Василія Ивановича приравниваетъ санъ инока—золоту, санъ великаго князя—серебру и изрекаетъ неблагословеніе князю Андрею Ивановичу, препятствовавшему постриженію умирающаго:

«Не буди на тобѣ, говоритъ онъ, наше благословеніе ни

*) Рус. ист. библ. VI, № 51, 57 и 60, 1422—1431.

въ сиѵѣкъ, ни въ будущи, занеже сосудъ сребрянъ добро, а позлащенъ того лутши». П. С. Л. VI. 1534.

Есть основаніе думать, что на соборѣ 1503 г., на которомъ, между прочимъ, обсуждался вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, былъ прочитанъ документъ, извѣстный подъ названіемъ «Вѣно Константиново», а потомъ документъ этотъ, вмѣстѣ съ другими актами собора, былъ доложенъ вел. кн. Ивану Васильевичу *). Въ этомъ документѣ, сослужившемъ хорошую службу партіи стяжателей, рѣчь идетъ не о томъ только, что Константинъ Вел. установилъ обладаніе недвижимостями въ пользу монастырей, но этому императору приписывается превознесеніе папскаго престола надъ царскимъ, монашества надъ царскимъ саномъ и, наконецъ, утверждается, что Константинъ Вел. принялъ на себя званіе конюшаго по отношенію къ преемнику апостола Петра, водилъ подъ нимъ лошадь и заповѣдалъ дѣлать это всѣмъ будущимъ императорамъ **).

---

*) Терновскій, Изученіе византійской исторіи, вып. II, 133—145.

**) «Вѣно Константиново» напечатано у Терновскаго. Вотъ относящіяся къ разсматриваемому вопросу мѣста:

«Разсудихомъ, говоритъ Константинъ Вел., со всѣми тысящники, и сотники, и синклитомъ, и вельможами, и со всѣми римскаго царства величествы подлежащему людству, понеже блаженный Петръ, яко викарій (сирѣчь намѣстникъ) уставленъ на земли Сыну Божію, аще и нами и нашимъ царствомъ. Мѣсто преимущее и властелина апостольскаго пріимутъ данное имъ начальство, власть большая и превысочайшая, паче, еже имать наша кротость и царство на земли, всѣми видимо; предразсудихомъ бо того апостольскаго властелина и того по немъ преемниковъ.... уставихомъ чтити со благоговѣніемъ, и священнѣйшимъ его сѣдалищемъ, блаженнѣйшаго апостола Петра, паче, нежели нашего царства, наипаче бо земнаго престола, преславнѣе превозносити и воздати сему власть и славы достоинство, скорость же и господствованіе, и силу, и честь царскую» 139..... «Аще кто отъ великихъ нашихъ царскихъ вельможъ восхощетъ къ благоговѣйнымъ клирикомъ причаститися, никтоже да дерзнетъ таковымъ порицати и поносити гордостію своею». (Это мѣсто свидѣтельствуетъ, что во время сочиненія «вѣна» поклоненіе иноческому чину не было общимъ явленіемъ).... «Чести ради блаженнаго Петра, конюшего санъ ему себѣ дахомъ. Повелѣваемъ же той чинъ и обычай всѣмъ, иже по немъ, святителемъ всегда творити въ прохожденіяхъ своихъ, по подобію нашему царскому. Тѣмъ же ради сего постриженнаго знаменія

Мысли «Вѣна Константинова» такъ понравились митрополиту Макарію, что онъ цѣликомъ повторилъ ихъ въ письмѣ къ Ивану Грозному *). Всю важность этого документа оцѣнилъ и патріархъ Никонъ, приказавъ напечатать его въ изданной имъ въ 1653 году печатной кормчей, благодаря чему онъ и получилъ всеобщую извѣстность.

Въ «краткомъ словѣ противу тѣхъ, кто вступается въ церковныя движимости и недвижимости», написанномъ въ самомъ началѣ XVI вѣка, проводится уже и мысль о двухъ мечахъ. Авторъ этого слова не извѣстенъ, но написано оно по порученію русскаго архіепископа. Неотъемлемость церковныхъ вещей выводится здѣсь изъ отношенія церковной власти къ свѣтской. Отношеніе же это представляется въ слѣдующемъ видѣ. Обѣ власти, говоритъ авторъ:

«Изводятся изъ власти божественныя, и еще толико мірская власть подъ духовною есть, елико отъ Бога духовное достоинство предположено есть».

Въ случаѣ посягательства мірской власти на имущественныя права церкви, власть духовная обязана бороться даже до пролитія крови:

«Понеже, по апостольскому ученію, паче подобаетъ повиноватися Богу, нежели человѣкомъ. Мірстіи бо власти человѣци суть: тѣло отъяти могутъ, души же ни».

И далѣе, приведя слова евангелиста Луки, на которыхъ

верховнаго святительскія главы, да не мнитъ кто сіе постриженіе худо быти и безчестно, но наипаче земнаго царства саномъ, и славою, и честію, и силою ему украшатися подобаетъ» 142.

*) Дьяконовъ, Власть москов. государей, 128, пр. 1.

О предпочтеніи иночества царскому вѣнцу императоромъ Константиномъ рѣчь идетъ еще въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1168 годомъ. Описывая бесѣды вел. князя кіевскаго, Ростислава Мстиславича, съ игуменомъ печерскимъ Поликарпомъ, лѣтописецъ влагаетъ въ уста князя слѣдующія слова:

«И самого правовѣрнаго царя Костянтина слышахъ глаголавша: аще бых вѣдалъ, се ль честенъ ликъ чернецьскій, въсходяща съ ангелы къ престолу Господню безспрестани, снялъ бых вѣнецъ и багряницю» 95.

строится теорія двухъ мечей, авторъ даетъ имъ такое объясненіе:

«Здѣ разумѣти треба есть, яко мечъ есть сугубъ. Единъ мечь вещественный, его же имѣяше Петръ апостолъ, егда отрѣза ухо Малху въ вертоградѣ: той мечъ достоитъ пастыремъ церковнымъ имѣти защищеніе церкви своея, даже и до своего кровопролитія, аще токмо мечемъ духовнымъ ничтоже поспѣшествуетъ. Вторый же мечъ есть духовный, его же Господь даде Петру и будущимъ по немъ, глаголя: аще ни тако послушаетъ тя, да будетъ ти, яко язычникъ и грѣшникъ, ими же словесы, со властью вязати и рѣшити, даде Христосъ ученикомъ своимъ власть отлученія и анаѳемѣ преданія. И сію власть наричемъ—мечемъ духовнымъ. Симъ мечемъ пастырю церкви достоитъ защищатися и оборонятися первѣе. Аще ли по третьемъ наказаніи непослушни не сотворятъ повелѣнія и сопротивны пребудутъ, нехотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити и Христу повинутися, тогда помощью плечій мірскихъ дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ, на отвращеніе силы сопротивныхъ». У Павлова, Секуляризиція, I. 61.

Если русскіе святители, Петръ, Даніилъ, Макарій, были убѣждены въ превосходствѣ священства надъ царствомъ, то едва-ли и говорить нужно, что Максимъ Грекъ нисколько въ этомъ не сомнѣвался. Указавъ на то, что «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утверждаетъ, а не царство святителей», онъ говоритъ:

«Убо больши есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благославляется, глаголетъ божественный апостолъ». Соч. III, 155.

А среди русскихъ людей не мало было такихъ, которые съ удовольствіемъ слушали Максима Грека.

Возвеличивая священство надъ царствомъ, греческое духовенство принесло къ намъ и идею божественнаго происхожденія свѣтской власти. По словамъ начальной лѣтописи, уже первые епископы говорили Владиміру св.: «Ты поставленъ еси отъ Бога» 54. Та же мысль повторяется въ поученіяхъ митрополитовъ Иларіона, Никифора и друг. Но это божественное происхожденіе княжеской власти не уравни-

вало ее съ духовной. За русскими князьями не признавались никакія преимущества священства. Какъ варвары и новообращенные, они были учениками духовенства; патріархи и митрополиты требовали отъ нихъ безусловной покорности своимъ поученіямъ. Во второй половинѣ XII вѣка возникли несогласія между вел. кн. владимірскимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, и мѣстнымъ епископомъ, Несторомъ. Князь прогналъ епископа; желая замѣнить его болѣе угоднымъ ему человѣкомъ и учредить особую митрополію во Владимірѣ, онъ обратился съ просьбой объ этомъ къ константинопольскому патріарху, Лукѣ Хрисовергу; къ нему же обратился съ жалобой на князя и изгнанный имъ епископъ. Изъ грамоты патріарха мы узнаемъ, что столкновеніе князя съ епископомъ было уже на разсмотрѣніи мѣстнаго собора, который рѣшилъ дѣло въ пользу епископа. Патріархъ пересмотрѣлъ дѣло и рѣшилъ его также въ пользу епископа. Въ своей грамотѣ князю онъ пишетъ:

«Надѣемся, яко не восхощеши ся противити суду всѣхъ святитель и нашему смиренію... Всяку... жалобу... на боголюбиваго епископа своего сложи съ сердца своего, съ радостію же его пріими, со всякою тихостью и любовью.. имѣй его, яко святителя, и отца, и учителя, и пастыря... А не будешь къ нему, якоже подобаетъ, ни повинутися начнеши его поученіемъ и наказаніемъ, ...вѣдомо ти буди... аще всего міра исполниша церкви.... гониши же епископа, главу церковную и людскую, — то не церкви, то хлѣвы, ни единая же ти будетъ мзды и спасенія..... Никтоже бо отъ всѣхъ человѣкъ: ли святитель, ли пресвитеръ, или мнихъ, или аггелъ, ниже бо аггелъ съ небеси имѣетъ такову власть вязати и рѣшати, развѣ единъ боголюбивый епископъ твой, его же положилъ Господь Богъ главу всей земли твоей и тебѣ» *).

---

*) Рус. ист. библ. VI, № 3, 1160. «Грамота, говоритъ издатель, сохранилась въ двухъ редакціяхъ: краткой, имѣющей всѣ признаки подлинности, и пространной съ различными добавками въ содержаніи и подновленіями въ языкѣ». Послѣдне выписанное нами предложеніе находится только въ пространной редакціи. Оно, можетъ быть, и неподлин-

Епископъ глава всей земли и князя, и князь долженъ его слушаться, иначе нѣтъ ему спасенія.

Отъ патріарха Филоѳея имѣемъ нѣсколько грамотъ къ русскимъ князьямъ; въ нихъ проводится та же мысль о послушаніи князя епископу. Въ грамотѣ къ вел. кн. Дмитрію Ивановичу обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто:

«По долгу, лежащему на мнѣ, какъ общемъ отцѣ, свыше отъ Бога поставленномъ для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ, я всегда пекусь, подвизаюсь и молю Бога о ихъ спасеніи.... ....Но всего болѣе люблю твое благородіе и молюсь о тебѣ.... за твою любовь и дружбу къ нашей мѣрности.... за благорасположеніе и повиновеніе къ преосвященному митрополиту кіевскому и всея Руси.... ибо я узналъ, что ты уважаешь и любишь его и оказываешь ему всякое послушаніе и благопокореніе, какъ онъ самъ писалъ ко мнѣ.... Митрополитъ, мною поставленный, носитъ на себѣ образъ Божій и находится у васъ вмѣсто меня, такъ что всякъ, повинующійся ему и желающій оказывать ему любовь, честь и послушаніе, повинуется Богу и нашей мѣрности, и честь, ему воздаваемая, переходитъ ко мнѣ, а чрезъ меня—прямо къ самому Богу. И кого митрополитъ благословитъ и возлюбитъ за что либо хорошее,—за благочестіе или за послушаніе,—того и я имѣю благословеннымъ, и Богъ также; напротивъ, на кого онъ прогнѣвается и наложитъ запрещеніе, и я также.... Я тебя похвалилъ и показалъ къ тебѣ любовь и благорасположеніе; напротивъ, сильно опечалился и разгнѣвался на другихъ князей, какъ ты узнаешь изъ моихъ грамотъ». Русск. ист. библ. VI. Прилож. № 16. 1370.

Не будемъ пока касаться гнѣва патріарха на русскихъ князей. Будемъ говорить о его къ нимъ милостяхъ и приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ грамоты къ другимъ князьямъ:

«Благороднѣйшіе князья всея Руси, во святомъ духѣ возлюбленные и вожделѣнные сыны нашей мѣрности! Молимъ Всевышняго Бога даровать всѣмъ вамъ здравіе и благорас-

---

ное. Но для нащей цѣли это все равно: оно во всякомъ случаѣ выражаетъ тенденцію подновителя, которымъ могло быть только духовное лицо. Пространная редакція принадлежитъ Никоновой лѣтописи.

положеніе душевное, крѣпость и благосостояніе тѣлесное, успѣхъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и благоденствіе, усиленіе власти, умноженіе чести и все, что благо и спасительно.... А все это вы будете имѣть, если станете оказывать подобающее уваженіе, почтеніе, послушаніе и благопокореніе преосвященному митрополиту кіевскому и всея Руси.... Поелику.... вы имѣете вмѣсто меня преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси..... то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, каковую должны были бы воздавать мнѣ самому, еслибы я присутствовалъ тамъ.... Если вы будете такъ дѣлать и имѣть такое расположеніе къ церкви Божіей и къ самому преосвященному митрополиту своему, то прежде всего получите мзду въ нынѣшнемъ вѣкѣ, снискавъ себѣ содѣйствіе и помощь во всемъ, въ чемъ нуждаетесь, отъ самого Бога, Который подастъ вамъ усиленіе власти, долготу жизни, успѣхъ въ дѣлахъ, благоденствіе, исполненіе всѣхъ благъ, жизнь безпечальную и безбѣдную и здравіе тѣлесное, а въ будущемъ вѣкѣ—царство небесное, наслѣдіе вѣчныхъ благъ и наслажденіе». Тамъ же № 18, 1370.

Вотъ какимъ языкомъ говорили вселенскіе патріархи съ великими и удѣльными князьями всея Руси. Возникаетъ вопросъ, какое «послушаніе и благопокореніе» князей митрополиту и епископамъ, а чрезъ нихъ и себѣ, имѣли они въ виду? Въ соблюденіи ли только догматовъ и каноновъ церкви или и за предѣлами оныхъ? Приведенныя грамоты говорятъ «о послушаніи и благопокореніи» вообще, а не въ церковныхъ только вещахъ. Строго отдѣлить церковныя дѣла отъ свѣтскихъ и въ наше время трудно, тогда же это было совершенно невозможно. Духовенство того времени даже и не думало о такомъ отдѣленіи. Патріархъ обѣщаетъ благословеніе Дмитрію Ивановичу, если митрополитъ возлюбитъ его «за что либо хорошее», и далѣе поясняетъ: «за благочестіе или за послушаніе». Итакъ, дѣлами благочестія, которыми можно угодить Богу, не исчерпывается послушаніе князя, имѣется въ виду и еще послушаніе, т. е. за предѣлами благочестія. Что обязанность послушанія князей духовенству не ограничивалась вопросами догматовъ и каноновъ, это видно изъ той широкой роли, какую играли у насъ въ древ-

ности представители церкви. Духовенство, проникнутое духомъ христіанства, считало себя призваннымъ поучать князей миролюбію, правосудію, давало совѣты кроткаго обращенія съ врагами и преступниками, вмѣшивалось даже въ финансовую ихъ политику, если находило въ ней противорѣчіе ученіямъ церкви; съ другой стороны, сами князья обращались къ его посредничеству въ своихъ междоусобіяхъ, къ его совѣтамъ— въ вопросахъ законодательства и управленія и т. д. Положенія эти не требуютъ доказательства, лишь для ближайшей характеристики нашей древности приведемъ мѣста источниковъ.

Начальный лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ св. совѣщался съ епископами о мѣрахъ противодѣйствія умножившимся разбоямъ и два раза принялъ ихъ совѣтъ: сперва о смертной казни разбойникамъ, а потомъ о замѣнѣ ея вирами. Лавр. 54.

Въ 1097 году Владиміръ Мономахъ и черниговскіе князья, Давыдъ и Олегъ, рѣшили наказать Святополка-Михаила кіевскаго за участіе въ ослѣпленіи Василька и вознамѣрились напасть на него въ Кіевѣ. Кіевлянамъ это очень не понравилось. Они послали къ князьямъ соперникамъ митрополита Николу съ увѣщаніемъ не начинать войны и не губить земли Русской. Соперники послушались митрополита. Лавр. 112.

Въ 1149 году, во время войны Юрія съ кіевскимъ княземъ Изяславомъ, переяславскій епископъ Евфимій обратился къ послѣднему съ такимъ увѣщаніемъ:

«Княже! умирися съ стрыемъ своимъ, много спасенія примеши отъ Бога и землю свою избавиши отъ великія бѣды». Ипат.

Въ 1157 году Юрій Долгорукій ходѣлъ выдать Ивана Берладника врагу его, князю Ярославу, который уже и прислалъ за нимъ большую дружину. Въ это дѣло вмѣшался митрополитъ Константинъ и всѣ игумены.

«Грѣхъ ти есть, укорялъ митрополитъ князя, цѣловавши къ нему крестъ, держиши въ толицѣ нужи, а еще хощеши выдати на убійство». Ипат. 81.

Князь послушалъ, но только на половину: Ярославу Берладника не выдалъ, а послалъ его скованнаго въ Суздаль.

Лѣтописецъ, повѣствуя о бесѣдахъ вел. князя кіевскаго, Ростислава Мстиславича, съ печерскимъ игуменомъ Поликарпомъ, говоритъ, что послѣдній поучалъ его такъ:

«Вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованьи вы стояти». Ипат. 1168.

Въ 1189 году возникла ссора между кіевскимъ княземъ Рюрикомъ и Святославомъ черниговскимъ изъ-за тайныхъ сношеній послѣдняго съ венгерскимъ королемъ. Князей помирилъ митрополитъ Никифоръ, посовѣтовавъ имъ пойти войною на «иноплеменниковъ», которые завладѣли волостями Русской земли. Ипат. 138.

Въ 1195 году владимірскій князь Всеволодъ обратился къ кіевскому князю Рюрику съ просьбой уступить ему города: Треполь, Богуславль, Каневъ и др. Города эти Рюрикъ только что подарилъ зятю своему, Роману, и скрѣпилъ этотъ даръ крестнымъ цѣлованіемъ. Положеніе Рюрика было очень затруднительно; ему предстояло или нарушить договоръ съ зятемъ, или отказомъ въ уступкѣ вызвать нападеніе со стороны Всеволода. Кіевскій князь обратился къ совѣту митрополита Никифора и услыхалъ отъ него слѣдующую рѣчь:

«Княже! мы есмы приставлены въ Русской землѣ востягивати васъ отъ кровопролитья; ажь ся прольяти крови крестьянской въ Русской землѣ, ажь еси далъ волость моложьшему, въ облазнѣ предъ старѣйшимъ, и крестъ еси къ нему цѣловалъ, а нынѣ азъ снимаю съ тебе крестное цѣлованіе и взимаю на ся; а ты послушай мене, возма волость у зятя у своего, дай же старѣйшему, а Романови даси иную въ тое мѣсто». Ипат. 145.

Рюрикъ послѣдовалъ совѣту митрополита.

Въ 1311 году митрополитъ Петръ отказался благословить владимірскимъ столомъ тверского князя Дмитрія Михайловича. Русск. лѣт. III. 107.

Отъ XIV вѣка имѣемъ рядъ епископскихъ поученій

князьямъ о справедливомъ отправленіи правосудія. Митрополитъ Алексѣй наставляетъ не только бояръ и вельможъ, но и князей судить милостиво, не брать мзды и не смотрѣть на лица. На ту же тему поучаетъ и митрополитъ Фотій *).

Отъ самаго начала XV вѣка къ намъ дошло чрезвычайно любопытное посланіе Кирилла Бѣлозерскаго къ можайскому князю, Андрею Дмитріевичу. Игуменъ даетъ совѣты князю по самымъ разнообразнымъ вопросамъ суда и управленія и все это подъ угрозой отвѣтственности въ будущей жизни.

«И ты, господине, пишетъ Кириллъ, смотри того, властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ люди, господине, свои уймати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судити праведно, какъ предъ Богомъ, право, поклеповъ бы господине, не было; подметовъ бы, господине, не было: судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими... И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было, зане же, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Также, господине, мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя. А гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. Такоже, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывать своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Такоже, господине, уймай подъ собою люди отъ сквернихъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога. И аще, господине, не подщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется, понеже властитель еси своимъ людемъ отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста». А. И. I. № 16, 1408—1413.

Это цѣлая правительственная программа, предписываемая въ видахъ душевнаго спасенія и въ дополніе къ молитвѣ и посту. Предписывая князьямъ порядокъ управленія, духовенство не затруднялось освобождать подданныхъ отъ повиновенія княжескимъ уставамъ, если того требовала польза народная. Примѣръ этому даетъ митрополитъ Фотій, благо-

*) Мѣста указаны и приведены у Дьяконова, 48

словившій псковичей отмѣнить грамоту князя Константина Дмитріевича, въ вѣрномъ соблюденіи которой они цѣловали крестъ.

«И сказалъ ми, пишетъ Фотій псковичамъ, сынъ мой, князь Андрей Александровичъ, и тѣ ваши бояре, посадникъ Якимъ и Василій, что отъ тое грамоты отъ новые, отъ княжи отъ Костянтиновы Дмитріевича, христіаномъ ставится пакостно и душевредно всей вашей державѣ, а хотите держати свою старину..... А нужно будеть то новое цѣлованье христіанству, и не къ ползѣ душевной, а на пагубу, и вы бы то новое цѣлованье сложили, аще въ немъ будетъ нужа христіаномъ, и милостынею, и постомъ, и молитвою помозите себѣ въ семъ. А азъ васъ, своихъ дѣтей, благословляю порушити ту новину, нужную грамоту христіаномъ, а благословляю васъ держати вашу старину». А. И. I. № 23. 1416.

Митрополитъ Іона, во время нашествія татаръ на Русскую землю, вмѣстѣ съ послами великаго князя посылаетъ и своихъ собственныхъ пословъ къ можайскому князю, Ивану Андреевичу, съ приглашеніемъ выступить противъ царевой рати. Въ 1454 году онъ приказываетъ смоленскому епископу, Михаилу, говорить съ литовскими властями о томъ, чтобы бѣжавшій въ Литву можайскій князь не сдѣлалъ вреда владѣніямъ великаго князя. А. И. I. № 56.

Въ концѣ XV вѣка возникла въ Новгородѣ ересь жидовствующихъ. Въ началѣ, говорятъ, она имѣла сторонниковъ при дворѣ великаго князя, даже въ семьѣ его, и самъ государь не рѣшался принимать противъ еретиковъ строгихъ мѣръ: его смущала мысль, нѣтъ ли грѣха въ казни еретиковъ. Представители господствующей церкви не оставили князя въ такомъ колебаніи. Убѣдить его въ необходимости казней взялъ на себя Іосифъ Волоколамскій и сталъ дѣйствовать чрезъ духовника великаго князя. Въ письмѣ къ послѣднему онъ проводитъ мысль о томъ, что государя должно склонить къ казнямъ въ собственномъ его интересѣ, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за послабленіе еретикамъ, да и на всю землю, такъ какъ за цар-

ское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ *). Эти внушенія не остались безъ желательныхъ для волоколамскаго игумена послѣдствій.

Въ 1480 году ордынскій царь Ахматъ подступилъ къ границамъ Московскаго государства сперва со стороны Оки рѣки, а потомъ Угры. Нападеніе это не имѣло никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій: татары не перешли рѣки Угры, война ограничилась небольшими стычками; начатые Иваномъ Васильевичемъ переговоры о мирѣ также не привели ни къ какимъ результатамъ. Разсказываютъ, что нападающіе ждали только морозовъ, чтобы по льду переправиться черезъ Угру и идти къ Москвѣ. Но когда наступили морозы, татары, успѣвшіе къ тому времени обноситься, ушли восвояси. Тѣмъ не менѣе нашествіе это произвело большой переполохъ въ Москвѣ. Посады около города были сожжены; казну и жену свою осторожный царь отправилъ на Бѣлоозеро, приказавъ ей удалиться къ «окіяну морю», если Ахматъ перейдетъ «на сю страну Оки и возьметъ Москву». О царѣ распространялись въ народѣ самые невѣроятные слухи, говорили, что онъ хочетъ предать христіанство бусурманамъ, бросить отечество и убѣжать въ чужія страны. Толки эти нашли довѣрчивыхъ людей и среди духовенства. Вассіанъ, архіепископъ ростовскій, нашелъ нужнымъ написать великому князю обширное посланіе, въ которомъ находимъ такія мѣста:

«Пріиде же убо въ слухи наша, яко прежніи твои развратници не престаютъ, шепчуще въ ухо твое льстивая словеса, и совѣщаютъ ти не противитися супостатомъ, но отступити и предати на расхищеніе волкамъ словесное стадо христовыхъ овецъ! Внимай убо себѣ и всему стаду, въ немъ же тя Духъ святый постави, о боголюбивый и вседержавный царю!.. И что убо съвѣщаютъ ти лстивіи сіи и лжеименитіи, мнящеся быти хрестьяне? Токмо еже повергше щиты своя и ни мало спротивлешеся окаяннымъ симъ сыроядцемъ, предавъ хрестьянство, свое отечество, яко бѣгу-

*) Мѣсто изъ письма приведено у Дьяконова, 93.

номъ скитатися по инымъ странамъ! Помысли убо, о велемудрый государю, отъ каковыя славы въ каково безчестье сводятъ твое величество!.. И гдѣ паки отходиши, пастырю добрый, кому оставляеши насъ, яко овца, неимущи пастыря?.. Не послушай убо, государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе преложити, и бѣгуну явитися, и предателю хрестьянскому именоватися; но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженетъ тысящу, а два двигнета тмы»...

Но этимъ письменнымъ наставленіемъ по части военныхъ дѣлъ архіепископъ не успокоился. Онъ воспользовался пріѣздомъ царя въ Москву, чтобы сдѣлать ему новое публичное поученіе:

«Пріѣха же князь великій во градъ Москву (съ береговъ Оки, гдѣ онъ оставилъ все войско) и срѣте его митрополитъ, а съ нимъ владыка Васіанъ ростовскій. Нача же владыка Васіанъ злѣ глаголати князю великому, бѣгуномъ его называя, сице глаголаше: «вся кровь на тебе падетъ хрестьянская, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь, а бою не поставя съ татары и не бився съ ними! А чему боишися смерти? Не безсмертенъ еси человѣкъ, смертенъ! А безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю! А дай сѣмо вои въ руку мою, коли азъ, старый, утулю лице противъ татаръ!» и много еще глаголаше ему, а гражане роптаху на великого князя». Софійск. II, 1480.

Возбужденіе народа противъ князя, поддержанное этимъ вмѣшательствомъ духовенства въ порядокъ веденія войны, было такъ сильно, что великій князь не рѣшился остановиться въ Москвѣ въ своемъ дворцѣ, а выѣхалъ жить въ Красное сельцо.

Свое посланіе владыка начинаетъ словами: «Наше убо, государю великій, еже воспоминати вамъ, ваще же—еже послушати», и подъ «послушати», конечно, разумѣетъ не выслушать только, а подчиниться.

Митрополитъ Филиппъ не хотѣлъ вступать на митрополичью каѳедру, если царь не уничтожитъ опричнины; епископамъ едва удалось уговорить этого строгаго подвижника

принять каѳедру безусловно и дать обѣщаніе не вступаться въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ *).

Этотъ краткій перечень святительскаго вмѣшательства въ чисто свѣтскія дѣла заключимъ выпиской изъ разрядовъ за 1619 годъ:

«И великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, съ митрополиты, и съ архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходилъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи и совѣтовали о томъ: что судбами Божьими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, Московское государство отъ полскихъ и литовскихъ людей разорилось и запустѣло, а подати всякіе и емскимъ охотникомъ подмоги емлютъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дорожнымъ книгамъ, и инымъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, послѣ московскаго разоренья, будучи посыланы по городомъ, дозирали по не дружбѣ тяжело и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная» и т. д.

Государь, выслушавъ эти представленія духовенства о послѣдствіяхъ московскаго разоренія, рѣшилъ собрать соборъ, которому и предложилъ вопросъ: «какъ бы то исправить и земля устроить?» Книги разрядныя I. стол. 612.

Итакъ, со введенія христіанства и по XVII в. включительно, духовенство принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ свѣтскаго управленія. Давая князьямъ совѣты, оно подкрѣпляетъ ихъ всею силою своего духовнаго авторитета. Подчиненіе епископскимъ совѣтамъ и въ этихъ случаяхъ свѣтскаго властительства входитъ, конечно, въ сферу того послушанія и той благопокорности, за проявленіе которыхъ вселенскій патріархъ такъ хвалитъ вел. кн. Дмитрія Ивановича. Въ Греціи хорошо понимали эту руководящую роль епископовъ въ дѣлахъ свѣтской политики, а потому патріархи требовали отъ русскихъ митрополитовъ, чтобы они доносили имъ не только о церковныхъ потреб-

*) Рум. собр. I. № 193. Макарій, VI, 298.

ностяхъ, но и о дѣлахъ государственныхъ *). Насколько въ Константинополѣ вѣрно оцѣнивали вліяніе митрополитовъ на свѣтскія дѣла, видно изъ соборнаго опредѣленія, присланнаго патріархомъ Ниломъ митрополиту Пимену. Послѣ смерти митрополита Ѳеогноста произошло раздѣленіе митрополіи: вслѣдъ за св. Алексѣемъ, кандидатомъ Москвы, въ званіе митрополита былъ возведенъ и Романъ, кандидатъ литовскаго князя Ольгерда. Обсуждая этотъ фактъ, грамота говоритъ, что Ольгердъ добивался посадить на митрополичью каѳедру дружественнаго ему Романа, «подъ тѣмъ предлогомъ, будто народъ не желаетъ имѣть митрополитомъ куръ Алексія, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы, при его помощи, пріобрѣсти власть и въ Великой Руси». Совершенно вѣрная точка зрѣнія: дружественный князю митрополитъ весьма могъ способствовать расширенію и усиленію его власти **).

Переходимъ къ вопросу о томъ, какія послѣдствія возникали въ случаѣ неповиновенія князей епископскимъ поученіямъ и наказаніямъ. Святители вооружаются противъ непокорныхъ всею силою своей духовной власти: они пугаютъ ихъ угрозой потерять вѣчное спасеніе, навести своимъ непослушаніемъ на всю землю наказаніе Божіе, отлучаютъ ихъ отъ церкви и лишаютъ погребенія. Высшей инстанціей въ столкновеніяхъ князя и епископа является вселенскій патріархъ, суду котораго одинаково подлежали, какъ духовенство, такъ и князья всея Руси. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1147 году, по смерти митрополита Михаила, вел. князь кіевскій, Изяславъ Мстиславичъ, созвалъ въ Кіевѣ соборъ епископовъ и предложилъ ему избрать и поставить митрополита безъ сношенія со вселенскимъ патріархомъ. Несмотря на возраженія нѣкоторыхъ членовъ собора противъ правильности такого избранія, значительное большинство

*) См. гр. патріарха Филоѳея къ митрополиту Алексѣю въ іюнѣ 1370 г. Рус. ист. библ. VI. прилож. № 17.

**) Тамъ же, № 30, 1380 г.

епископовъ согласилось съ предложеніемъ князя, избрало и поставило митрополитомъ его кандидата, Климента Смолятича. По смерти Изяслава возстановился старый порядокъ вещей. Заклятой врагъ умершаго князя, дядя его Юрій, занявъ Кіевъ, изгналъ Климента и извѣстилъ патріарха о готовности своей принять отъ него новаго митрополита. Патріархъ поставилъ митрополитомъ всея Руси грека Константина, первымъ дѣломъ котораго, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было—предать проклятію вел. князя Изяслава.

Въ 1229 г. патріархъ Германъ писалъ кіевскому митрополиту Кириллу:

«Приказываетъ-же смиреніе наше о Дусѣ святѣмъ, съ неразрушимымъ отлученіемъ, и всѣмъ благочестивымъ княземъ и прочимъ старѣйшинствующимъ тамо, да огребаются отъ монастырскихъ и церковныхъ стязаній». Павловъ, Секуляризація церковныхъ земель, I. 6.

Въ 1280 году епископъ ростовскій Игнатій судилъ умершаго уже вел. кн. Глѣба Васильковича, нашелъ его недостойнымъ погребенія въ церкви, приказалъ выкопать и похоронить внѣ церкви (Воскр.). Митрополитъ Кириллъ не одобрилъ судъ епископа, но потому, что при жизни покойнаго онъ не исправлялъ его, а жилъ съ нимъ въ полномъ согласіи: принималъ отъ него подарки, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ. Итакъ, епископъ обязанъ былъ исправлять князя при жизни и тогда судить и наказывать. Послѣ же смерти судитъ Богъ, а не епископъ.

Въ 1311 году князь Дмитрій Михайловичъ тверской билъ челомъ митрополиту Петру «да его разрѣшитъ» *). За что наложилъ митрополитъ запрещеніе на князя и какія были послѣдствія его челобитья, мы не знаемъ. Можно думать, что причины были политическія. Въ томъ же году Дмитрій Михайловичъ хотѣлъ идти войной на Нижній Новгородъ и просилъ митрополита благословить его вла-

*) Рус. Лѣт. III.

димірскимъ столомъ, но получилъ отказъ. Послѣ этого отказа и приводится извѣстіе о запрещеніи.

Въ 1370 году смоленскій князь Святославъ и многіе другіе русскіе князья состояли въ договорѣ съ московскимъ вел. княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, но не исполнили своихъ обязательствъ и на войну противъ Ольгерда литовскаго не выступили. Митрополитъ Алексѣй отлучилъ ихъ за это отъ церкви и довелъ о рѣшеніи своемъ до свѣдѣнія патріарха. Патріархъ одобрилъ рѣшеніе митрополита и написалъ князьямъ, что и онъ:

«Имѣетъ ихъ отлученными, такъ какъ они дѣйствовали противъ священнаго христіанскаго общежитія, и объявляетъ, что они тогда только получатъ отъ него прощеніе, когда исполнятъ свои обѣщанія и клятвы, ополчившись вмѣстѣ съ вел. княземъ на враговъ креста, затѣмъ придутъ и припадутъ къ своему митрополиту и упросятъ его писать объ этомъ къ его мѣрности; и когда митрополитъ напишетъ, что они обратились и принесли истинное и чистое раскаяніе, тогда они будутъ прощены и его мѣрностію». Рус. ист. биб. VI. прилож. № 20. 1370.

Князю Святославу патріархъ пишетъ, что онъ долженъ со слезами прибѣгнуть къ своему митрополиту, прося у него прощенія. Тамъ же, № 21. 1370.

Въ 1371 году вел. кназь тверской Михаилъ подалъ патріарху Филоѳею жалобу на митрополита Алексѣя и просилъ съ нимъ суда. Изъ патріаршихъ грамотъ не видно, въ чемъ состояла претензія тверского князя, но поводы недовольства митрополитомъ у него дѣйствительно были. Въ 1368 году великій князь московскій Дмитрій Ивановичъ, пользуясь содѣйстіемъ митрополита Алексѣя, зазвалъ къ себѣ «любовью» великаго князя тверского, а на третій день перехваталъ его бояръ и заключилъ ихъ, а самого князя Михаила потребовалъ къ себѣ на судъ. Тверской князь усмотрѣлъ въ этихъ дѣйствіяхъ «измѣну, и имѣаше ненависть къ великому князю Дмитрію, паче же и на митрополита жаловашеся», говоритъ лѣтописецъ. Воскр.

Получивъ жалобу, патріархъ рѣшилъ дать князю судъ

съ митрополитомъ и послалъ къ истцу и отвѣтчику вызовъ съ назначеніемъ срока явки къ суду. Вскорѣ затѣмъ, однако, патріархъ передумалъ и рѣшилъ испытать путь примиренія. Съ этою цѣлью онъ написалъ митрополиту и князю увѣщательныя грамоты. Различія въ ихъ содержаніи чрезвычайно характерны. Патріархъ находитъ раздоры митрополита съ княземъ «соблазнительными», тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ виноватымъ только князя. Митрополиту онъ предлагаетъ «простить» его; князю же совѣтуетъ «исправиться, принести митрополиту раскаяніе и просить у него прощенія и благословенія» *). Можно подумать, что въ святительскомъ судѣ существовала презумція виновности свѣтскихъ людей предъ духовными. Какъ это ни странно на нашъ взглядъ, но такъ должно было быть въ дѣйствительности, вѣдь на епископа смотрѣли въ Константинополѣ, какъ на главу князя и всей земли.

По смерти митрополита Алексѣя, Дмитрій Ивановичъ хотѣлъ возвести на митрополитью каѳедру любимца своего, попа Митяя, а потому не призналъ кіевскаго митрополита, Кипріана, и съ безчестіемъ выгналъ его изъ Москвы. Кипріанъ предалъ князя проклятію и написалъ преподобному Сергію радонежскому и симоновскому игумену, Ѳедору, грамоту, въ которой находимъ слѣдующее характерное мѣсто:

«И аще міряне блюдутся князя, за неже у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатьства, и того не хотять погубити (яко и самъ Спасъ глаголеть удобь: «есть вельблуду сквозѣ иглинѣи уши проити, неже богату въ царство небесное внити») вы же, иже міра отреклися есте и иже въ мірѣ и живете единому Богу, како, толику злобу видивъ, умолчали есте? Аще хощете добра души князя великаго и всей отчине его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежы своя, глаголали бы есте предъ цари нестыдяся: аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили, и вы святи! Не вѣсте ли, яко грѣхъ людскій на князя и

*) Рус. ист. библ. VI, прилож. 26—29, 1371.

княжьскій грѣхъ на люди нападаетъ? Не вѣсти ли писаніе, глаголюще, яко аще плотьскыхъ родитель клятва на чада чадомъ падаетъ, колми паче духовныхъ отецъ клятва и та сама основанія подвижетъ и пагуби предаетъ? Како же ли молчаніемъ преминуете, видяще мѣсто святое поругаемо, по писанію, глаголющему: мерзость запустенія стояще на мѣстѣ святѣ?»

Затѣмъ напоминаетъ правила о поставленіи епископовъ, изверженіи и отлученіи неправильно поставленныхъ и ихъ пособниковъ.

Митрополитъ крайне удивленъ, какъ это преподобный Сергій и игуменъ Ѳедоръ, видя беззаконіе князя, молчали, и напоминаетъ имъ о важности священнической клятвы и законности ея въ данномъ случаѣ. Онъ, конечно, имѣетъ въ виду исправленіе князя, а потому и говоритъ, что препод. Сергій и игуменъ Ѳедоръ не должны были молчать, если бы хотѣли добра душѣ вел. князя и всей отчинѣ его, такъ какъ княжескій грѣхъ переходитъ на людей, а людской на князя. Въ концѣ грамоты прописано и проклятіе въ слѣдующей формѣ, безъ наименованія князя:

«То Богъ вѣдаетъ, что любилъ есть отъ чистаго сердца князя великаго Дмитрія, и добра ми было хотѣти ему и до своего живота. А понеже таковое бещестіе возложили на мене и на мое свѧтительство: отъ благодати данныя ми отъ пресвятыя и живоначальныя Троица, по правиламъ святыхъ отецъ и божественныхъ апостолъ, елици причастни суть моему иманію, и запиранію, и бещестію, и хуленію, елицы на томъ свѣтъ свѣщали, да будутъ отлучени и не благословеніи отъ мене Кипріана, митрополита всея Руси, и прокляти по правиломъ святыхъ отецъ, и кто покусится сію грамоту сжещи, или затаити, и тотъ таковъ.» Рус. ист. библ. VI, № 20, 1378.

Отъ самаго начала XV вѣка имѣемъ два поученія митрополита Фотія вел. князю Василію Дмитріевичу. Вступивъ въ 1410 г. на каѳедру, митрополитъ нашелъ домъ митрополичій опустошеннымъ, владѣнія расхищенными князьями и боярами; нѣкоторыми доходами митрополіи пользовалась

даже великокняжеская казна *) Съ цѣлью возвращенія разхищеннаго онъ и написалъ два посланія великому князю. Митрополитъ обращаетъ вниманіе князя на важность священства въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ: цари побѣждали враговъ своихъ не силою оружія, а молитвами священниковъ; и особенно останавливается на распоряженіяхъ императора Мануила Комнина о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Онъ приписываетъ ему слѣдующее заклятіе:

«...Кто... или намѣстникъ, или судія или вельможи царства моего... презрить (мои распоряженія) или изобидить, или посужати начнеть (церковныя имущества), первѣе же святыа Троици свѣта и милости, егда предстанетъ страшному судищу, да не узрить и да отпадеть отъ христіанскія части, яко же Іуда отъ двнадесятнаго числа апостольскаго; къ сему же и клятву да пріиметь иже отъ вѣка усопшихъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богоносныхъ отець».

И затѣмъ продолжаетъ отъ себя, обращаясь къ князю:

«Тѣмъ же устрашаюся азъ, о любезный мой сыну, да не услышимъ гласа онаго и отвѣта глаголюща: «яко же не послушасте гласа Моего и заповѣди Моя не сохранисте, но дадосте выю жестоку, гордостну, непокориву, такоже будеть, егда призовете Мя, Азъ же не призрю на молитву вашу, ниже послушаю васъ». Рус. ист. библ. VI, № 35.

Митрополитъ не проклинаетъ похитителей церковнаго имущества, но ясно даетъ понять князю, что невозвратившіе похищеннаго не унаслѣдятъ жизни вѣчной.

Съ конца XV вѣка или съ самаго начала XVI вѣка у насъ начинаютъ, по примѣру новогородской епархіи, включать въ чинъ православія или синодикъ, ежегодно возглашаемый на первой недѣлѣ великаго поста, слѣдующее общее анаѳематствованіе всѣмъ властямъ, а слѣдовательно и князьямъ:

«Вси начальствующіи и обидящіи святыя Божіи церкве и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и ви-

*) Макарій, Исторія, VI. 87.

нограды, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты». Павловъ, Секуляризація, I, 51.

Въ 1537 году митрополитъ Даніилъ отправилъ архіепископа сарскаго Досиѳея и архимандрита симонова монастыря Филоѳея къ старицкому князю Андрею Ивановичу съ приглашеніемъ пріѣхать въ Москву для оказанія покорности великому князю. Если же князь Андрей «не послушаетъ, ѣхать не похочетъ, а станетъ жестоко отвѣчивати которыя рѣчи», въ этомъ случаѣ митрополитъ приказалъ архіепископу предать князя проклятію. Рум. собр. III № 32.

Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, патріархъ Никонъ угрожалъ царю Алексѣю Михайловичу отчитать его отъ православія передъ восточными патріархами, на томъ основаніи, что онъ находилъ въ немъ «мало христіанства». Макарій, XII. 412, 717.

Требуя отъ князей подчиненія своимъ наставленіямъ и наказаніямъ, духовенство вмѣстѣ съ тѣмъ поучало народъ чтить князей: «Бога бойтесь, князя чтите», постоянно слышалъ онъ изъ его устъ. Лука Жидята въ поученіи къ народу говоритъ: «Бога бойтесь, князя чтите; мы рабы во первыхъ Бога, а потомъ государя». Подробнѣе развиваетъ ту же мысль князь-инокъ, Вассіанъ Патрикѣевъ:

«Добра своимъ государямъ во всемъ желайте, говоритъ онъ; за нихъ слѣдуетъ и умирать, и жизнь свою полагать, какъ за православную вѣру, потому что Богомъ все предано свыше его помазанику, царю и вел. князю, Богомъ избранному, которому Богъ даетъ власть надъ всѣми и отъ всего міра».

Но, согласно установившемуся въ Византіи взгляду, почитаніе свѣтской власти обусловливалось ея православіемъ. Князь почитался не просто, какъ представитель верховной власти, а какъ слуга Божій, защитникъ и покровитель православія. Почитаніе свѣтской власти имѣло, такимъ образомъ, свой предѣлъ. Мысль о подчиненіи только православнымъ царямъ высказана патріархомъ Антоніемъ въ извѣстномъ уже намъ посланіи его къ вел. князю Василію Дмит-

ріевичу. Сказавъ о тѣсномъ союзѣ царства и церкви, онъ продолжаетъ такъ:

«Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія».

Митрополитъ Кипріанъ, въ приведенной уже нами грамотѣ препод. Сергію и игум. Ѳедору, высказываетъ мысль, что если міряне не выходятъ изъ повиновенія князю, видя его беззаконныя дѣйствія, и молчатъ, то дѣлаютъ они это изъ страха, не желая лишиться женъ и дѣтей, стяжаній и богатствъ своихъ; за то, прибавляетъ митрополитъ, легче верблюду проидти чрезъ ушко иглы, чѣмъ богатому войдти въ царствіе Божіе. Итакъ, по мнѣнію митрополита Кипріана, повиновеніе подданныхъ беззаконому князю лишаетъ ихъ царства небеснаго.

Митрополитъ Даніилъ проводитъ мысль о неповиновеніи нечестивымъ царямъ и учитъ, что подобаетъ покоряться властямъ лишь «Божіе повелѣніе творящимъ», что повиноваться властямъ, какъ Богу. обязательно для людей лишь тогда, «аще по закону Божію начальство имъ есть»; если же власти что либо «внѣ воли Господни повелѣваютъ намъ, да не послушаемъ ихъ» *).

Ту же мысль о повиновеніи только православному царю надо видѣть и въ посланіи митрополита Макарія Ивану Грозному по поводу казанскаго похода:

«Аще царево сердце въ рукѣ Божіи, то всѣмъ подобаетъ, по волѣ Божіи, по царскому повелѣнію ходити и повиноватися со страхомъ и трепетомъ». А. И. I № 160, 1552.

Съ особой силой высказываетъ эту мысль ревностный гонитель жидовствующихъ и горячій защитникъ права монастырей на недвижимости, игуменъ волоколамскій Іосифъ.

Если царь надъ собою «иматъ царствующи скверныя

*) У Дьяконова, 128.

страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ — невѣріе и хулу»—такой царь «не Божій слуга, но діаволъ, и не царь, но мучитель». Дьяконовъ, 95.

Мы изобразили взгляды нашей духовной іерархіи *) на ея отношенія къ свѣтской власти и должны сказать, что положеніе княжеской власти по отношенію къ духовной, съ этой точки зрѣнія, было весьма безпомощное и очень мало походило на положеніе византійскаго императора. Ви-

---

*) Во II главѣ сочиненія г. Дьяконова «Власть московскихъ государей» одинъ отдѣлъ озаглавленъ: «Ученіе объ обоготвореніи власти, 41—42». Въ доказательство обоготворенія власти князей въ древности авторъ приводитъ мѣсто лѣтописи подъ 1175 г. и нѣсколько выраженій изъ поученія князьямъ о судѣ, неизвѣстнаго автора. Цѣли г. Дьяконова и наши очень различны. Онъ имѣетъ въ виду выяснить въ своей II главѣ политическія темы древней русской письменности вообще, мы же—лишь взгляды духовной іерархіи на ея отношенія къ свѣтской власти, поэтому для насъ не имѣютъ значенія ни слова лѣтописца подъ 1175 г., ни заимствованныя изъ разныхъ мѣстъ выраженія неизвѣстнаго автора поученія о судѣ.—Впрочемъ, независимо отъ различія нашихъ цѣлей, едва ли г. Дьяконовъ достаточно доказалъ наличность обозначенной имъ въ оглавленіи темы. Въ лѣтописи подъ 1175 г. о князѣ говорится, что онъ «властью сана яко Богъ», а въ слѣдующей строкѣ тотъ же князь названъ «слугою Божіимъ». Если тутъ и есть приравненіе князя Богу съ точки зрѣнія довѣренной ему власти, то все же онъ остался слугой Божіимъ и не сдѣлася Богомъ. Еще менѣе удаченъ выборъ мѣстъ изъ поученія неизвѣстнаго автора. Этотъ авторъ обличаетъ общественныя язвы и упрекаетъ неизвѣстнаго намъ князя въ томъ, что онъ не наказываетъ неправедныхъ судей, «любя беззаконныя прибытки и тѣхъ дѣля напустивъ злаго судію на люди». Въ виду такой дѣятельности князей, неизвѣстный авторъ говоритъ словами Ефрема Сирина: «Бози бывше, измрете яко человѣцы, и во пса мѣсто въ адъ сведени будете». Намъ кажется, что поученіе такого характера весьма плохая пропаганда обоготворенія предержащей власти, а между тѣмъ г. Дьяконовъ на стр. 42 выписанныя нами слова Ефр. Сирина, между прочимъ, приводитъ въ доказательство «продолжающейся пропаганды этого ученія». Надо прибавить, что и самъ г. Дьяконовъ признаетъ «безпочвенность этого ученія».

зантійскій императоръ пріобщался къ священству и признавался «внѣшнимъ епископомъ». Онъ издавалъ указы, въ которыхъ обязывалъ исповѣдывать христіанскіе догматы. Онъ низвергалъ и предавалъ анаѳемѣ патріарховъ. Объ обязанности подчиненія императора «поученіямъ и наказаніямъ» епископовъ не могло быть и рѣчи, точно также, какъ о ихъ судѣ надъ нимъ. Иначе у насъ, князья—ученики духовенства и не только въ духовныхъ вещахъ, но и во многихъ свѣтскихъ. Учителей своихъ они должны слушать, иначе имъ угрожаетъ кара Божія. Въ случаѣ столкновенія съ ними, они подлежатъ суду патріарха, какъ высшей инстанціи. Сколько нибудь точно опредѣлить дѣла, въ которыхъ духовенство выступало необходимымъ совѣтникомъ князя, не представляется возможности, точно также, какъ невозможно опредѣлить и юридическое значеніе его совѣтовъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что значеніе этихъ необходимыхъ и самовольныхъ совѣтниковъ было очень велико. Припомнимъ наставленія духовенству митрополита Кипріана: духовенство не должно молчать предъ княземъ, если видитъ его неправильно дѣйствующимъ; оно должно усовѣщивать его въ собственномъ его интересѣ и интересѣ всей земли, ибо грѣхи князя падаютъ на весь народъ; оно не должно останавливаться въ своихъ совѣтахъ и передъ страхомъ смерти, ибо ничего не теряетъ, а только выигрываетъ: «аще быша васъ убили, и вы святы», поучаетъ митрополитъ. Если мы примемъ въ соображеніе преобладающее значеніе религіи въ исторіи того времени, значеніе этихъ необходимыхъ и самовольныхъ совѣтниковъ представится намъ во всей его подавляющей силѣ. Каждый священникъ былъ уже совѣтникъ. Совѣтники эти являлись къ князю то по одиночкѣ, то по нѣсколько вмѣстѣ, то, наконецъ, въ формѣ цѣлаго собора.

Переходимъ къ практикѣ отношеній представителей свѣтской власти къ представителямъ духовной. Практика эта

была очень разнообразна. Не будучи опредѣлена закономъ, она условливалась различіемъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ политическихъ убѣжденій. Князья и епископы не всегда были въ отношеніяхъ согласія, любви и мира иногда дѣло доходило и до борьбы, проявлявшейся въ весьма суровыхъ формахъ. Тѣмъ не менѣе внѣшнее проявленіе чувствъ уваженія и почтенія князей къ духовнымъ сановникамъ составляетъ обычную и преобладающую черту нашей древности.

Высшему представителю церковной власти, обыкновенно, усвоялся со стороны князей почетнѣйшій титулъ нашей древности, наименованіе отца. Договорныя грамоты князей, обыкновенно, начинаются такъ: «По благословенію отца нашего (имя) митрополита» *). Митрополиты, съ своей сто-

*) У проф. Иконникова въ Опытѣ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869, на стр. 360 читаетъ: «До временъ вел. кн. Василія Дмитріевича государственныя грамоты обыкновенно подписывались: «По благословенію отца нашего митрополита»; но Василій Дмитріевичъ впервые употребилъ форму: «Божіею милостью». Постоянно же эта форма употребляется со временъ Василія Темнаго». Можно подумать, что Василій Дмитріевичъ старую формулу замѣнилъ новой, которая съ Василія Темнаго и вошла въ общее употребленіе. Ничего такого у насъ не произошло. Отъ царствованія Василія Васильевича, дѣйствительно, сохранилось нѣсколько договорныхъ грамотъ, которыя начинаются словами: «Божіею Милостью» и о благословеніи отца митрополита не упоминаютъ. Но это объясняется очень просто. Всѣ эти грамоты выпадаютъ на время съ 1433 по 1448 годъ. Въ 1433 г. митрополитомъ былъ поставленъ Исидоръ, сторонникъ флорентійской уніи, Василіемъ Васильевичемъ не признанный; въ 1441 г. онъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ, а вслѣдъ за тѣмъ, до поставленія въ митрополиты рязанскаго епископа Іоны, въ 1448 году, митрополита у насъ вовсе не было. Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 1433 по 1448 г., за отсутствіемъ митрополита, не могло быть и его благословенія въ грамотахъ. Но первая грамота, дошедшая отъ Василія Васильевича и написанная при митрополитѣ Фотіѣ, начинается такъ: «По благословенію отца нашего Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Руси». И всѣ грамоты съ поставленія Іоны пишутся съ его благословенія въ такой формѣ: «Божіею милостью и пречистыя его Богоматери и по благословенію отца нашего Іоны, митрополита кіев-

роны, въ грамотахъ своихъ называютъ князей сыновьями. Митрополитъ Іона въ посланіи къ новгородскому архіепископу, Евѳимію, называетъ великаго князя, Василія Васильевича, «сыномъ нашимъ», архіепископа же «братомъ и сыномъ». А. И. I. № 53. 1452. Такимъ образомъ, по понятіямъ о чести XV вѣка, великій князь былъ не только честью ниже митрополита, но и архіепископа новгородскаго, по крайней мѣрѣ такъ съ точки зрѣнія митрополита Іоны. Государь, какъ почтительный сынъ, служитъ митрополиту за столомъ въ тѣ дни, когда митрополитъ у него обѣдаетъ *). Этотъ порядокъ вещей переходитъ и въ XVII вѣкъ. Московскій царь, Алексѣй Михайловичъ, самъ подносилъ патріарху ѣству и кубокъ на панахидномъ обѣдѣ и самъ водилъ подъ нимъ осла въ Вербную субботу **). Подложныя предписанія вѣна Константинова нашли у насъ воспріимчивую почву.

Въ силу значительнаго распространенія въ нашемъ древнемъ обществѣ мысли о преимуществѣ монашества передъ мірскими людьми и о большей доступности вѣчнаго спасенія иноческому чину, князья оказывали особое уваженіе и всей монашествующей братіи. Есть случаи пріобщенія князей къ монашескому чину въ послѣднія минуты жизни. Вел. князь кіевскій, Ростиславъ Мстиславичъ, объявляетъ игумену Поликарпу о своемъ желаніи принять постриженіе; князь суздальскій, Константинъ Васильевичъ, умеръ «во иноцехъ и въ схимѣ»; также принялъ схиму передъ смертію и великій князь московскій, Василій Ивановичъ.

скаго и всея Руси». Въ такой же формѣ пишутся грамоты и во все царствованіе Ивана Васильевича и также написана единственная договорная грамота Василія Ивановича въ 1531 году. Румян. собр. I.

*) «Лѣта 7067 апрѣля въ 25 день, память царя и великаго князя казначеемъ Ѳедору Ивановичу Сукину да хозяину Юрьевичу Тютину. Въ которой день живетъ панихида большая, митрополитъ у государя за столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ, и въ той день смертною и торговою казнію вамъ въ своемъ приказѣ казнити не велѣти ни кого». А. И. I. № 154.

**) Дворц. разр. III. 7183 г. столб. 1304, 1345.

Великій князь предчувствовалъ, однако, что найдутся противники постриженія, а потому за нѣсколько дней до смерти сказалъ митрополиту Даніилу: «Аще ли не дадутъ мене постричи, но на мертваго мене положите платье чернеческое; бѣ бо издавна желаніе мое». Опасенія князя не были напрасны. Совершенію обряда воспротивились старицкій князь Андрей Ивановичъ, братъ умирающаго государя, и бояринъ Мих. Сем. Воронцовъ. За споромъ едва успѣли совершить постриженіе, монашескими же одеждами пришлось лишь покрыть тѣло умирающаго.

Иванъ Грозный также признавалъ превосходство иноковъ и жаждалъ ихъ поученія; въ посланіи къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря онъ писалъ:

«Азъ братъ вашъ не достоинъ есмь нарещися, но по еу—ангелскому словеси сотворите мя, яко единаго отъ наемникъ своихъ! Тѣмъ же припадаю честныхъ ногъ вашихъ стопамъ и милъ ся дѣю. Писано бо есть: свѣтъ инокамъ — ангели, свѣтъ же міряномъ — иноки. Ино подобаетъ вамъ, нашимъ государемъ, и насъ заблуждьшихъ во тьмѣ гордости и сѣни смертнѣй прелести тщеславія... просвѣщати...» А. И. I. № 204. 1578.

Предъ смертью и царь Иванъ нашелъ необходимымъ постричься въ монашество. Онъ былъ погребенъ подъ именемъ инока Іоны. Макарій, VI. 314.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого отношенія князей къ иноческому чину является то, что князья сами просятъ чернецовъ о наставленіяхъ и принимаютъ ихъ совѣты даже по дѣламъ чисто свѣтскимъ, по вопросамъ войны и мира. Отъ конца XIV вѣка къ намъ дошло посланіе игумена Бѣлозерскаго монастыря, Кирилла, къ вел. князю Василію Дмитріевичу. Изъ этого посланія узнаемъ, что князь самъ обратился къ игумену съ «моленіемъ» о наставленіи. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ преп. Кириллъ:

«Ты, господине, князь великій всея земля Русскія, смиряяся, ко мнѣ посылаешь грѣшному и страстному и недостойному... и ты отъ толикія славы міра сего преклонися

смиреніемъ къ нашей нищетѣ..... моленіе посылаеши ко мнѣ, не могущему и о своихъ грѣсѣхъ Бога умолити».

Самое моленіе великаго князя до насъ не дошло, но изъ отвѣта преп. Кирилла узнаемъ, что оно касалось не однихъ только грѣховъ, но и взаимныхъ княжескихъ отношеній, потому, можетъ быть, что въ этихъ отношеніяхъ было тоже не безъ грѣха. Преп. Кириллъ находитъ нужнымъ коснуться этихъ отношеній и дать вел. князю слѣдующее наставленіе:

«Да слышелъ есми, господине князь великій, говоритъ онъ, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими, князми суздальскими. Ты, господине свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою; и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ по ихъ мѣрѣ; за неже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили». А. И. I. № 12.

Въ послѣднихъ словахъ можно видѣть даже нѣкоторый укоръ политикѣ Василія Дмитріевича.

Митрополиты дѣлаютъ князьямъ поученія и тогда, когда ихъ о томъ никто не проситъ, и князья покорно принимаютъ эти поученія и благодарятъ за нихъ. Примѣръ этому даетъ даже царь Иванъ Васильевичъ. Во время нахожденія его въ казанскомъ походѣ, митрополитъ Макарій написалъ ему посланіе, въ которомъ не только молитъ Господа Бога о ниспосланіи побѣды и одолѣнія на враговъ имени Христова, но и говоритъ царю, что ему «подобаетъ добрѣ, и храбрски, и мужески подвизатися» и молитъ его «самому подвизатися» и пребыть «въ чистотѣ, и въ смиреніи, и въ мудрости, и въ цѣломудріи, и покояніи, и въ прочихъ добродѣтелехъ». «Мнози бо праведницы, говоритъ святитель, и сильніи, и храбріи, и святіи цари отъ гордости и піянства

падоша», и приводитъ примѣръ праведныхъ Ноя и Лота, какъ они, упившись, пали, и другіе поучительные изъ ветхаго и новаго завѣта. «Елико великъ еси, толико смиряй себе, поучаетъ царя митрополитъ, поминай рекшаго: при славѣ буди смиренъ, при печали же мудръ, но и паче же поминай, царю, Спасово еуангельское слово, яко всякъ возносяйся смирится, и смиряйся вознесется». Несмотря на всѣ эти прозрачные намеки на безпорядочную жизнь царя во время похода, Иванъ Васильевичъ благодарилъ митрополита за его «просвѣщенныя словеса» и билъ челомъ о молитвахъ.

Такое высокое положеніе духовныхъ властей давало имъ возможность въ значительной мѣрѣ вліять на общественныя дѣла древней Руси и они дѣйствительно вліяли. Мы уже знаемъ, что Владиміръ святой призывалъ епископовъ на совѣтъ по вопросамъ общественнаго благоустройства и слѣдовалъ ихъ указаніямъ. Его церковный уставъ, конечно, написанъ согласно волѣ и указаніямъ епископовъ; такъ возникъ порядокъ вещей, имѣвшій силу до второй половины XVII вѣка. Изъ исторіи княжескихъ отношеній мы знаемъ, насколько судьба древнихъ княженій была неустойчива. Князья говорили: «миръ стоитъ до рати, рать до мира; уладимся либо миромъ, либо войной» и легко переходили отъ состоянія мира къ состоянію войны. Въ этой повседневной борьбѣ князей духовныя власти принимали дѣятельное участіе частью по просьбѣ заинтересованныхъ, частью по собственной иниціативѣ. Участіе это проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Епископы привлекались, обыкновенно, князьями къ содѣйствію въ заключеніи ихъ мирныхъ договоровъ. Содѣйствіе это состояло въ томъ, что они благословляли миръ и приводили князей къ присягѣ въ вѣрномъ соблюденіи его условій. Епископы становились, такимъ образомъ, блюстителями мира въ руской землѣ. Что касается содержанія мирныхъ договоровъ, то нѣтъ основанія думать, что бы они вносили въ договоры какія либо свои начала. Клятвою оди-

наково скрѣплялись всевозможные договоры и между всевозможными лицами, въ какихъ бы родственныхъ отношеніяхъ они ни состояли. Присягою князей и своимъ благословеніемъ епископы скрѣпляли всякій миръ; въ случаѣ его нарушенія, они могли налагать отлученіе на клятвопреступника. Въ 1146 году черниговскіе князья, Давыдовичи, цѣловали крестъ къ Ольговичамъ, Игорю и Святославу. Приводившій ихъ ко кресту черниговскій епископъ, Онуфрій, обратился къ своимъ пресвитерамъ съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Аще кто сего крестнаго цѣлованія съступить, да проклятъ будетъ Господьскима 12 праздникома». Ипат.

Епископы становились, такимъ образомъ, необходимыми судьями князей въ вѣрномъ соблюденіи ими договорныхъ обязательствъ. Мы уже знаемъ, что нарушенія договоровъ встрѣчались часто. Случаевъ примѣненія духовной кары къ столкновеніямъ, возникавшимъ изъ княжескихъ договоровъ, было, поэтому, не мало. Но нерѣдко духовныя власти проходили ихъ совершеннымъ молчаніемъ, можетъ быть по трудности найти виновнаго. Бывали, однако, и случаи, въ которыхъ они высказывались о послѣдствіяхъ нарушенія клятвы. При этомъ въ практикѣ духовныхъ властей обнаружилось два направленія. Однѣ думали, что крестное цѣлованіе должно быть исполнено во всякомъ случаѣ и что нарушеніе его есть отреченіе отъ Бога.

«Лучше тебѣ, писалъ вселенскій патріархъ Филоѳей къ тверскому князю Михаилу, не преступивъ крестнаго цѣлованія, умереть тѣлесно, нежели, преступивъ оное, умереть душевно и жить тѣлесно». Рус. ист. библ. VI. № 29. 1371.

Того же мнѣнія держался и печерскій игуменъ Поликарпъ, который поучалъ князя Ростислава «въ крестномъ цѣлованіи стояти». Встрѣчаются и князья, которые, на соблазнительныя предложенія выступить изъ крестнаго цѣлованія, отвѣчали отказомъ, говоря «душею не можемъ играти». Необходимымъ слѣдствіемъ такого взгляда является отлученіе

отъ церкви князей, выступившихъ изъ крестнаго цѣлованія, примѣры чего встрѣчаются въ нашей исторіи. Митрополитъ Алексѣй изрекъ отлученіе противъ вел. князя смоленскаго Святослава и многихъ другихъ русскихъ князей за неисполненіе договора съ Дмитріемъ Ивановичемъ, по которому они обѣщали помогать ему въ войнѣ противъ литовскаго князя Ольгерда. Это отлученіе подтвердилъ и вселенскій патріархъ Филоѳей. Митрополитъ Іона со всѣмъ Божіимъ священствомъ отлучилъ кн. Дмитрія Юрьевича за нарушеніе договора къ вел. князю Василію Васильевичу. А. Э. I. № 372.

Но рядомъ съ такимъ взглядомъ на безусловную неизмѣнность крестнаго цѣлованія у насъ проводился и другой. Нѣкоторые духовные отцы находили, что лучше «преступить крестное цѣлованіе, нежели кровь пролить христіанскую». Такъ думалъ игуменъ св. Андрея, Григорій, и весь соборъ іереевъ, созванный въ 1128 году; такъ думалъ и митрополитъ Никифоръ. Если изъ соблюденія договора могла возникнуть война, духовенство, усвоившее послѣдній взглядъ на клятву, совѣтывало князю не начинать войны, и для упокоенія его совѣсти принимало на себя грѣхъ клятвопреступленія. Цѣль эта не всегда, однако, достигалась. О князѣ Мстиславѣ, нарушившемъ свое клятвенное обѣщаніе по совѣту собора мѣстныхъ іереевъ, лѣтописецъ говоритъ, что онъ «плакася того вся дни живота своего». Съ XIV вѣка, въ интересахъ усиливающейся власти московскихъ государей, это освобожденіе князей отъ принятыхъ ими на себя клятвенныхъ обѣщаній дѣлается явленіемъ весьма обыкновеннымъ. Одинъ и тотъ же епископъ благословляетъ союзъ удѣльнаго князя съ великимъ княземъ московскимъ и освобождаетъ этого удѣльнаго отъ всѣхъ клятвенныхъ обязательствъ, раньше имъ на себя принятыхъ, и въ тоже время произноситъ отлученіе противъ князей, неисполнившихъ своихъ обязательствъ по отношенію къ вел. князю московскому. Въ этомъ случаѣ русскіе епископы оказываютъ весьма существенную поддержку московскимъ государямъ, хотя

дѣйствуютъ и несогласно съ мнѣніемъ своего духовнаго начальства, вселенскаго патріарха Филоѳея.

Но епископы не только блюдутъ о сохраненіи состоявшагося уже мира, они принимаютъ дѣятельное участіе въ самомъ заключеніи мира, склоняя къ нему воюющія стороны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1136 году, во время княженія Ярополка въ Кіевѣ, возгорѣлась война между Владиміровичами и черниговскими князьями Ольговичами, которымъ Ярополкъ не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки. Не смотря на то, что всѣ Владиміровичи дѣйствовали за одинъ и Ярополку помогали Вячеславъ, Юрій и Андрей, они потерпѣли пораженіе и принуждены были укрыться въ своихъ городахъ. Начатые переговоры о мирѣ не удались. Тогда вступилъ въ дѣло митрополитъ Михаилъ. Онъ «сталъ, по выраженію лѣтописи, ходить съ крестомъ между противниками» и успѣлъ склонить Ярополка къ уступкамъ. Ярополкъ отдалъ Ольговичамъ все, чего они хотѣли:

«Убоявся суда Божія, сотворися мній въ нихъ, хулу и укоръ пріяна ся отъ братьѣ своея и отъ всихъ, по рекшему: любите враги ваши». Ипат.

Миръ заключенъ противъ совѣта братьевъ и всѣхъ свѣтскихъ совѣтниковъ, но согласно евангельской заповѣди: любите враговъ вашихъ. Митрополитъ ходилъ со крестомъ не напрасно: это его миръ.

Въ 1138 году, по смерти Ярополка, кіевскій столъ занялъ братъ его, Вячеславъ. Митрополитъ Михаилъ встрѣтилъ его съ честью и посадилъ на столѣ прадѣда его, Ярослава. Но съ этимъ не хотѣлъ примириться недавній противникъ Ярополка, Всеволодъ Ольговичъ черниговскій. Митрополитъ «смирилъ ихъ и утвердилъ честнымъ крестомъ», говоритъ лѣтописецъ. Это замиреніе враждующихъ состояло въ томъ, что митрополитъ убѣдилъ Вячеслава уступить занятой уже имъ Кіевъ предпріимчивому Всеволоду. Митрополитъ сдѣлалъ это, несмотря на то, что самъ нѣсколько дней тому назадъ привѣтствовалъ Всеволода на кіевскомъ столѣ. Лавр. Митро-

политъ хорошо понималъ, что Вячеславу не одолѣть Всеволода, а потому и убѣдилъ его отказаться отъ занятаго уже княженія.

Въ 1226 году Юрій Всеволодовичъ съ племянниками своими отправился помогать черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу въ войнѣ его противъ Олега, князя курскаго, но «по смотрѣнію Божію приключися ту быти митрополиту Кириллу... и сотвори миръ»... Лавр.

Подъ 1296 годомъ въ Троицкой лѣтописи читаемъ:

«Бысть нелюбье межи князи: Андреемъ, вел. княземъ, Иваномъ переяславскимъ, Даніиломъ московскимъ и Михаиломъ тверскимъ, и сведе ихъ въ любовь владыка Симонъ и владыка Измайло».

Подъ 1301:

«Заратися Иванъ князь да Константинъ, смири ихъ владыка Симеонъ».

Въ 1329 году ханъ золотой Орды потребовалъ отъ Ивана Даниловича Калиты выдачи тверского князя Александра Михайловича, нашедшаго себѣ пріютъ въ вольномъ городѣ Псковѣ. Вел. князь отправилъ къ нему пословъ съ приглашеніемъ пойти въ Орду. Но псковичи воспротивились отъѣзду князя, они говорили ему: «не ходи въ Орду, и аще что будетъ на тебѣ, то изомремъ съ тобой во единомъ мѣстѣ». Вел. князь рѣшилъ взять силою Александра и выступилъ противъ него съ войскомъ и союзниками Но псковичи «твердо яшася по князи Александрѣ». Видя это, Иванъ Даниловичъ перемѣнилъ политику и обратился къ содѣйствію митрополита Ѳеогноста. Митрополитъ изрекъ проклятіе на князя Александра и на всѣхъ псковичей. Тогда тверской князь уступилъ и уѣхалъ въ Литву. Воскр.

Такую же услугу оказалъ вел. князю Дмитрію Ивановичу митрополитъ Алексѣй. Въ 1364 году возникла рознь между нижегородскими князьями, Дмитріемъ и Борисомъ Константиновичами. Великій князь московскій принялъ сторону старшаго, Дмитрія, и звалъ къ себѣ въ Москву Бориса въ

цѣляхъ соглашенія. Борисъ не послушалъ призыва и не поѣхалъ. Тогда на помощь московскому вел. князю выступилъ митрополитъ Алексѣй. Онъ послалъ въ Нижній преподобнаго Сергія, троицкаго игумена, и приказалъ ему всѣ церкви затворить и пріостановить общественное богослуженіе. Князь Борисъ покорился передъ тяжестію этой духовной кары, постигшей его подданныхъ, сталъ просить мира у брата и уступилъ ему Нижегородское княженіе.

Послѣ заключенія мира между вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ и его противникомъ Дмитріемъ Шемякою, по которому послѣдній обязался не думать на вел. князя никакого лиха подъ страхомъ церковнаго неблагословенія, митрополитъ Іона нашелъ нужнымъ написать посланіе «благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ, и паномъ, и бояромъ, и намѣстникомъ, и воеводомъ, и всему купно христоименитому Господню людству». Подъ страхомъ церковнаго неблагословенія онъ приглашаетъ всѣхъ къ вѣрности вел. князю. Форма, въ которой выражено это приглашеніе, чрезвычайно характерна для того времени. Митрополитъ увѣщаетъ православныхъ христіанъ, чтобы они:

«Пощадѣли себе, не токмо тѣлеснѣ, но паче душевнѣ.... и посылали бы есте и били челомъ своему господарю, великому князю, о жалованьи, какъ ему Богъ положитъ на сердце». А. И. I № 43.

Итакъ, всѣ должны просить государя о жалованьи и удовольствоваться тѣмъ, что онъ дастъ. Это во избѣжаніе кровопролитія:

«А не имете бити челомъ своему господарю, вел. князю, къ конечной своей погибели, а затѣмъ кровь христіанская прольется, и та кровь христіанская на васъ»...

Что же это за челобитье о жалованьи, послѣдствіемъ непринесенія котораго можетъ быть пролитіе крови? Митрополитъ разумѣетъ челобитье князей, бояръ и т. д. о принятіи ихъ на службу великаго князя. Если всѣ поступятъ на службу вел. князя, у Дмитрія Шемяки слугъ не будетъ и

воевать ему будутъ нельзя, а, слѣдовательно, не будетъ и кровопролитія. Поступающихъ же на службу князья жалуютъ. Челобитье о жалованьи—метафора, въ XV вѣкѣ всѣмъ хорошо понятная. Митрополитъ Іона, требуя отъ всѣхъ поступленія на службу вел. князя подъ страхомъ церковнаго не благословенія, оказываетъ ему могущественную поддержку въ возможной и въ будущемъ борьбѣ съ Шемякой.

Наконецъ, епископы смягчаютъ жестокія послѣдствія княжескихъ междоусобій. Въ 1101 году началъ войну противъ кіевскаго князя, Святополка-Михаила, племянникъ его, Ярославъ Ярополчичъ, но потерпѣлъ неудачу, былъ взятъ въ плѣнъ, лишонъ свободы и закованъ въ желѣзо. Митрополитъ Николай принялъ въ немъ участіе и упросилъ князя возвратить ему не только свободу, но и часть владѣній, обязавъ его договоромъ. Лавр.

Въ виду такого вліятельнаго положенія духовныхъ властей, нисколько неудивительно, что князья повергаютъ на ихъ рѣшеніе свои споры. Въ 1351 году возникло недоразумѣніе между тверскимъ вел. княземъ Василіемъ Михайловичемъ и племянникомъ его Всеволодомъ Александровичемъ, княземъ холмскимъ. Лѣтописецъ говоритъ, что князь холмскій произвелъ грабежъ во владѣніяхъ своего дяди, и началъ за это князь великій обижать своего племянника «чрезъ докончаніе, и бояръ его, и слугъ тягостію данною оскорблять, и бысть межи ихъ неимовѣрство и нелюбіе, по бѣсовскому злодѣйству». Въ старину такія пререканія между князьями тянулись долго. Только въ 1356 году обратился холмскій князь къ митрополиту съ жалобой на нарушеніе дядею крестнаго цѣлованія. Митрополитъ Алексѣй принялъ дѣло къ разсмотрѣнію и вызвалъ отвѣтчика въ Москву. Тверской вел. князь принялъ вызовъ и пріѣхалъ съ епископомъ тверскимъ, Ѳедоромъ. Подробности судоговоренія намъ неизвѣстны. Лѣтопись говоритъ только, что «много быша межи ихъ глаголанія, но конечный миръ и любовь не сотворися». Рус. лѣт. По запутанности дѣла, такъ какъ

обѣ стороны были виноваты, епископъ, можетъ быть, затруднился произнести рѣшеніе.

Въ 1365 году въ тверскомъ княженіи былъ новый споръ у вел. князя Василія Михайловича съ племянникомъ Михаиломъ Александровичемъ, изъ-за удѣла князя Семена Константиновича. Кто обратился къ суду митрополита, лѣтопись не говоритъ. Въ ней записано только слѣдующее:

«По митрополичью благословенію и повелѣнію судилъ ихъ владыко Василей и оправилъ князя Михаила Александровича». Рус. лѣт.

Противная сторона осталась рѣшеніемъ владыки недовольна и принесла на него жалобу митрополиту. Дѣло было пересмотрѣно въ Москвѣ.

Въ 1447 году происходилъ судъ московскаго великаго князя, Василія Васильевича, съ углицкимъ княземъ, Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, передъ цѣлымъ соборомъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ. Изъ всего дѣлопроизводства до насъ дошло только окончательное рѣшеніе собора, изложенное въ грамотѣ на имя отвѣтчика. Изъ этой грамоты узнаемъ, что дѣло началъ вел. князь московскій: онъ представилъ на разсмотрѣніе собора свои договорныя грамоты съ Шемякой и сдѣлалъ при этомъ устныя объясненія. По изложеніи претензій великаго князя, въ грамотѣ читаемъ:

«А иныхъ, господине, рѣчей брата твоего великаго князя, что намъ сказывалъ, да и грамотныхъ строкъ еще и не исписали есмя, что ся надъ нимъ отъ тобе дѣлаетъ не по доконченью, ни по крестному цѣлованью». А. И. I. № 40. 1447 декабря 29.

Былъ ли сдѣланъ вызовъ къ суду отвѣтчика, изъ грамоты не видно. Но такъ какъ неявка къ суду ему въ вину не ставится, то можно думать, что Дмитрія Юрьевича и не вызывали къ отвѣту. Судъ ограничился разсмотрѣніемъ обязательствъ кн. Юрія, какъ они были формулированы въ грамотахъ, представленныхъ вел. княземъ, и постановилъ пригласить его къ исполненію всѣхъ этихъ обязательствъ подъ страхомъ церковнаго неблагословенія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ третейскимъ судомъ, призываемымъ къ дѣйствію соглашеніемъ сторонъ, и не съ судомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Этотъ судъ не имѣлъ ни опредѣленнаго состава, ни опредѣленной компетенціи, ни органовъ, которые были бы обязаны приводить въ исполненіе его опредѣленія. Здѣсь все держится на авторитетѣ духовной власти и на правѣ ея вязать и разрѣшать въ сей жизни и будущей. Никакой отвѣтчикъ не обязанъ являться къ этому суду и подчиняться его опредѣленіямъ, но князья являются и подчиняются изъ опасенія церковнаго неблагословенія.

Въ своихъ распряхъ съ мѣстными епископами князья также обращаются къ суду митрополита. Чрезвычайно характеренъ по обстановкѣ и послѣдствіямъ судъ митрополита Кипріана надъ тверскимъ епископомъ, Евѳиміемъ Висленемъ. Вел. князь тверской, Михаилъ Александровичъ, пригласилъ къ себѣ въ Тверь, лѣтомъ 1390 года, митрополита Кипріана. За 30 верстъ отъ Твери митрополита встрѣчалъ внукъ великаго князя съ боярами, со многою и великою честью. На другой день за 20 верстъ митрополита встрѣчалъ сынъ вел. князя также съ боярами и со многою и великою честью. На третій день вечеромъ митрополита встрѣтилъ самъ великій князь за пять верстъ отъ Твери съ князьями и боярами и со многою и великою честью. Митрополитъ вышелъ къ великому князю изъ шатра своего, благословилъ его, цѣловалъ любезно и долго бесѣдовалъ о пользѣ душевной. Князь вернулся въ городъ, а на слѣдующій день утромъ снова выѣхалъ встрѣчать митрополита съ дѣтьми и племянниками и проводилъ его до церкви Великаго Спаса, гдѣ митрополитъ отслужилъ литургію. Затѣмъ устроенъ былъ митрополиту и сопровождавшимъ его лицамъ, въ числѣ которыхъ были два греческихъ митрополита, пиръ, продолжавшійся три дня, причемъ митрополиту были поднесены богатые дары. Только на четвертый день была принесена жалоба митрополиту на владыку Висленя «о мятежѣ и раздорѣ церковномъ». Всѣ были недовольны владыкой и всѣ на него

жаловались: «архимандриты, и игумены, и священницы, и иноцы, и бояре, и вельможи, и простии». Несмотря на это общее недовольство, митрополитъ Капріанъ не нашелъ возможнымъ осудить владыку. Онъ устранилъ Евѳимія отъ исполненія имъ епископскихъ обязанностей временно, «дондежъ, еще истязавъ, размыслить». Вел. князь остался этимъ рѣшеніемъ недоволенъ и сталъ просить Кипріана о поставленіи иного епископа. Тогда только Кипріанъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ низложилъ Евѳимія и «даде вел. князю протодьякона своего, Арсенія, мужа дивна, и нарочита, и добродѣтельна суща».

Но дѣло этимъ не кончилось. Надо полагать, что митрополитъ не очень былъ убѣжденъ въ виновности Евѳимія. На эту мысль наводитъ, во-первыхъ, то, что митрополитъ, по низложеніи Евѳимія, много старался о примиреніи его съ вел. княземъ, но напрасно: «не бысть мира и любви, но наипаче вражда и брань велия воздвизашеся»; во-вторыхъ, то, что, уѣзжая изъ Твери, митрополитъ взялъ съ собой Евѳимія въ свой московскій Чудовъ монастырь. Къ сожалѣнію, мы незнаемъ, чѣмъ это такъ раздражилъ противъ себя тверичей владыка Евѳимей, не заслуживъ, однако, неблаговолѣнія своего начальства. Лѣтопись прибавляетъ только, что и протодьяконъ Арсеній убоялся принять епископскую каѳедру въ Твери, «виде бо тамъ брань і вражду многу, и смутися и ужасеся». Рус. лѣт. Надо полагать, что виноватъ былъ не одинъ владыка. Если такъ трудно было разрѣшить дѣло о епископѣ, стоявшемъ подъ началомъ митрополита, то можно ли удивляться, что митрополиты не всегда разрѣшали пререканія князей. Въ старину и свѣтскіе суды не всегда разрѣщали дѣла, предоставленные ихъ вѣдѣнію. До насъ дошло нѣсколько судныхъ дѣлъ по мѣстническимъ спорамъ, которыя такъ и остались не рѣшенными.

Насколько авторитетъ церковной власти былъ великъ въ глазахъ нашихъ предковъ и русскихъ князей въ особенности, видно и изъ того, что царь Иванъ Васильевичъ не

ограничился принятіемъ царскаго сана, а нашелъ нужнымъ просить о подтвержденіи этой мѣры константинопольскимъ соборомъ. Вселенскій патріархъ, Іоасафъ, греческіе митрополиты и епископы обсуждали права нашего государя на царскій титулъ, нашли, что онъ можетъ законно и благочестно быть и зваться царемъ, благословили его на царство и, согласно его желанію, выдали ему благословенную грамота. Между правами Ивана Васильевича на царскій титулъ грамота на первомъ мѣстѣ указываетъ на его происхожденіе отъ греческой царевны:

«Смиреніе наше, говоритъ патріархъ въ грамотѣ, подробно узнало и вполнѣ увѣрилось не только изъ преданій многихъ, заслуживающихъ довѣріе мужей, но даже и изъ письменныхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ, что нынѣшній царь московскій, новгородскій, астраханскій, казанскій и всея Великія Россіи, государь Іоаннъ, ведетъ свое происхожденіе отъ крови истинно царской, т.-е. отъ оной славной и приснопамятной царевны Анны, сестры самодержца, Василія Багрянороднаго»... Соборн. грамота, утверждающая санъ царя, изданіе кн. Оболенскаго.

Духовенству принадлежало важное право печалованія, которое ждетъ еще своей детальной разработки, и широкое участіе въ земскихъ соборахъ, въ составъ которыхъ цѣликомъ входилъ весь соборъ духовенства.

Великому авторитету церковныхъ властей соотвѣтствовала и внѣшняя ихъ обстановка. Митрополиты имѣли цѣлый штатъ вольныхъ слугъ и бояръ, которые составляли особое войско, выходившее на войну подъ начальствомъ своего воеводы, назначаемаго митрополитомъ. Каждый вольный слуга былъ свободенъ поступить на службу князя или митрополита. Вольные слуги митрополита имѣли даже преимущество предъ вольными слугами князей. Они выступали на войну только въ томъ случаѣ, если самъ великій князь садился на коня. Вел. князь Василій Дмитріевичъ первый принимаетъ мѣру къ ограниченію числа воиновъ, выходившихъ на войну съ митрополичьимъ воеводой. При немъ съ митрополичьимъ воеводой идутъ только старые слуги, служившіе еще митро-

политу Алексѣю; поступившіе же на митрополичью службу послѣ митрополита Алексѣя, входятъ въ составъ войскъ, предводительствуемыхъ княжескимъ воеводой. А. Э. I. № 9. Вотъ какъ описываетъ Максимъ Грекъ, не безъ чувства укора, впрочемъ, выѣздъ изъ дома русскаго святителя:

«Ты же.... во градѣхъ ѣздящи на конѣхъ благородныхъ со многими, овѣмъ убо послѣдующимъ, овѣмъ же напредъ воплемъ и бичію разбивающимъ срѣтающи тя народы». Жмакинъ, митрополитъ Даніилъ, 163.

Мы привели свидѣтельства нашихъ источниковъ, говорящіе въ пользу почтительнаго, покорнаго и даже подчиненнаго отношенія князей къ представителямъ духовной власти. Но такъ какъ отношенія эти условливались силою вѣры, глубокимъ почтеніемъ къ ея проповѣдникамъ и высокими нравственными качествами дѣятелей, то, понятно, что при отсутствіи этихъ условій появлялись и отношенія совершенно противоположныя, отношенія враждебныхъ столкновеній и борьбы.

Уже въ XI вѣкѣ встрѣчаемъ князя, который ни во что ставитъ епископовъ и не допускаетъ мысли о возможности епископскаго суда надъ нимъ. По смерти Ярослава между его сыновьями возникли несогласія, совершенно исказившія установленный имъ порядокъ княжескихъ владѣній; при внукахъ его княжеская рознь еще болѣе обострилась и ни кто изъ князей не зналъ порядкомъ, на какія владѣнія онъ имѣетъ наслѣдственное право. Святополку кіевскому и Владиміру Мономаху пришла счастливая мысль устроить княжескій сѣздъ и въ присутствіи духовенства и почетнѣйшихъ свѣтскихъ лицъ разрѣшить княжескія недоразумѣнія. Приглашеніе было послано и къ Олегу Святославичу черниговскому.

«Олегъ же, говоритъ лѣтописецъ, въспріимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ». Лавр. 1096.

Въ позднѣйшее время, какъ увидимъ, были не рѣдки случаи произвольнаго низведенія князьями духовныхъ властей съ епископскихъ и даже митрополичьихъ каѳедръ.

Нашимъ князьямъ не приходилось рѣшать, по примѣру византійскихъ императоровъ, вопросовъ о догматахъ вѣры. Но и на нихъ, какъ блюстителяхъ православія, отвѣчавшихъ не только за свои собственные грѣхи, но и за грѣхи подданныхъ, лежала обязанность охранять чистоту вѣры и правильность обрядовъ. На этой почвѣ могли возникнуть и дѣйствительно возникали столкновенія между княжеской и церковной властью.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ пришло изъ Византіи не мало не рѣшонныхъ церковныхъ вопросовъ. Однимъ изъ такихъ былъ вопросъ о постѣ въ среду и пятницу, когда на эти дни приходился какой либо великій праздникъ. «По древнимъ правиламъ церкви, говоритъ преосвященный Макарій въ своей исторіи, постъ въ среду и пятокъ соблюдался въ продолженіе всего года и разрѣшался только въ теченіе семи недѣль пятидесятницы, т. е. съ Пасхи до дня св. Духа, и для праздника Рождества Христова. Позднѣйшіе монастырскіе уставы разрѣшали постъ въ среду и пятокъ не только для Рождества Христова, но и для другихъ великихъ праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и нѣкоторыхъ Святыхъ, и притомъ такъ, что въ означеніи самыхъ праздниковъ были несогласны между собой. Такое разногласіе позднихъ уставовъ съ древними правилами и между собой неизбѣжно должно было произвести разногласіе мнѣній между вѣрующими и рано или поздно возбудить споры». III. 105.

Возникли споры и у насъ, и въ нихъ приняли участіе не только духовенство, но и князья и даже народъ, совершенно какъ въ Византіи. Епископъ ростовскій Несторъ не разрѣшалъ постъ въ среду и пятницу даже для Господскихъ праздниковъ, кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія. Ростовцы нашли это совершенно неправильнымъ

и изгнали своего епископа *). Преемникъ Нестора, Леонъ, былъ еще строже своего предшественника. Онъ не разрѣшалъ поста въ среду и пятницу даже для Рождества Христова и Богоявленія. Это ученіе, несогласное и съ древними правилами церкви, возстановило противъ Леона князя и весь народъ. Устроено было публичное преніе «предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ и предо всѣми людьми», на которомъ присутствующіе признали побѣдителемъ противника Леона, владыку Ѳеодора. Леонъ былъ изгнанъ. Такія же столкновенія встрѣчались и въ другихъ княженіяхъ. Черниговскій епископъ Антоній воспрещалъ ѣсть мясо даже въ Господскіе праздники и за это также былъ изгнанъ княземъ Святославомъ въ 1168 году. Лавр.

Подъ 1175 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что новые ростовскіе князья, Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, такъ неуважительно относились къ правамъ владимірской соборной церкви, что въ первый день своего пріѣзда во Владиміръ потребовали предъявленія имъ полатныхъ ключей, а за тѣмъ отобрали церковное золото, серебро, деньги и недвижимости, словомъ все, чѣмъ одарилъ владимірскую церковь пресвятой Богородицы покойный князь, Андрей Боголюбскій. Ипат.

Въ 1224 году смоленскій епископъ Лазарь оставилъ свою каѳедру:

«За много обидѣніе своихъ церквей, иже обидятъ волостели, отнимающе имѣніе и злая безъ правды творяще». Павловъ, Секуляризація церковныхъ земель, I, 6.

Весьма характерное и важное по своимъ послѣдствіямъ столкновеніе произошло между вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ и митрополитомъ Геронтіемъ. Освящая церкви, митрополитъ Геронтій ходилъ противъ солнца. Князь же великій былъ увѣренъ, что надо ходить по солнцу, и, опасаясь гнѣва Божія за такое неправильное дѣйствіе митрополита, выразилъ ему свое неудовольствіе и возбудилъ офи-

*) Макарій III, 107.

ціальное разслѣдованіе вопроса. Несмотря на то, что огромное большинство лицъ, привлеченныхъ къ обсужденію вопроса, высказалось въ пользу митрополита, князь остался при своемъ мнѣніи и снова далъ почувствовать митрополиту свое неудовольствіе, когда тотъ и при освященіи Успенскаго собора ходилъ не по солонь. Тогда митрополитъ удалился изъ Москвы въ Симоновъ монастырь, оставивъ въ Успенскомъ соборѣ свой посохъ. Такимъ образомъ возникъ полный разрывъ между свѣтской и духовной властью. Москва лишилась митрополита. Такое положеніе вещей не могло быть терпимо. Князь рѣшилъ примириться съ сановникомъ церкви и отправилъ къ нему сына съ просьбой возвратиться на свой столъ. Митрополитъ не послушалъ прошенія великаго князя и въ Москву не поѣхалъ. Тогда великій князь самъ отправился къ митрополиту и билъ ему челомъ, прося возвратиться на свою каѳедру: царь признавалъ себя во всемъ виноватымъ, обѣщалъ слушать митрополита и предоставилъ ему совершать крестные ходы, какъ онъ хочетъ *). Только послѣ этого униженія свѣтской власти передъ духовной, митрополитъ возвратился въ Москву и населеніе столицы успокоилось.

Мы уже знаемъ, что князья XII вѣка поднимали руку на церковныя имущества и отбирали ихъ въ свою пользу. При поземельномъ устройствѣ служилаго класса въ Москвѣ и московскіе государи не могли не замѣтить, что постоянно возрастающія поземельныя владѣнія церкви идутъ въ разрѣзъ съ интересами государственной службы. Великій князь Василій Дмитріевичъ, послѣ смерти митрополита Кипріана, присвоилъ себѣ значительную часть имѣній митрополичьей каѳедры. Но въ законодательномъ порядкѣ вопросъ этотъ впервые былъ возбужденъ только Иваномъ Васильевичемъ III. Въ его царствованіе помѣстное устройство служилыхъ людей становится общимъ правиломъ. Государству нужны были земли. Покореніе Новгорода дало поводъ къ отобранію

*) Макарій, VI, 65 сл.

значительнаго количества земель у новгородскаго владыки и монастырей. Но великій князь не думалъ этимъ ограничиться. Онъ имѣлъ въ виду общую для всего государства мѣру. Что его занималъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имѣній, это видно изъ того, что онъ приблизилъ къ себѣ двухъ важнѣйшихъ представителей партіи нестяжателей, Паисія Ярославова и Нила Сорскаго. Великій князь хорошо понималъ всѣ опасности этого дѣла, а потому дѣйствовалъ съ величайшою осторожностью. Онъ не рѣшился самъ предложить на обсужденіе созваннаго имъ въ 1503 году собора вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Это сдѣлалъ близкій къ нему человѣкъ, Нилъ Сорскій. Когда соборъ 1503 года окончилъ обсужденіе вопросовъ, указанныхъ государемъ, Нилъ Сорскій обратился къ Ивану Васильевичу съ моленіемъ, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились своимъ рукодѣльемъ. Великій князь, услышавъ это моленіе, поддержанное и другими заволжскими старцами, повелѣлъ собору разсмотрѣть поднятый Ниломъ Сорскимъ вопросъ. Несмотря на то, что великій князь не выступилъ на первый планъ и скрылся за другими, заинтересованные вопросомъ люди хорошо знали, кому принадлежитъ иниціатива дѣла. Іосифъ Волоцкой, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлахъ собора, такъ говорилъ о мотивахъ его созванія:

«Великій князь созвалъ въ Москву духовный соборъ— «поповъ ради, иже держаху наложницы, паче же рещи, восхотѣ отнимати села у святыхъ церквей и монастырей». Павловъ, Секуляризація. 39.

Итакъ, члены собора хорошо знали, къ чему склонялась воля государя; но они не сдѣлали ему ни малѣйшей уступки. Обсудивъ вопросъ и рѣшивъ его въ отрицательномъ смыслѣ, они отправили къ государю митрополичьяго дьяка Левашова съ докладомъ такого содержанія:

«Отецъ твой, господине, Симонъ митрополитъ всея Русіи, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ говорятъ, что отъ перваго благочестиваго и святаго

равноапостольнаго Константина царя, да и по немъ при благочестивыхъ царѣхъ, царствующихъ въ Константинѣ градѣ, святители и монастыри грады, и власти, и села, и земли держали; и на всѣхъ соборѣхъ святыхъ отецъ запрещено святителемъ и монастыремъ недвижимыхъ стяжаній церковныхъ ни продати, ни отдати, и великими клятвами о томъ утверждено». Тамъ же, 41.

Несмотря на то, что вслѣдъ за этимъ докладомъ у государя былъ самъ митрополитъ Симонъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и читалъ ему подробный списокъ доказательствъ неприкосновенности имуществъ церкви, есть основаніе думать *), что великій князь все еще не былъ убѣжденъ доводами собора, а потому потребовалъ дополнительныхъ объясненій. Соборъ послалъ къ нему снова дьяка Левашова съ дополнительными объясненіями. Послѣ этого «троекратнаго отказа собора» **), великій князь уступилъ, наконецъ, духовенству и отказался отъ своихъ притязаній. Надо думать, что столкновеніе съ митрополитомъ Геронтіемъ было еще очень свѣжо въ памяти государя.

Не удалась и Ивану Грозному попытка секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Что онъ хотѣлъ отобранія нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, церковныхъ имуществъ, это видно изъ отвѣтнаго посланія къ нему митрополита Макарія. Вопросъ царя, давшій поводъ къ этому отвѣту, до насъ не дошелъ. Но изъ отвѣта митрополита ясно, что царь спрашивалъ его мнѣнія о секуляризаціи нѣкоторой части церковныхъ имуществъ. Митрополитъ въ своемъ отвѣтѣ повторяетъ доводы собора 1503 года и присоединяетъ къ нимъ собственныя свои увѣщанія. Указавъ на примѣръ хана Узбека, подтвердившаго права митрополита Петра на церковныя недвижимости, преосвященный Макарій продолжаетъ такъ:

---

*) Павловъ, Секуляризація, I. 46.

**) Пользуемся выраженіемъ автора Секуляризаціи, I. 50.

«Кольми паче тебѣ подобаетъ, благочестивый и боговѣнчанный царю, свою царскую вѣру къ Богу показати и веліе тщаніе ко всѣмъ божіимъ церквамъ и монастырямъ,— не токмо недвижимыя взимати, но и самому ти подобаетъ давати. Якожъ и вси святіи царскые твои прародители и родители подаваху Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, сице и тебѣ, царю, подобаетъ творити царства ради небеснаго... Глаголю ти, благочестивый царю, и молю твое царское величество, останися, государь, и не сотвори такова начинанія, его же Богъ не повелѣваетъ вамъ, православнымъ царемъ...

О себѣ митрополитъ Макарій въ томъ же посланіи говоритъ:

«Не могу таковая страшная дерзати или помыслити: отъ взложенныхъ Богови и Пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ вданныхъ недвижимыхъ вещей въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ изъ дому Пречистыя Богородици и великихъ чудоторцевъ таковая дати или продати. Не буди того и до послѣдняго нашего издыханія, и избави всѣхъ насъ, Всесильный Боже, и сохрани насъ отъ таковаго законопреступленія, и не попусти тому быти не токмо при насъ, но и по насъ, до скончанія вѣка»... Павловъ 109.

Ту же мысль о неотчуждаемости церковныхъ имуществъ нашелъ нужнымъ высказать и Стоглавый соборъ, на которомъ Макарій былъ предсѣдателемъ. Глава 75, Лонд. из.

На соборѣ были и представители партіи нестяжателей. Историки указываютъ на монаха Корниліева монастыря, Артемія. Онъ пользовался особымъ вниманіемъ государя и былъ возведенъ въ почетное и важное званіе игумена Сергіевой лавры. Знаменательна осторожность, съ какою отнесся этотъ нестяжатель къ вопросу о монастырскихъ имуществахъ. Въ письмѣ къ Грозному онъ говоритъ:

«Обо мнѣ разсказываютъ, что я говорилъ и писалъ тебѣ о необходимости отнять у монастырей села. Дѣйствительно, я писалъ тебѣ на соборѣ, извѣщая свой разумъ, а не говорилъ имъ (членамъ собора) объ этомъ предметѣ, и тебѣ не совѣтую дѣлать что либо подобное властію или принужденіемъ». Тамъ же 111.

Итакъ, несмотря на ясно выраженную волю царя, духовенство въ полномъ своемъ составѣ еще разъ высказалось о неприкосновенности церковныхъ имуществъ: государи не только ничего не могутъ брать изъ этихъ имуществъ на государственныя потребности, но должны ихъ еще пріумножать. Иванъ Грозный подчинился этому рѣшенію и продолжалъ одѣлять своихъ богомольцевъ движимостями и недвижимостями. Ему удалось только запретить архіереямъ и монастырямъ новыя пріобрѣтенія недвижимостей покупкой, дареніемъ и закладомъ. Но эти запрещенія постоянно нарушались и монастыри продолжали вновь пріобрѣтать недвижимости, а потому въ договоръ съ Владиславомъ включено такое условіе:

«А что дано церквамъ Божіимъ и въ монастыри вотчинъ и угодій... и того данья всѣхъ прежнихъ государей московскихъ, и боярскихъ, и всякихъ людей данья у церквей Божіихъ и монастырей не отнимати... и, милости ради великаго Бога, къ церквамъ и монастырямъ всякаго наданья прибавливати».

Самымъ тяжелымъ гнетомъ должно было давить княжескую власть чувство зависимости отъ иностранной власти и не только духовной, но и свѣтской. Эта зависимость обнаруживалась главнымъ образомъ при назначеніи и поставленіи русскихъ митрополитовъ, что происходило въ Константинополѣ и при несомнѣнномъ вліяніи византійскихъ императоровъ. Такое назначеніе составляло въ древности общее правило и обусловливалось зависимостью нашей церкви отъ греческой: русская церковь составляла митрополію константинопольскаго патріархата. Греки весьма дорожили этимъ своимъ правомъ. Съ ихъ точки зрѣнія русскіе митрополиты не только должны были поставляться въ Константинополѣ, но они должны были и назначаться изъ грековъ, а не изъ русскихъ. Послѣднее могло имѣть мѣсто только какъ исключеніе, причемъ греки находили нужнымъ

особенно оговаривать такое исключеніе. Въ настольной грамотѣ преосвященному Алексію на митрополію кіевскую и всея Руси, патріархъ Филоѳей, упомянувъ о прекрасной рекомендаціи, данной вновь назначенному митрополиту его предшественникомъ, и о томъ, что и благороднѣйшій великій князь куръ Іоаннъ, по Господу возлюбленный и нарочитый сынъ его мѣрности, писалъ объ немъ къ высочайшему и святому его самодержцу и къ святой великой церкви Божіей, продолжаетъ такъ:

«То мы, хотя это совершенно необычно и не вполнѣ безопасно для церкви, согласились на это только ради столь достовѣрныхъ похвальныхъ свидѣтельствъ о немъ и по уваженію къ его добродѣтельной и богоугодной жизни, и при томъ только относительно одного куръ Алексія, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому другому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому либо изъ клириковъ сего богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по добродѣтели и добрымъ качествамъ, наученному и утвержденному въ силѣ слова, въ познаніи и примѣненіи законовъ церкви, дабы онъ могъ, какъ выше сказано, съ пользою и согласно съ церковною и каноническою практикой, разрѣшать представляющіеся каноническіе вопросы и водить тамошній христоименитый народъ на спасительныя пажити, довольствуясь самъ собою и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи. Это мы предлагаемъ исполнять и будущимъ послѣ насъ патріархамъ, какъ дѣло прекрасное и весьма благопріятное для домостроительства церкви Божіей». Рус. ист. библ. VI. Прилож. № 9. 1354.

Назначеніе русскихъ митрополитовъ только изъ греческихъ клириковъ составляетъ, конечно, крайность греческихъ властолюбивыхъ притязаній, но къ благословенію русскихъ митрополитовъ константинопольскими патріархами сочувственно относились и въ русской землѣ. Митрополита Климента, возведеннаго въ этотъ санъ соборомъ русскихъ іерарховъ, но не получившаго патріаршаго благословенія, не хотѣлъ признать новогородскій епископъ Нифонтъ, родомъ

русскій. Эта оппозиція самостоятельности русской церкви нашла себѣ сочувствіе и у русскаго лѣтописца. Вотъ какъ онъ описываетъ приведенный случай:

«Нифонтъ епископъ бысть поборникъ всей Русской земли. Бысть бо ревнивъ по божественѣмъ. Его же Климъ понуживаше служити съ собою, онъ же ему тако молвяшеть: «нѣси пріялъ благословенія отъ святѣй Софьѣ. и отъ святаго великаго сбора, и отъ патріарха, тѣмже не могу съ тобою служити ни въспоминати тебе въ святѣй службѣ, но поминаю патріарха». Оному же мучащюся съ нимъ и научающю нань Изяслава и своя поборники, не може ему успѣти ничтоже. Патріархъ же присла къ нему грамоты, блажа и и причитая къ святымъ его. Онъ же болѣ крѣпляшется, послушивая грамотъ патріаршь». Ипат. 1156.

Такъ же смотрѣли на Климента и нѣкоторые князья. Даже родной братъ Изяслава, доставившаго митрополичью каѳедру Клименту, получивъ въ 1159 году приглашеніе кіевлянъ занять кіевскій столъ, отвѣчалъ имъ такъ:

«А се вы являю: не хочю Клима у митропольи видити, зане не взялъ благословенія отъ святыя Софья и отъ патріарха». Ипат. 1159.

Не призналъ Климента и дядя Изяслава, Юрій Долгорукій, принявшій въ 1155 г. митрополита Константина, назначеннаго и поставленнаго въ Греціи.

Митрополитъ поставлялъ епископовъ и имѣлъ большое вліяніе на свѣтскія дѣла, а потому назначеніе этого высшаго сановника церкви греками не могло не возбудить чувства неудовольствія у русскихъ князей, проникнутыхъ духомъ политической самостоятельности, и не вызывать въ нихъ стремленія къ эманципаціи отъ греческой зависимости. Борьба въ этомъ направленіи началась уже при второмъ христіанскомъ князѣ, но развитіе вопроса въ русскомъ смыслѣ подвигалось впередъ чрезвычайно медленно. Русской государственной власти потребовалось болѣе четырехъ вѣковъ для полнаго освобожденія отъ греческой зависимости. Прослѣдить шагъ за шагомъ процессъ этой эманципаціи составляетъ предметъ церковной исторіи; мы ограничимся указаніемъ

только главнѣйшихъ моментовъ. Второй христіанскій князь, Ярославъ Владиміровичъ, почувствовалъ уже потребность назначить митрополита по своему избранію. Онъ назначилъ на эту должность хорошо извѣстнаго ему священника села Берестова, который въ 1051 году и былъ поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ. Вслѣдъ затѣмъ новый митрополитъ испросилъ себѣ и благословеніе патріарха. Такъ совершился первый, хотя и неполный актъ самодержавія русской государственной власти въ дѣлахъ церкви. Великій князь Ярославъ Владиміровичъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не подъ вліяніемъ византійскихъ идей, а какъ самостоятельный государь, понимающій задачи внутренняго управленія государствомъ. Какъ ученику Византіи, ему никакъ не слѣдовало бы совершать того, что онъ совершилъ; наоборотъ, ему надо было бы обратиться къ византійскому императору и вселенскому патріарху и просить ихъ о назначеніи митрополита въ Русскую землю. Но и Ярославъ Мудрый совершилъ этотъ шагъ не съ разу, а подъ конецъ своего княженія, всего за три года до своей смерти. Иларіонъ былъ вторымъ, поставленнымъ въ его княженіе митрополитомъ; перваго же, Ѳеопемпта, онъ получилъ изъ Греціи. Этотъ шагъ независимости былъ облегченъ тѣмъ, что греки въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ по смерти Ѳеопемпта не назначали въ Русь митрополита. Положеніе преемниковъ Ярослава было очень неблагопріятно для того, чтобы между ними могла возникнуть и осуществиться мысль о самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, въ XII вѣкѣ встрѣчаемъ новую такую же попытку, но не столь удачную. Митрополитъ Климентъ, назначеный энергическимъ Изяславомъ, вел. княземъ кіевскимъ, и по его волѣ рукоположенный соборомъ русскихъ іерарховъ, не получилъ благословенія патріарха и не былъ признанъ преемниками Изяслава, Юріемъ и Ростиславомъ. Въ Константинополѣ назначили другого митрополита, Константина, который и предалъ проклятію Изяслава. Устраненный Климентъ нашелъ себѣ, однако, сторонника въ лицѣ Мсти-

слава, сына Изяслава, который, по смерти Юрія, не хотѣлъ признать Константина, потому что онъ клялъ его отца, и былъ въ пользу Климента. Но съ нимъ не хотѣлъ согласиться Ростиславъ, новый кіевскій князь. Мстиславъ и Ростиславъ много спорили и долго не могли уладиться; наконецъ, рѣшили на томъ, чтобы устранить и Климента и Константина и просить о присылкѣ новаго митрополита изъ Константинополя. Ипат. 1159. Присланъ былъ митрополитъ Ѳеодоръ, скончавшійся въ 1163 году. По его смерти, разсказываетъ лѣтописецъ, вел. князь Ростиславъ хотѣлъ возстановить на митрополичьемъ престолѣ низложеннаго Климента и послалъ посла «къ царю» съ просьбой о благословеніи его. Но греки успѣли тѣмъ временемъ поставить намъ новаго митрополита, Ивана, который и былъ принятъ Ростиславомъ *).

---

*) Макарій въ своей Исторіи церкви допускаетъ, что вел. кн. Ростиславъ призналъ Ивана съ слѣдующей оговоркой: «Въ настоящій разъ, говорилъ, будто бы, онъ посламъ царя, ради чести и любви царской, приму; но если впередъ безъ нашего вѣдома и соизволенія патріархъ поставитъ на Русь митрополита, то не только не примемъ его, а поставимъ за неизмѣнное правило избирать и ставить митрополита епископамъ русскимъ, съ повелѣнія великаго князя». III, 21. Это извѣстіе очень сомнительно, во 1-хъ потому, что оно несогласно съ практикой самого Ростислава. Въ 1159 году онъ готовъ былъ принять Константина, присланнаго изъ Константинополя; когда же племянникъ его, Мстиславъ, выставилъ кандидатомъ Климента, онъ согласился принять, кого пришлютъ изъ Греціи. Во 2-хъ, слова эти находятся только у Татищева и отсутствуютъ въ старыхъ лѣтописяхъ. Татищевъ же въ извѣстіяхъ, относящихся до отношеній свѣтской власти къ духовенству, весьма недостовѣренъ. Въ старыхъ же лѣтописяхъ разсказъ о пріемѣ митр. Ивана не дописанъ и имѣется въ этомъ мѣстѣ пропускъ. Ипат. 1163. Митр. Макарій полагаетъ, что слова Ростислава, приводимыя Татищевымъ, и находились въ этомъ пропускѣ. Въ этомъ тоже можно сомнѣваться. Въ пропускѣ должны были находиться не только слова Ростислава, но еще слова царскихъ пословъ къ Ростиславу и начало разсказа о столкновеніи черниговскихъ князей, Святослава Всеволодовича и Олега Святославича. На все это въ Ипат. лѣт. оставленъ пропускъ менѣе 3-хъ строкъ (полагаемъ, что издатели обозначили про-

Третья попытка на пути эманципаціи княжеской власти отъ греческой зависимости относится къ тому же XII вѣку и была произведена Андреемъ Боголюбскимъ. Мы уже знаемъ, что онъ разошелся въ мнѣніяхъ съ своимъ епископомъ, Несторомъ, и прогналъ его. Не желая подчиняться кіевскому митрополиту и понимая важность учрежденія особой митрополіи во Владимірѣ, Андрей Боголюбскій обратился въ Грецію съ просьбой о поставленіи во Владиміръ не епископа, а митрополита, и предлагалъ къ посвященію въ это званіе любимца своего, Ѳедора. И въ томъ и другомъ ему было отказано; патріархъ Лука Хрисовергъ, въ извѣстной уже намъ грамотѣ, рекомендовалъ великому князю владимірскому жить въ послушаніи изгнаннаго имъ епископа Нестора. Впрочемъ, Андрей Боголюбскій и самъ не отрицалъ права вселенскаго патріарха поставлять митрополитовъ въ Русскую землю, онъ просилъ только объ утвержденіи въ этомъ званіи своего кандидата.

Татарское завоеваніе отодвинуло на задній планъ возникшее было стремленіе къ церковной самостоятельности. Лишь съ ослабленіемъ его послѣдствій и первыми успѣхами объединенія Руси, дѣятельность московскихъ князей становится въ этомъ отношеніи болѣе энергической. Дмитрій Донской, совершившій первый шагъ къ образованію нераздѣльнаго московскаго государства, распоряжается по своему усмотрѣнію поставляемыми въ Константинополѣ митрополитами, то прогоняетъ ихъ, то принимаетъ. Въ моментъ смерти митрополита Алексія русская земля имѣла уже митрополита въ лицѣ серба Кипріана, назначеннаго еще при жизни Алек-

---

пускъ такимъ количествомъ строкъ, а не инымъ, не случайно, а желая указать на его величину). Въ трехъ же строкахъ всего пропущеннаго разсказать нельзя. Впрочемъ и самъ авторъ не придаетъ значенія словамъ Ростислава. Онъ тутъ же говоритъ: «Право поставлять и присылать въ Россію митрополитовъ осталось за констант. патріархомъ. Русскій вел. князь требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, избраніе митрополитовъ дѣлалось не безъ его вѣдома и согласія. Не видно изъ древнихъ лѣтописей, было ли исполняемо и это требованіе».

сія, съ условіемъ соединить всю Русь подъ своею властью по его смерти. Несмотря на это, вел. князь Дмитрій, по смерти Алексія, посылаетъ въ Грецію своего любимца Митяя, съ просьбой поставить его въ митрополиты и съ безчестіемъ прогоняетъ Кипріана, пріѣхавшаго было на свою митрополію. Митяй дорогою умеръ; этимъ воспользовался архимандритъ Пименъ, принадлежавшій къ свитѣ Митяя, и выхлопоталъ себѣ въ Константинополѣ поставленіе въ митрополиты. Новый митрополитъ не понравился великому князю, и онъ приказалъ заточить его, а на митрополію призвалъ только что прогнаннаго имъ Кипріана. Нѣсколько времени спустя онъ замѣняетъ Кипріяна Пименомъ. Но и Пименъ его не удовлетворилъ, и князь, при наличности двухъ митрополитовъ въ русской землѣ (Кипріанъ удалился въ Кіевъ), послалъ въ грецію суздальскаго епископа Діонисія для поставленія въ митрополиты, что греки и сдѣлали.

Флорентійская унія подорвала у насъ довѣріе къ православію греческой церкви и послѣ сверженія митрополита Исидора, сторонника уніи, русскіе митрополиты не посылаются болѣе для поставленія въ Грецію, а поставляются на мѣстѣ соборомъ русскихъ іерарховъ. Первымъ такимъ ставленникомъ въ XV вѣкѣ былъ митрополитъ Іона. Въ своихъ грамотахъ паствѣ онъ нашелъ нужнымъ объяснить, какъ вступилъ онъ на митрополію. Іона признаетъ назначеніе и поставленіе митрополита въ Константинополѣ, какъ общее правило; но это было возможно, пока тамъ въ чистотѣ держалось православіе; теперь же, послѣ многихъ лѣтъ вдовства церкви безъ большого святителя, безъ митрополита, отъ чего много лиха и истомы учинилось христіанству,— онъ былъ поставленъ священнымъ соборомъ владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ, со всѣмъ великимъ Божіимъ священствомъ русской земли, по божественнымъ священнымъ правиламъ. Но митрополиту этого поставленія соборомъ русскихъ іерарховъ по божественнымъ правиламъ кажется мало, а потому онъ обращаетъ вниманіе своей паствы на то, что его поставили, «поминая прежнее на насъ повелѣніе

святаго царя и благословеніе святаго вселенскаго патріарха». И здѣсь, значитъ, не обошлось безъ ссылки на верховное право византійскаго императора и вселенскаго патріарха. Дѣйствительно, по смерти митр. Фотія, Іона былъ посланъ въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты, но опоздалъ своимъ прибытіемъ, тамъ успѣли уже поставить Исидора. Іонѣ выразили сожалѣніе и обѣщали дать митрополію послѣ Исидора. Это-то обѣщаніе Іона и разумѣетъ подъ «прежнимъ повелѣніемъ и благословеніемъ» *). Несмотря на то, что митрополитъ Іона постарался наилучшимъ образомъ обставить свое вступленіе на митрополичью каѳедру, ему все же не удалось убѣдить всѣхъ въ правильности своего поставленія. Пафнутій, извѣстный настоятель Боровской обители, пользовавшійся большимъ уваженіемъ московскихъ князей, не призналъ Іону митрополитомъ и не хотѣлъ ему подчиняться. Лишь удары жезломъ изъ рукъ новопоставленнаго и продолжительное тюремное заключеніе привели блаженнаго Пафнутія къ смиренію, покаянію и покоренію **). Такъ были живучи въ нашемъ обществѣ идеи церковной зависимости отъ Греціи. Самостоятельность или самодержавіе русскихъ князей въ церковныхъ дѣлахъ не есть продуктъ византійскихъ вліяній, это плодъ освобожденія отъ этихъ вліяній. Преемники Іоны избирались и поставлялись на митрополію соборомъ русскихъ іерарховъ, безъ всякаго участія въ томъ Греціи ***). Такъ были поставлены три пер-

*) А. И. I. № 43 и 47, 1448—9.

**) Макарій, Исторія церкви, VI, 17.

***) Митроп. Макарій высказываетъ мнѣніе, что послѣ паденія Царяграда, въ виду трудности сношеній русской церкви съ греческой, восточные патріархи особою грамотою предоставили русскимъ митрополитамъ право получать рукоположеніе отъ собора русскихъ іерарховъ. О. Николаевскій въ статьѣ «Объ учрежденіи патріаршества въ Россіи» приходитъ къ мнѣнію, что на существованіе такой грамоты нѣтъ прямыхъ указаній. Это мнѣніе раздѣляетъ и проф. Павловъ, Теорія восточ. папизма. Полагаемъ, что оно имѣетъ за себя болѣе основаній, чѣмъ противоположное, и что Максимъ Грекъ былъ правъ, заявивъ, что русскіе митрополиты стали ставиться въ русской землѣ «самочинно».

выхъ митрополита въ княженіе Ивана Васильевича: Ѳеодосій, Филиппъ и Геронтій. При избраніи двухъ послѣднихъ, Зосимы и Симона, хотя также принимали участіе соборы московскихъ іерарховъ, но они дѣйствовали уже по прямому указанію князя. При Василіѣ Ивановичѣ митрополиты исключительно назначаются волею великаго князя, безъ всякаго участія въ этомъ священныхъ соборовъ *). Этотъ фактъ имѣетъ для насъ особое значеніе по полной его гармоніи съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно объ этомъ великомъ князѣ. Онъ не любилъ многолюдныхъ совѣтовъ и рѣшалъ всѣ дѣла «самъ третей у постели». Той же практики держался онъ и при рѣшеніи важнѣйшаго дѣла церкви. Соборы іерарховъ не созывались, вел. князь назначалъ митрополита самъ, поговоривъ съ кѣмъ либо изъ ближнихъ довѣренныхъ людей. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ памятники снова говорятъ о созваніи соборовъ для избранія митрополитовъ, но это, конечно, была только форма; соборы избирали, кого желалъ царь.

Этой перемѣнѣ въ порядкѣ назначенія епископовъ придаютъ иногда гораздо большее значеніе, чѣмъ она имѣла въ дѣйствительности. Полагаютъ, что назначеніемъ духовныхъ властей великимъ княземъ было достигнуто полное ихъ подчиненіе свѣтской власти. Если государь самъ можетъ назначать сановниковъ церкви, то, конечно, онъ будетъ избирать въ это званіе только угодныхъ ему людей, на повиновеніе которыхъ имѣетъ основаніе разсчитывать. Это неоспоримо. Такъ и поступали московскіе государи. Но разсчетъ ихъ не всегда оправдывался. Нельзя же было впередъ предусмотрѣть всѣ случаи, могущіе возникнуть на практикѣ, и впередъ точно опредѣлить возможное къ нимъ отношеніе новой духовной власти. Но какой бы прозорливостью ни отличались московскіе государи, они должны были знать, что лучшіе люди, на которыхъ и долженъ былъ падать ихъ выборъ, бываютъ одарены чувствомъ чести и долга, которое

*) Тамъ же, глава II.

воздерживаетъ отъ низкой угодливости. Вотъ поэтому-то установившееся съ конца XV вѣка назначеніе митрополитовъ и епископовъ волею государя далеко не вполнѣ подчинило ихъ свѣтской власти. Мы уже знаемъ, что именно въ это время духовный соборъ 1503 года оказалъ энергическое сопротивленіе желанію великаго князя наложить руку на церковныя имущества, а предсѣдателемъ собора былъ митрополитъ Симонъ, поставленный по выбору великаго князя. Въ это же время, по примѣру новогородской епархіи, вошло въ повсемѣстный обычай ежегодное анаѳематствованіе всѣхъ начальствующихъ, обидящихъ святые Божіе церкви и монастыри и отнимающихъ данные имъ села и виноградъ, а слѣдовательно и велихъ князей, если они не престанутъ отъ таковаго начинанія. Есть поводъ думать, что митрополитъ Варлаамъ не подчинялся волѣ Василія Ивановича, а митополитъ Германъ волѣ Ивана Грознаго. Столкновенія Филиппа Колычова съ Иваномъ Грознымъ хорошо извѣстны. Митрополитъ Макарій и Стоглавый соборъ вовсе не находили нужнымъ подчиниться волѣ этого государя въ вопросѣ о церковныхъ недвижимостяхъ. Пассивное противодѣйствіе духовной власти свѣтской во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя поступала несогласно съ божественными правилами, составляло обязанность епископовъ и митрополитовъ. Божественными же правилами на языкѣ того времени называлось очень многое. Даже градскіе законы уподоблялись «пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ». Эта обязанность вытекала изъ епископской присяги. Митрополитъ Макарій въ извѣстномъ уже намъ отвѣтномъ письмѣ къ Грозному, въ которомъ онъ такъ рѣшительно возстаетъ противъ желанія царя увеличить свою казну церковными имуществами, говоритъ:

«Егда рукополагахся, сирѣчь поставляхся въ святительскій санъ, и тогда посреди священнаго собора, въ святѣй, сборнѣй и апостолстѣй церкви, и предъ Богомъ, и предъ всѣми небесными силами, и предъ всѣми святыми, и предъ тобою благочестивымъ царемъ, и предъ всѣмъ синклитомъ,

и предъ всѣмъ народомъ кляхся: судбы и законы и оправданіе наше хранити, елика наша сила, и предъ царя за правду не стыдитись; аще и нужа будетъ ми отъ самаго царя, или отъ велможъ его, что повелятъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ; но аще и смертью претятъ, то никакожъ не послушати ихъ». Павловъ, Секуляризація I, 110.

Въ Москвѣ, какъ и въ Византіи, отношеніе духовной власти къ свѣтской не было опредѣлено закономъ, а потому и у насъ перевѣсъ могла брать то та, то другая власть, смотря по личнымъ качествамъ дѣятелей. И въ XVI вѣкѣ духовная власть не разъ брала перевѣсъ надъ свѣтской и на долгое время опредѣляла направленіе нашего законодательства.

Установившійся въ Москвѣ къ XVI вѣку порядокъ назначенія на епископскія каѳедры и смѣщенія съ нихъ по усмотрѣнію великихъ князей нисколько не говоритъ, однако, объ ослабленіи силы религіозныхъ идей въ правительственной средѣ того времени. Василій Ивановичъ и сынъ его, Иванъ Грозный, умерли въ иноческомъ, а не царскомъ чинѣ. Иванъ Грозный, удалившись въ Александровскую слободу, устроилъ тамъ для себя и опричниковъ нѣкоторое подобіе монастырской жизни. Триста избранныхъ опричниковъ назывались братіею, царь игралъ роль игумна Братія носила поверхъ свѣтскаго платья черныя рясы. Царь сочинилъ для нея монашескій уставъ и подавалъ примѣръ точнаго его исполненія. Въ четвертомъ часу утра онъ шелъ на колокольню и благовѣстилъ къ заутренѣ; во время службы, читалъ, пѣлъ и молился столь ревностно, что на лбу его оставались знаки отъ земныхъ поклоновъ. Заутреня продолжалась часовъ до 6 — 7. Въ 8 часовъ шли снова въ церковь, къ обѣднѣ. Въ 10 собирались на братскую трапезу, но царь не садился, а стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Примѣръ этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на слабую душу преемника Грознаго, царя Ѳедора Ивановича. Вотъ какъ современники описываютъ его день. Вставалъ онъ въ 4 часа утра и ждалъ духовника въ спальнѣ,

заставленной иконами и днемъ и ночью освѣщаемой лампадами. Духовникъ каждое утро приходилъ со святою водою, крестомъ и иконою угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день, благословить царя; государь кланялся ему до земли, молился вслухъ минутъ десять и болѣе, затѣмъ шелъ къ царицѣ и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ. Въ 9 часовъ царь снова шелъ въ церковь къ обѣднѣ; въ 11 обѣдалъ, послѣ обѣда спалъ часа 3, а проснувшись опять шолъ въ церковь — къ вечернѣ. Отходя ко сну, государь снова принималъ духовника, молился съ нимъ и ложился спать, принявъ его благословеніе (Карамзинъ, IX, 51; X, 48). Это былъ монахъ на престолѣ. Можно ли послѣ этого удивляться, что Никонъ, еще въ бытность новогородскимъ митрополитомъ, требовалъ отъ представителей свѣтской власти ежедневнаго присутствія на всѣхъ церковныхъ службахъ?

На царствованіе Ѳедора Ивановича выпадаетъ и учрежденіе въ Москвѣ высшаго церковнаго сана, «превысочайшаго престола патріаршескаго», какъ выразился онъ самъ предъ думою духовенства и бояръ. Учрежденіе патріаршества придало новую силу и блескъ высшему представителю духовной власти и создало новыя опасности для власти свѣтской. Уже въ патріаршество третьяго русскаго патріарха престолъ московскаго государства занималъ не одинъ только всенародно избранный государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, но и отецъ его, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Время правленія Михаила Ѳедоровича съ 1619 года по 1634, въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, представляетъ явленіе чистѣйшаго двоецарствія. Патріархъ носитъ титулъ великаго государя; правительственныя дѣла докладываются и рѣшаются не однимъ только свѣтскимъ государемъ, но и духовнымъ. Въ разрядной книгѣ за 1623 годъ читаемъ:

«И государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, выслушавъ князь Васильева челобитья Туренина, приказали

думному дьяку, Томилу Луговскому, сыскати въ Розрядѣ челобитье князя Богдана Касаткина-Ростовскаго, какъ онъ билъ челомъ на князя Василья Туренина, и грамоту, какова къ нему, ко князю Богдану, послана, что ему ко князю Василью Туренину въ сходъ идти не велѣно, и сказать про то боярамъ, чтобъ бояре о томъ поговорили, а что приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ, доложить себя».

Въ памяти изъ Челобитнаго приказа въ Земскій, отъ 3-го февраля 1628 года, написано:

«Въ нынѣшнемъ во 136 году, генваря въ 31 день, государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи и отца его, государева, великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи, окольничей князь Григорій Константиновичъ Волконскій да діякъ, Иванъ Дѣдновъ да Иванъ Переносовъ, по статейному списку докладывали, и государь царь и великій князь Михаило Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, того статейнаго списка слушали»... А. И. III, № 92, XII.

Государи вмѣстѣ дѣла слушаютъ и вмѣстѣ приговариваютъ и даютъ указы.

Въ книгѣ разрядной за 1620 годъ читаемъ:

«И приговорилъ государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, съ бояры»...

Въ 1623 году бояре, выслушавъ докладъ по мѣстническому спору:

«Велѣли о томъ доложити государя и отца его, государева, великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи, какъ о томъ они, государи, укажутъ». Кн. разрядн.

Или въ указѣ о помѣстьяхъ и вотчинахъ читаемъ:

«Во 136 году, декабря въ 3 день, государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его,

государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, совѣтовавъ о томъ въ Крестовой палатѣ, указали... и тѣ вотчины указали имати на себя, государей, въ помѣстные земли, и указали тотъ свой, государевъ, указъ въ помѣстномъ приказѣ записати»... Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, стр. 226.

Иностранныхъ пословъ принимаютъ оба государя вмѣстѣ. Въ дворцовыхъ разрядахъ на 1621 годъ написано:

«Того же мѣсяца сентября, въ 18-й день, государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всея Русіи и великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, велѣли послу турскому быть у себя».

Въ виду такого постоянно обнаруживаемаго въ правительственной практикѣ двоевластія и подданные свои челобитья подаютъ на имя не свѣтскаго только государя, но и его духовнаго сопровителя. Въ 1622 году сотскіе горныхъ сотенъ подали челобитную, въ которой написано:

«Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи и великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Русіи, бьютъ челомъ сироты твои, государевы».... А. И. III № 92, IV.

Признанное правительствомъ двоевластіе, какъ явленіе новое, не могло не вызывать иногда сомнѣній и колебаній среди подданныхъ. Нѣкоторое колебаніе слышится и въ послѣднеприведенномъ челобитьи. Сотскіе обращаются къ обоимъ государямъ, но называютъ себя сиротами только одного, а не двухъ, и, конечно, согласно старинѣ, они считаютъ себя сиротали свѣтскаго государя, а не духовнаго. Не думалъ о полномъ равенствѣ духовнаго государя свѣтскому и кн. Юрій Сицкій. Въ 1621 году онъ былъ посланъ государемъ потчивать турецкаго посла, а кн. Петръ Репнинъ получилъ такой же приказъ отъ патріарха. Кн. Сицкій полагалъ, что царь больше патріарха, и сталъ похваляться передъ Репнинымъ, утверждая, что онъ выше его честью, такъ какъ получилъ приказъ отъ царя, а Репнинъ—отъ патріарха.

Это оскорбило Репнина, онъ обратился къ царю съ челобитьемъ на Сицкаго и получилъ такой отвѣтъ:

«И государь велѣлъ князь Петру сказать, что бьетъ челомъ онъ, князь Петръ, незнаючи, и въ мѣсто то онъ ставитъ не дѣломъ, что каковъ онъ. государь, таковъ и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи. и ихъ государское величество не раздѣльно»... Дворц. разр.

Итакъ, по указу самого царя у насъ въ началѣ XVII вѣка было два государя и власть ихъ была не раздѣльна. Какъ это случилось? Какими причинами порождено было это оригинальное явленіе? Явленіе это многопричинное. Ближайшая причина заключалась въ томъ, что патріархъ былъ отцемъ государя. Но это не единственная и далеко не главная причина. Очень сомнительно, чтобы Филарету Никитичу удалось занять мѣсто на престолѣ рядомъ съ своимъ сыномъ, еслибы онъ не былъ патріархомъ, а оставался въ санѣ боярина. Всенародно избранъ былъ государемъ не онъ, а его сынъ, и возвышеніе отца могло породить смуты. Онъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ бы большое вліяніе на дѣла, но обнаруживалъ бы его келейно, а не въ качествѣ великаго государя. Еслижъ онъ возсѣлъ на царскій престолъ рядомъ съ государемъ, то, конечно, потому что былъ патріархомъ. Возвышеніе же патріарха до высоты престола было подготовлено всей предшествующей исторіей духовенства въ Россіи. Двоецарствіе начала XVII вѣка есть только дальнѣйшее слѣдствіе того положенія, какое принадлежло у насъ духовенству съ самаго момента принятія православной вѣры. А съ другой стороны, это двоецарствіе, продолжавшееся цѣлыхъ 15 лѣтъ, не могло пройти безслѣдно и должно было сказаться и въ нашей послѣдующей исторіи. И не только сказаться, но могло причинить и большія затрудненія свѣтской власти. Если никакихъ затрудненій не возникло изъ двоевластія Михаила и Филарета, — это объясняется тѣмъ, что Михаилъ былъ послушнымъ сыномъ своего отца, и никакія придворныя интриги не могли породить

между ними распри. При иныхъ обстоятельствахъ дѣло легко могло дойти до враждебныхъ столкновеній и открытой борьбы, примѣры чего даетъ и древняя наша исторія, когда представители церкви не достигали еще той высоты, на какой очутился третій патріархъ московскій и всея Русіи.

Слѣдующій за Филаретомъ патріархъ, блаженный Іосафъ, отличался смиреніемъ, кротостью и благочестіемъ; въ дѣла государственныя не вмѣшивался и титула великаго государя не носилъ. Его преемникъ, Іосифъ, даже управленіе церковными дѣлами предоставилъ патріаршимъ дьякамъ и московскимъ протопопамъ.

Несмотря на крайнюю правительственную слабость и далеко не безупречную жизнь этого патріарха, онъ, тѣмъ не менѣе, производилъ подавляющее впечатлѣніе на благочестивую душу царя. Вотъ въ какомъ состояніи находился государь въ моментъ смерти патр. Іосифа. Въ письмѣ къ Никону онъ говоритъ:

«Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо, за грѣхи всего православнаго христіанства, но и паче за мои окаянные грѣхи, Содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта отца нашего и пастыря, великаго господина, кyръ Іосифа, патріарха московскаго и всея Русіи, изволилъ его вселити въ нѣдра Авраама и Исаака и Іакова, и тебѣ бъ, отцу нашему, было вѣдомо. А мати наша, соборная и апостольская церковь вдовствуетъ зѣло, слезно и вельми сѣтуетъ по женихѣ своемъ; и какъ въ нее войтить и посмотрѣть, и она, мати наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющи подружія: такъ же и она не имѣя жениха своего печалуетъ. И все перемѣнилось, не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ. Духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ и худо безъ пастыря дѣтямъ жить».

И въ другомъ мѣстѣ:

«Какъ начали у меня (въ великій четвергъ) вмѣсто херувимской первый стихъ «Вечерѣ твоей тайнѣ» пѣть... и пропѣли первый стихъ, и прибѣжалъ келарь спасскій и сказалъ мнѣ: «Патріарха де государя не стало!» а въ ту пору ударилъ царь-колоколъ трикраты, и на насъ такой страхъ

и ужасъ нашелъ, едва пѣть стали, и то со слезами и въ соборѣ у пѣвчихъ и властей всѣхъ со страха и ужаса ноги подломились, потому что, кто преставился? Да къ какимъ днямъ великимъ, кого мы, грѣшные, отбыли? Яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ и мы нынѣ, грѣшные, не вѣдаемъ, гдѣ главы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго мы не имѣемъ... А погребли въ одиннадцатомъ часу... и мы, владыко святой, надсѣлися плачучи»...

А далѣе, приведя дошедшій до него слухъ о томъ, что покойный высказывалъ въ послѣднее время опасеніе, какъ бы его не уволили съ каѳедры, государь продолжаетъ:

«А у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель, нашъ Творецъ, видитъ, ей, ни на умѣ того не было, и помыслить страшно на такое дѣло»... А. Э. IV. № 57.

Стоило только появиться на патріаршемъ престолѣ человѣку сильному, властному и гордому, и положенію царя Алексѣя могла угрожать величайшая опасность. Человѣкъ этотъ не замедлилъ.

Еще въ 1646 году царь обратилъ вниманіе на Никона, тогда игумена Кожеезерской обители, назначилъ его архимандритомъ Новоспасскаго монастыря и еженедѣльно принималъ во дворцѣ для духовной бесѣды.

Чрезъ два года Никонъ былъ возведенъ въ санъ митрополита новогородскаго. Въ это время царь былъ совершенно уже покоренъ строгою и подвижническою жизнью Никона. Вотъ какъ начинаетъ онъ одно изъ своихъ къ нему писемъ:

«Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О крѣпкій воинъ и страдалче Царя Небеснаго, о возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ, святый владыко! Моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ меня глубина грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ! И надѣясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житіе, пишу сице свѣтло сіяющему въ архіереяхъ, яки солнцу свѣтящему по всей вселенной, тако и тебѣ сіяющу по всему нашему государству

благими нравы и дѣлы добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресвѣтлому митрополиту Никону новогородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и тѣлесному». А. Э. IV, № 57.

Такова была почва, на которой возникъ новый случай двоевластія. Никонъ былъ проникнутъ самыми высокими воззрѣніями на значеніе духовной власти и еще до вступленія своего на патріаршій престолъ вознамѣрился дать урокъ царю. Извѣстны отношенія митрополита Филиппа къ Ивану Грозному. Онъ не хотѣлъ вступать на митрополичью каѳедру при существованіи опричнины. Русскіе іерархи, надѣясь на его благотворное вліяніе, уговорили его принять санъ безъ условно. Блаженный Филиппъ принялъ и до конца исполнилъ свой долгъ, осуждая порядки опричнины и поучая царя на доброе. Ивану Грозному не нравилось это вмѣшательство митрополита въ дѣла управленія, онъ задумалъ низложить его, и совершилъ низложеніе съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ правосудія. Собраны были пункты обвиненія, созванъ соборъ іереевъ, суду которыхъ и преданъ былъ святитель, обвинявшійся, между прочимъ, и въ волшебствѣ. Соборъ нашелъ его виновнымъ и приговорилъ къ низложенію. Митрополитъ былъ сосланъ въ Отрочь монастырь, гдѣ его задушилъ любимецъ царскій, Малюта Скуратовъ, присланный царемъ для испрошенія ему благословенія на путь. Всѣ пружины этого вопіющаго дѣла были въ рукахъ царя, но дѣйствовалъ не онъ, а соборъ и Малюта Скуратовъ. Малюта могъ и не имѣть царскаго повелѣнія задушить святителя; онъ могъ сдѣлать это изъ угодливости. Несмотря на дѣятельное участіе духовнаго собора въ низложеніи Филиппа, Никонъ считалъ виноватымъ въ этомъ дѣлѣ одного царя и убѣдилъ Алексѣя Михайловича въ необходимости принести торжественное покаяніе передъ покойнымъ, испросить у него прощеніе за своего предка и перенести мощи его въ Москву. Съ этою цѣлью было написано покаянное посланіе святителю и отправлено торжественное посольство въ Соловки, съ митрополитомъ Никономъ и бояриномъ

княземъ Хованскимъ во главѣ, для перенесенія его мощей въ Москву. Въ посланіи, содержащемъ въ себѣ покаяніе свѣтской власти передъ духовной и мольбу ея о прощеніи, читаемъ:

«Молю тя и пріидти тебѣ желаю сѣмо, еже разрѣшити согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго князя Іоанна, нанесенное на тя неразсудно, завистію и неудержаніемъ ярости, и еже на него твое негодованіе, аки общники и насъ творитъ злобы его..... Аще и неповиненъ есмь досажденія твоего, но гробъ прадѣдній присно убѣждаетъ мя и въ жалость приводитъ..... яко отъ того изгнанія и до днесь лишаешися твоея святительскія паствы царствующаго града. И сего ради преклоняю санъ свой царскій за онаго, иже въ тя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да подаси тому прощеніе, да отъ сего и поношеніе на него о твоемъ изгнаніи упразднится.... Сего ради тя молю о семъ, о священная главо и честь моего царства! Твоимъ преклоняю честнымъ мощемъ и повинную къ твоему моленію всю мою власть, да пришедъ простиши, иже тя оскорби по напрасиству; раскаяся бо о содѣянномъ и онъ тогда, и за того покаяніе къ тебѣ и нашего ради прощенія, пріиди къ намъ, святый владыко! Исправи бо ся тобою и евангельскій глаголъ, за него же ты пострада, за еже всяко царство, раздѣльшееся на ся, не станетъ..... и нѣсть уже днесь въ твоей паствѣ ни котораго раздѣленія.... пріиди къ намъ съ миромъ».... Рум. собр. III. № 147.

Тутъ все есть, что нужно было будущему патріарху: преклоненіе свѣтской власти передъ духовной, раскаяніе въ низложеніи духовнаго сановника и возстановленіе его въ санѣ, сознаніе вреда, проистекающаго отъ раздѣленія царства, и указаніе на то, что теперь царство едино, единство же царства выражается въ общемъ желаніи подчиняться волѣ духовной главы: царь преклоняетъ предъ нею всю свою власть и въ паствѣ святителя нѣтъ болѣе раздѣленія.

Свое желаніе господствовать надъ свѣтскою властью Никонъ заявилъ съ совершенною ясностью и въ моментъ поставленія своего въ патріархи. По смерти Іосифа былъ созванъ соборъ святителей для избранія новаго патріарха.

Избранъ былъ любимецъ царя, новогородскій митрополитъ Никонъ. Согласно составленному на этотъ разъ чину избранія, казанскій митрополитъ Корнилій предложилъ государю идти въ соборную церковь пресвятой Богородицы и св. чудотворцевъ московскихъ помолиться, чтобы Господь Богъ «то великое дѣло совершилъ». По окончаніи молебствія, царь, посовѣтовавшись со всѣмъ соборомъ, послалъ по новоизбраннаго патріарха митрополита сарскаго, архіепископа рязанскаго да съ ними боярина Бутурлина, окольничаго князя Ромодонавскаго и думнаго дьяка Волошенинова. По «чину» предполагалось, что новоизбранный придетъ, скажетъ государю рѣчь и приметъ поздравленія. На дѣлѣ же произошло нѣчто совершенно неожиданное и чрезвычайное. Никонъ не пришелъ. Послали во второй, въ третій разъ, послали и еще много разъ. Никонъ не слушался царскаго и соборнаго велѣнія и не шелъ. Царь, наконецъ, послалъ архіереевъ и знатнѣйшихъ своихъ бояръ съ приказаніемъ взять Никона и привести въ соборъ противъ его воли. Никона привели. И началъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, духовенствомъ и народомъ умолять его принять избраніе. Никонъ отказался, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ и не могущимъ пасти словесныхъ овецъ стада Христова. Тогда царь и за нимъ всѣ присутствовавшіе пали на колѣни и со слезами молили Никона принять патріаршество. Видя царя, весь священный соборъ и народъ повергнутымъ на землю, Никонъ сказалъ:

«Вы знаете, что мы отъ начала приняли св. евангеліе, вѣщанія св. апостоловъ, правила св. отецъ и царскіе законы изъ православной Греціи и потому называемся христіанами, но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ... Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и его Пречистою Матерью, ангелами и всѣми святыми, что будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и законы

благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго архипастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, тогда я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства». Макарій Исторія XII. 6.

Царь, всѣ бояре и освященный соборъ произнесли обѣтъ исполнять все, что предлагалъ Никонъ. Вотъ при какихъ условіяхъ вступилъ новый патріархъ на патріаршество. Что такое произошло 22 іюля 1652 года въ соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, при поставленіи Никона въ патріархи? 1652 года 22 іюля произошло ограниченіе царской власти. Царь всенародно обѣщался исполнять не только догматы церкви, но и всѣ правила, относящіяся до церкви, хотя бы они входили въ составъ свѣтскаго законодательства византійскихъ императоровъ. Что касается толкованія этихъ правилъ, царь далъ обѣщаніе слушать, что возвѣститъ о нихъ патріархъ. Это обѣщаніе, въ силу котораго царь обязывался не измѣнять церковнаго законодательства византійскихъ императоровъ и подчиняться тому толкованію церковныхъ правилъ, какое будетъ имъ давать патріархъ, было скрѣплено всенародной его клятвой. Никонъ хорошо понималъ, чего хотѣлъ, и высказалъ свои желанія всенародно и съ совершенною ясностью. Будучи новогородскимъ митрополитомъ, онъ успѣлъ уже убѣдиться, что представители свѣтской власти не очень-то были склонны повиноваться его требованіямъ; это сопротивленіе надо было сломить и цѣль эта была достигнута публичнымъ подчиненіемъ самого царя патріаршимъ распоряженіямъ. Цѣли русскаго патріарха Никона весьма совпадаютъ съ цѣлями вселенскаго патріарха Фотія, предполагаемаго автора извѣстныхъ намъ статей эпанагоги о патріаршей власти. Несмотря на всю разницу времени и условій быта, высшіе представители церковной власти вездѣ преслѣдуютъ однѣ и тѣже цѣли. Они и не могутъ не преслѣдовать цѣлей господства, если церковь ихъ признана господствующей и они имѣютъ свободу дѣйствія.

Въ первое время притязанія патріарха не встрѣтили никакой оппозиціи въ свѣтскомъ правительствѣ. Въ сценѣ, разыгранной Никономъ при поставленіи, царь не усмотрѣлъ нарушенія своихъ прерогативъ. Совершенно наоборотъ, онъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ честолюбиваго іерарха: Никонъ сталъ принимать широкое участіе въ дѣлахъ свѣтскаго управленія и, по примѣру патріарха Филарета, именоваться великимъ государемъ. Самъ царь назвалъ его такъ 23 октября 1653 года, всенародно, въ Успенскомъ соборѣ, объявляя свой, государевъ, указъ:

«Мы, великій государь царь и вел. князь Алексѣй Михайловичь всея Русіи, положа упованіе на всемогущаго Бога и на Его Матерь, Пресвятую Богородицу, и на московскихъ чудотворцевъ, Петра, Алексѣя, Іону и Филиппа, и всѣхъ святыхъ, и совѣтовавъ со отцемъ своимъ и богомолцомъ, великимъ государемъ, святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ вами, бояры, и околничими, и думными людми, приговорить изволили мы итти противъ недруга своего, полскаго и литовскаго короля». Дворц. разр.

Съ этого времени титулъ этотъ вошелъ во всеобщее употребленіе. Такъ называютъ патріарха владыки, бояре и всѣ частные люди, такъ называетъ себя онъ самъ, съ этимъ титуломъ печатается его имя и въ церковныхъ книгахъ. Макарій, XII, 230.

Въ концѣ мая 1654 года въ Москву пріѣхали послы изъ Кіева ходатайствовать объ утвержденіи прежнихъ правъ этого города и дарованіи новыхъ льготъ. Бояре разсматривали ихъ просьбы и постановляли по нимъ приговоры, а утверждалъ ихъ, за отсутствіемъ государя, патріархъ. Подъ нѣкоторыми изъ статей помѣчено: «Великій государь, святѣйшій патріахъ, указалъ быть по боярскому приговору», подъ другими: «Святѣйшій патріархъ указалъ и бояре приговорили быть по королевскому привилею»; подъ третьими: «Великій государь, святѣйшій патріархъ указалъ о лготѣ на 10 лѣтъ» и пр. Макарій, XII, 232.

Патріархъ даетъ воеводамъ указы, именуя себя великимъ государемъ. Приведемъ одинъ примѣръ.

«Отъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Русіи, на Бѣлоозеро, воеводѣ Василью Ѳѳонасьєвичу Замыцкому. Билъ намъ челомъ, съ Бѣлаозера, Рождества Пречистыя Богородицы Ѳерапонтова монастыря игуменъ Аѳонасей..... а въ челобитной ихъ написано: въ прошломъ де во 162 году, по государеву цареву... и по нашему указу... былъ у нихъ и т. д. (изложеніе челобитной о поставкѣ запасовъ хлѣбныхъ для войска).. И намъ бы ихъ пожаловать, не велѣть другой половины запасу въ Смоленскъ возить. И мы, великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Великія и Малыя Росіи, слушавъ сего челобитья, указали нынѣ имъ по зимнему пути половину хлѣба поставить» и т. д. 1655. Доп. къ А. И. IV. № 1.

Новый соправитель русскаго царя внимательно изучалъ памятники византійскаго законодательства и извлекалъ изъ нихъ все, что могло служить въ пользу его властолюбивыхъ притязаній. Мы уже знаемъ, что въ VI новеллѣ Юстиніана говорится о священствѣ и царствѣ, какъ о двухъ Божіихъ дарахъ, имѣющихъ общее происхожденіе свыше. Никонъ воспользовался этой мыслью и съ большой смѣлостью развилъ ее въ предисловіи къ Служебнику, изданному съ его благословенія въ августѣ 1655 года. Тамъ говорится:

«Богъ даровалъ Россіи два великіе дара, благочестиваго и христолюбиваго, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, и великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха; оба эти великіе государи предстательствоваста на московскомъ соборѣ 1654 года; богоизбранная сія и богомудрая двоица, по окончаніи собора, повелѣша собрать въ Москву древнія св. книги; богоизбранная сія сугубица послала свои грамоты къ цареградскому патріарху Паисію; по полученіи отвѣта отъ Паисія, благочестивая сія и богомудрая двоица созвала новый соборъ въ Москвѣ» и т. д.

Въ заключеніи читаемъ:

«Должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ православ-

нымъ народомъ восхвалити же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабденіе людемъ своимъ сію премудрую двоицу, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, и великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха, иже... праведно и подобно преданные имъ грады украшаютъ, къ симъ судъ праведенъ... храняще, всѣмъ всюду сущимъ подъ ними тоеже творити повелѣша... Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ святѣй славимый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый! Да дастъ же имъ, государемъ, по пророку, желаніе сердецъ ихъ.... яко да подъ единѣмъ ихъ государскимъ повелѣніемъ вси, повсюду православніи народи живуще, утѣшительными пѣсньми славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего» *).

---

*) У Макарія, XII. 235.—Мысль объ одинаково божественномъ происхожденіи обѣихъ властей есть достояніе самой глубокой нашей древности. Эту мысль высказываютъ и князья. Лѣтописецъ разсказываетъ, что по поставленіи митрополита Симона и по окончаніи божественной службы вел. князь, обращаясь къ нему, сказалъ:

«Всемогущая и животворящая Святая Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сей святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси, руковъзложеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ Рускаго царства. И жезлъ пастырьства, отче, въспріими, и на сѣдалище старѣйшиньства во имя Господа Іисуса Христа и пречистыя Его Матери взыди, и моли Бога и пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтехъ и о всемъ православіи, и подасть ти Господь Богъ здравіе и долголѣтство въ вѣкъ вѣка». Соф. I лѣт. 1496.

Эта привѣтственная рѣчь царя новопоставленному митрополиту введена и въ составленный при Иванѣ Грозномъ чинъ поставленія митрополита. А. Э. I. № 264. 1564. Въ чинѣ прибавлено: «И изговоря рѣчъ, дастъ святителю посохъ въ десную руку; и царевичи, и архіепископы, и епископы, и всѣ бояре митрополиту многолѣтствуютъ»..... Итакъ, это поздравленіе царя и всѣхъ присутствующихъ новопоставленному митрополиту.

Совершенно иначе взглянулъ на этотъ обрядъ г. Дьяконовъ. Онъ полагаетъ, что въ церемоніи, описанной въ Софійской лѣтописи, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ выразить мысль, «что Св. Троица даруетъ власть представителю церкви чрезъ посредство власти государственной» 118. Это очень сомнительно. Царь говорилъ привѣтствіе уже поставленному митрополиту, и поставленному «руковозложеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ Русскаго

Это торжественный гимнъ двоевластію, сочиненный представителемъ церковной іерархіи, одержавшимъ, наконецъ, рѣшительную побѣду надъ властію свѣтской.

Посмотримъ теперь, какъ относился ограниченный въ своихъ правахъ царь къ патріарху. Любопытную картину этихъ отношеній даетъ архидіаконъ алеппскій Павелъ, проживавшій въ Москвѣ съ начала февраля 1655 до конца мая слѣдующаго года.

«Любовь царя и царицы къ Никону, пишетъ архимандритъ, превышаетъ всякое описаніе. При личномъ свиданіи съ патріархомъ царь всегда испрашиваетъ у него благословеніе и цѣлуетъ у него руку, а Никонъ въ тоже время цѣлуетъ царя въ голову».

Въ частности Павелъ описываетъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выразилось особое благоволеніе царя къ патріарху. Такъ:

«Въ 1655 году... Никонъ праздновалъ новоселье въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ, которыя соорудилъ самъ. Всѣ архіереи, начиная съ антіохійскаго патріарха Макарія, а за ними настоятели монастырей привѣтствовали Никона и подносили подарки... За ними бѣлое духовенство, купечество, государственные сановники и другія лица. Наконецъ, явился со своими привѣтствіями царь. Сначала онъ поклонился Никону и поднесъ ему отъ себя лично три хлѣба съ солью и три сорока дорогихъ соболей, потомъ столько же хлѣбовъ и соболей отъ своего сына и царицы, столько же отъ своихъ сестеръ, столько же отъ дочерей, всего двѣнадцать хлѣбовъ съ солью и двѣнадцать сороковъ соболей. И всѣ эти дары, одни за другими, царь подносилъ самъ своими руками. Никонъ стоялъ въ переднемъ углу своей обширной залы, и царь спѣшно ходилъ чрезъ всю эту залу къ дверямъ ея, бралъ тамъ по частямъ подарки,

---

царства», о чемъ онъ самъ упоминаетъ въ своей рѣчи. Но эти слова г. Дьяконовъ, къ сожалѣнію, выпустилъ въ своей выпискѣ, а потому и смѣшалъ поставленіе съ поздравленіемъ. Что съ конца XV вѣка великіе князья назначаютъ митрополитовъ по своей волѣ, это внѣ всякого сомнѣнія; но чтобы чрезъ ихъ посредство дѣйствовала св. Троица, этого, полагаемъ, они никогда не думали.

которые держали стольники, и носилъ предъ лицо Никона, а стольникамъ только повторялъ, чтобы подавали скорѣе. Поднося каждый даръ, онъ кланялся патріарху и говорилъ: «Сынъ вашъ, Алексѣй, кланяется вашему святѣйшеству и подноситъ вамъ»... Отъ долгаго хожденія взадъ и впередъ и ношенія не малыхъ тяжестей царь очень усталъ. Всѣ присутствовавшіе, особенно пришельцы изъ Сиріи, были поражены такимъ изумительнымъ смиреніемъ и услужливостью царя предъ патріархомъ..... Февраля 1-го возвратился въ Москву изъ Иверскаго монастыря патріархъ Никонъ. Для встрѣчи его царь выѣзжалъ еще наканунѣ вечеромъ за двадцать верстъ отъ столицы». У Макарія, XII, 236.

И въ древности епископы были отцами князей, учили ихъ и наказывали, но едва ли отношенія ихъ доходили когда либо до такого порабощенія свѣтской власти духовной, какъ при царѣ Алексѣѣ.

Неудивительно, что Никонъ нашелъ себѣ противниковъ. Этимъ противникамъ удалось, наконецъ, открыть глаза царю. У царя возникло охлажденіе къ патріарху, которое скоро привело къ открытой розни двухъ властей. Эта рознь имѣетъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что она дала поводъ патріарху всея Руси высказать и такія свои мысли, обнаруживать которыя до разрыва съ царемъ ему не было надобности. Эти мысли проливаютъ яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ о взаимныхъ отношенія духовной власти къ свѣтской.

10 іюля 1658 года Никонъ оставилъ патріаршій престолъ и удалился въ Воскресенскій монастырь. Надо полагать, что онъ ожидалъ повторенія исторіи Ивана III съ митрополитомъ Геронтіемъ. Но Алексѣй Михайловичъ въ Воскресенскій монастырь не поѣхалъ и у патріарха прощенія не просилъ. Наоборотъ, по истеченіи года и 7 мѣсяцевъ съ отъѣзда Никона, въ Москвѣ созванъ былъ освященный соборъ, которому царь и предложилъ на рѣшеніе вопросъ, какъ нало поступить въ виду оставленія Никономъ патріаршаго престола? Соборъ отвѣчалъ, что, по церковнымъ правиламъ, въ данномъ случаѣ надо поставить новаго патріарха. Царь

это постановленіе собора не спѣшилъ, однако, приводить въ исполненіе. Ко времени, послѣдовавшему за соборомъ 1660 года, и относятся заявленія Никона, которыя мы имѣемъ въ виду привести.

Ближайшій поводъ къ нимъ былъ данъ спорнымъ поземельнымъ дѣломъ Воскресенскаго монастыря съ окольничимъ Романомъ Бабарыкинымъ и вопросами боярина Стрѣшнева о дѣйствіяхъ Никона, на которые газскимъ митрополитомъ, Паисіемъ Лигаридомъ, были составлены отвѣты. Въ опроверженіе этихъ вопросовъ и отвѣтовъ Никонъ написалъ обширное «Возраженіе», въ которомъ и изложилъ свои мысли.

Никонъ утверждаетъ, что священство гораздо выше царства, потому что отъ священства на царство помазуются, а не отъ царей пріемлется начальство священства.

«Архіерейская власть—духовная, говорится по поводу 24 вопроса, а власть царя—мірская и ей подлежатъ вещи временныя. Царь обязанъ произнесть исповѣданіе вѣры предъ архіереемъ, а послѣдній, выслушавъ исповѣданіе, долженъ разсудить, право ли вѣруетъ царь или достоинъ клятвы... Господь Богъ, когда сотворилъ землю, повелѣлъ двумъ святиламъ святить ей, солнцу и мѣсяцу, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ—власть архіерейскую, мѣсяцемъ—царскую. Солнце свѣтитъ днемъ, какъ архіерей—душамъ. А меньшее свѣтило, мѣсяцъ, заимствующій свѣтъ отъ солнца, свѣтитъ ночью, т. е. для тѣла: такъ и царь пріемлетъ помазаніе и вѣнчаніе отъ архіерея, по принятіи которыхъ становится уже совершеннымъ свѣтиломъ и имѣетъ святѣйшую силу и власть... Царскій мечъ долженъ быть готовъ на враговъ вѣры православной, когда потребуетъ того архіерейство и все духовенство»... *).

Отсюда, царь не можетъ собирать соборы безъ патріарха, 396. Соборъ 1660 г. Никонъ называетъ «сонмищемъ іудейскимъ» и даже «бѣсовскимъ».

---

*) Свѣдѣнія о дѣлѣ Никона беремъ изъ Исторіи церкви Макарія, т. XII стр. 360, 365, 371, 396, 399, 417, 418, 421. 425, 427, 429, 478, 705—709, 717, 724, 734, 745, 754—8.

Далѣе, церковный чинъ не подлежитъ суду царя и мірскихъ властей. Составители Уложенія, учредившіе монастырскій приказъ, съ величайшимъ ожесточеніемъ порицаются Никономъ. Они «беззаконники, враги Божіи и всякой истины, богоборцы, отступники отъ Христа». «Князь Никита Ивановичъ Одоевскій — человѣкъ прегордый, страха Божія въ сердцѣ не имѣетъ, правилъ апостольскихъ и отеческихъ никогда не читаетъ и не разумѣетъ, и врагъ всякой истины; а товарищи его—люди простые, божественнаго писанія не вѣдующіе; дьяки же—это завѣдомые враги Божіе и дневные разбойники». Церковные люди судятся въ духовномъ судѣ; патріарха же не могутъ судить даже всѣ епископы. «Человѣку можно жить безъ руки, безъ ноги, но безъ головы не возможно; потому не могутъ члены тѣла отсѣчь свою голову и остаться живыми и дѣйствующими. «Патріарха судитъ вся вселенная» утверждалъ Никонъ позднѣе на судѣ. Наконецъ, церковное имущество должно остаться неприкосновеннымъ. «Патріархъ не имѣетъ своихъ вотчинъ; его вотчины и крестьяне—Божіе наслѣдіе. Цари, князья и другіе боголюбцы жертвуютъ свои имѣнія Господу Богу и святымъ Его къ церквамъ въ вѣчный поминокъ, а не патріарху, не владыкамъ, не монастырямъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей съ особой рѣзкостью выражены въ письмѣ къ царю по поводу дѣла Р. Бабарыкина. Архимандритъ и настоятель Воскресенскаго монастыря били челомъ государю о сыскѣ. По челобитью ихъ на мѣсто были присланы сыщики. Это обстоятельство и дало поводъ Никону написать царю письмо, въ которомъ между прочимъ онъ говоритъ:

«Откуда ты принялъ такое дерзновеніе, сыскивать о насъ и судить насъ? Какіе тебѣ законы Божіе велятъ обладать нами, рабами Божіими? Не довольно ли тебѣ судить въ правду людей царствія міра сего, о чемъ ты мало заботишься? Въ наказѣ написано твое повелѣніе: взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря. По какимъ это уставамъ? Надѣюсь,

если и поищешь, то не найдешь здѣсь ничего, кромѣ беззаконія и насилія. Послушай, Господа ради, что было древле за такую дерзость надъ Фараономъ въ Египтѣ, надъ содомлянами, надъ царями: Ахавомъ, Новуходоносоромъ и другими?... Не довольно ли того, что я бѣжалъ и оставилъ все,—еще ли угодно твоему благородію, чтобы я бѣжалъ, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный? Уже не зовусь великимъ государемъ, и какое тебѣ прекословіе творю? Всѣмъ архіерейскимъ обладаетъ рука твоя, судомъ и достояніемъ. Страшно молвить, но терпѣть невозможно: мы слышимъ, что по твоему указу и владыкъ посвящаютъ, и архимандритовъ, и игуменовъ, и поповъ поставляютъ, и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ тебя равночестнымъ св. Духу такъ: «По благодати св. Духа и по указу великаго государя». Недостаточно св. Духа, чтобы поставить безъ твоего указа! Но кто на Духа св. хулитъ, не получитъ прощенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій... Къ тому же, повсюду, по св. митрополіямъ, и епископіямъ, и монастырямъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, берешь насиліемъ нещадно вещи движимыя и недвижимыя, и всѣ законы св. отцевъ и благочестивыхъ царей и князей, греческихъ и русскихъ, ты обратилъ въ ничто»....

Патріархъ въ дѣйствіяхъ царя видитъ не просто неправильность или превышеніе власти, но хулу на св. Духа, и готовъ перейти къ обвиненію въ ереси; на концѣ языка его—отлученіе царя отъ церкви, но онъ не желаетъ произнести его самъ, а увѣренъ, что это сдѣлаютъ восточные патріархи. Та же мысль слышится и въ Возраженіяхъ. Въ 26-мъ, указавъ на то, что царь отбираетъ церковныя имущества, Никонъ говоритъ: «Царь недостоинъ входить и въ церковь и долженъ всю жизнь свою каяться»...

Языкъ Никона отличается крайней рѣзкостью и необузданностью, но высказываемыя имъ мысли мы давно слышали. О преимуществахъ священства передъ царствомъ говорили еще митрополиты Петръ, Фотій, Даніилъ, Макарій; преимущества же иноческаго чина передъ мірскимъ признавались самими великими князьями и даже царемъ Иваномъ Грознымъ. Право епископовъ отлучать князей отъ церкви практиковалось у насъ съ XII вѣка. Неприкосновенность цер-

ковныхъ имуществъ подверглась-было сомнѣнію въ началѣ XVI вѣка, но она нашла себѣ сильныхъ защитниковъ среди церковныхъ іерарховъ, которымъ и удалось одержать побѣду надъ своими противниками. Никонъ не есть случайное явленіе, это естественный плодъ всей нашей древности. Царствованіе Ѳедора Ивановича, этого монаха на престолѣ, составляетъ послѣднюю ступень къ патріаршему престолу Никона.

Какъ же разрѣшилось столкновеніе двухъ великихъ государей всея Руси, этой «богоизбранной и богомудрой двоицы и сугубицы»? Разрѣшеніе столкновенія на первый взглядъ можетъ представляться довольно простымъ. Никонъ уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, оставивъ патріаршество. Если патріархъ дѣйствительно отказался отъ патріаршества, надо поставить новаго. Въ этомъ смыслѣ высказался и соборъ, созванный царемъ въ 1660 году. Но члены собора разошлись по вопросу о томъ, чтоже дѣлать съ Никономъ: переставъ быть патріархомъ, остается онъ епископомъ, или нѣтъ? Нѣкоторые высказали мнѣніе, что остается; другіе утверждали, что отрекшійся отъ каѳедры можетъ быть снова на нее возведенъ, если окажется того достойнымъ. Обсужденіе этого вопроса вызвало заявленіе и новыхъ мнѣній по первому, т. е. о послѣдствіяхъ отъѣзда Никона въ Воскресенскій монастырь. Ученый архимандритъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря, Игнатій, сказалъ:

«Дѣтямъ отца и словеснымъ овцамъ верховнаго пастыря судить не подобаетъ, и собору русскаго духовенства не иначе возможно разсудить и разрѣшить правильно дѣло своего бывшаго патріарха Никона, какъ только по согласію съ большимъ соборомъ великой церкви константинопольской и со вселенскимъ патріархомъ».

Вопросъ, такимъ образомъ, осложнялся, и царь не рѣшился утвердить состоявшееся уже опредѣленіе собора. Грозная фигура Никона внушала страхъ и по отъѣздѣ въ Воскресенскій монастырь: боялись, что Никонъ будетъ па-

тріаршествовать и по поставленіи новаго патріарха и еще болѣе смутитъ церковь.

Какъ же покончить съ Никономъ и успокоить церковь? Царская власть не нашла другаго средства, какъ снова обратиться къ суду Греціи, съ которой всѣ разсчеты давно уже были покончены. Этотъ выходъ изъ затрудненія внушалъ и грекъ, бывшій тогда въ Москвѣ, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, успѣвшій пріобрѣсти большое къ себѣ довѣріе царя Алексѣя. По его совѣту царь рѣшилъ созвать соборъ для обсужденія всякихъ церковныхъ винъ, которыя учинились на Москвѣ при бытіи патріарха Никона и донынѣ дѣйствуютъ, и пригласить на этотъ соборъ восточныхъ патріарховъ и всѣхъ русскихъ архіереевъ.

По первому приглашенію восточные патріархи не нашли возможнымъ прибыть въ Москву, а рѣшили отвѣчать царю письменно. Не выслушавъ Никона, они не могли произнести никакого мнѣнія по его дѣлу, а потому въ ихъ грамотѣ рѣчь идетъ не о Никонѣ, а вообще объ отношеніяхъ патріарха къ царю. Мнѣніе восточныхъ патріарховъ XVII вѣка ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что высказывали по этому же вопросу ихъ предшественники XV и болѣе отдаленной древности. О послушаніи русскаго государя патріарху нѣтъ больше рѣчи. Совершенно наоборотъ, въ монархіи признается одно верховное лицо, царь; онъ имѣетъ право наказывать всѣхъ сопротивляющихся ему подданныхъ, хотя бы кто изъ нихъ занималъ и самое высшее мѣсто въ церкви. «Если патріархъ дерзнетъ сопротивляться царю или измѣнять древніе уставы, то да будетъ лишенъ своего достоинства». Но Нектарій іерусалимскій, подписавшій это мнѣніе вмѣстѣ съ другими митрополитами, нашелъ нужнымъ послать царю грамоту отъ себя лично, въ которой онъ передаетъ содержаніе коллективной грамоты и исторію ея составленія, а въ заключеніе совѣтуетъ царю покончить дѣло мирнымъ путемъ и пригласить Никона возвратиться на патріаршій престолъ.

«Помысливъ о семъ, говоритъ іерусалимскій патріархъ, миролюбивѣйшій государь, послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ вновь возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его... Если Никонъ говоритъ, что онъ отрекался не отъ престола, но отъ непокорныхъ, то, очевидно, онъ обличаетъ непокорность народа: покажите же къ нему должное повиновеніе, какъ къ строителю благодати... Онъ не подалъ письменнаго отреченія своему собору, и ваше величество, ровно какъ и весь народъ, не принимали этого отреченія»....

Такимъ образомъ, идея повиновенія свѣтской власти духовной продолжаетъ жить среди восточныхъ патріарховъ и подъ игомъ турецкаго рабства!

Блаженный Нектарій считаетъ Никона законнымъ патріархомъ и допускаетъ мысль, что онъ могъ отказаться отъ непокорныхъ сыновъ, а не отъ патріаршества. Было о чемъ задуматься и въ Москвѣ.

Положеніе царя Алексѣя и по полученіи свитка четырехъ греческихъ патріарховъ оставалось затруднительнымъ. Патріархи осуждаютъ не Никона, а вообще патріарха, если онъ виновенъ. Но кто же будетъ рѣшать вопросъ о томъ, виновенъ Никонъ въ нарушеніи древнихъ уставовъ или нѣтъ, отрекся онъ отъ патріаршества или нѣтъ? Соборъ русскихъ іерарховъ? Но соборъ русскихъ іерарховъ, созванный Иваномъ Грознымъ, осудилъ митрополита Филиппа, а царю, Алексѣю Михайловичу, прошлось же принести покаяніе и просить прощеніе за это дѣяніе своего предшественника. Для успокоенія возмущенной совѣсти царя нужно было рѣшеніе такого суда, члены котораго не были бы ему подчинены, а этого нельзя было сказать о русскихъ епископахъ. Нужны были восточные патріархи. Къ нимъ были посланы новыя призывныя грамоты и на этотъ разъ патріаршій судъ состоялся.

Этотъ судъ былъ послѣднимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшимъ актомъ униженія московской свѣтской власти передъ властью духовной—своей и чужой.

Кого судилъ московскій соборъ 1667 года? Соборъ су-

дилъ не вину только Никона, а распрю его съ царемъ. На этомъ судѣ московскій государь явился стороной: онъ то обвинялъ Никона, то самъ оправдывался отъ его обвиненій.

Царь былъ чрезвычайно возбужденъ во время суда. Онъ всталъ съ своего мѣста, какъ только явился Никонъ, и, обливаясь слезами, началъ обвинять его въ самовольномъ оставленіи престола. Свое обвиненіе царь заключилъ просьбой, обращенной къ суду: допросить бывшаго патріарха, для чего онъ патріаршескій престолъ оставилъ? По разрѣшеніи нѣкоторыхъ формальныхъ вопросовъ, судъ исполнилъ желаніе обвинителя и спросилъ Никона: почему онъ оставилъ соборную церковь и паству свою и отрекся отъ патріаршества?

Никонъ отвѣчалъ, что князь Юрію Ромадановскій прислалъ ему сказать, что государь на него гнѣвенъ за то, что онъ пишется великимъ государемъ, и запрещаетъ ему впредь такъ писаться, хотя прежде самъ велѣлъ ему это. Слыша на себя гнѣвъ государевъ, онъ и оставилъ соборную церковь, сошелъ съ престола и жилъ три дня въ Воскресенскомъ подворьѣ, ожидая къ себѣ присылки отъ государя. Но государь не прислалъ звать его на патріаршество, и тогда онъ уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

При обсужденіи предварительныхъ вопросовъ, государь хотя и сидѣлъ на особомъ царскомъ мѣстѣ, но вставалъ съ него и лично служилъ суду. Суду потребовалось сыскное дѣло про дьякона Ѳеодосія, и государь самъ поднесъ это дѣло патріархамъ. Выслушавъ отвѣтъ Никона, государь снова сошелъ со своего мѣста и сталъ посединѣ передъ столомъ. Увидавъ это, поднялись и патріархи съ своихъ мѣстъ, но царь имъ сказалъ:

«Мнѣ слѣдуетъ теперь стоять, такъ какъ меня обвиняетъ отецъ мой, Никонъ. А вы сидите, какъ судіи и преемники апостоловъ, и слушайте обвиненія на меня и мои оправданія».

Въ чемъ же царь нашелъ нужнымъ оправдываться передъ духовнымъ соборомъ? Въ томъ, что если онъ не далъ немед-

ленно, по письму Никона, обороны на окольничаго, Богдана Матвѣевича Хитрово, прибившаго палкой патріаршаго дворянина, то потому, что у него былъ у стола грузинскій царь, и въ ту пору сыскивать и оборону давать было некогда; и въ томъ, что напрасно Никонъ говоритъ о его къ нему гнѣвѣ, у него не было гнѣва на патріарха.

Личными объясненіями царя судьи, однако, не удовольствовались, они нашли нужнымъ произвести по этому предмету слѣдствіе и предложили митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ вопросъ: какія были обиды Никону патріарху отъ государя?

Царь былъ такъ возбужденъ, что не былъ въ состояніи дослушать, когда судьи исчерпаютъ вопросъ по первому его обвиненію, и обратился къ нимъ со вторымъ. Когда выяснилось, что царь желаетъ передать дѣло Никона на судъ восточныхъ патріарховъ, Никонъ рѣшилъ предупредить этотъ судъ предварительнымъ объясненіемъ патріархамъ своего дѣла. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ нимъ грамоты, которыя заключаютъ въ себѣ многія укоризны противъ царя и даже обвиненіе его въ неправославіи. Хотя эти грамоты до патріарховъ не дошли, а были перехвачены и доставлены въ Москву, но заключающіяся въ нихъ укоризны и обвиненія произвели на царя такое подавляющее впечатлѣніе, что онъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока патріархи не убѣдятся, что укоризны Никона несправедливы. Это и послужило основаніемъ второго обвиненія—въ клеветѣ въ письмахъ къ патріархамъ. Царь предоставилъ, однако, Никону excerpio veritatis. Обращаясь къ патріархамъ, онъ говорилъ:

«Бывшій патріархъ Никонъ писалъ къ вамъ, патріархамъ, многія на меня безчестія и укоризны.... Допросите его, все ли онъ истину, безъ всякаго прилога, въ граматахъ своихъ писалъ...».

И въ другой разъ:

«Никонъ написалъ такія великія укоризны (о неправославіи царя и наклонности его къ латинству) ложно, забывъ страхъ Божій, и тѣмъ.... меня, государя, и весь освя-

щенный соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ русскихъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія восточныхъ патріарховъ отрекъ и къ римскому костелу и вѣрѣ причолъ и назвалъ всѣхъ еретиками. Еслибы то письмо Никона дошло до вселенскихъ патріарховъ, быть бы всѣмъ намъ, православнымъ христіанамъ, подъ клятвою. И за то его ложное и затѣйливое письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься».

Это новое обвиненіе дало другое направленіе дѣлу. Стали читать грамоту Никона къ цареградскому патріарху Діонисію и допрашивать Никона по пунктамъ, на какомъ основаніи написалъ онъ то или другое; царь представлялъ объясненія по каждому пункту. Напримѣръ, Никонъ утверждалъ, что царь прислалъ судить его, патріарха, газскаго митрополита Паисія да боярина, кн. Н. И. Одоевскаго, съ товарищами; царь объяснялъ, что онъ послалъ ихъ, но не для суда, а выговаривать Никону его неправды. Въ грамотахъ Никонъ утверждалъ, что въ церковныя степени ставятъ по повелѣнію государя; царь отвѣчалъ, что на священныя степени ставять, какъ бывало прежде, соборомъ, а не по его указу. Никонъ обвинялъ царя въ томъ, что изъ патріаршей казны онъ беретъ деньги на свои проторы, а изъ архіерейскихъ и монастырскихъ имѣній беретъ людей на службу, и деньги, и хлѣбъ не милостиво. Государь оправдывался тѣмъ, что деньги изъ патріаршей казны были взяты взаймы, а недаромъ, и многое уже заплочено, а остальное будетъ заплочено; а со властей и съ монастырей брались люди, и деньги, и хлѣбъ, какъ брались и въ прежнія времена для государевой службы, и т. д.

Въ шестомъ засѣданіи суда царь говорилъ патріархамъ:

«Приношу жалобу вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами и епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими и со всѣмъ синклитомъ на Никона, бывшаго патріарха, что онъ, бранясь съ митрополитомъ газскимъ, въ письмѣ своемъ къ цареградскому патріарху назвалъ меня и весь освященный соборъ и всего моего царства людей еретиками.... Разсудите нашу жалобу и очистите меня

и освященный соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ нашего царства отъ того Никонова названія».

«Окончивъ рѣчь, государь поклонился патріархамъ, и за нимъ и весь соборъ и весь синклитъ поклонились патріархамъ до земли».

Наконецъ, этотъ судъ царя съ бывшимъ патріархомъ, длившійся 8 дней, окончился. Никонъ былъ обвиненъ по первому пункту, т. е. признанъ сложившимъ съ себя званіе патріарха безъ всякаго понужденія, а увлекаясь человѣческою страстію и чувствомъ мщенія; по второму обвиненію онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ грамотахъ своихъ писалъ, будто христіаннѣйшій самодержецъ Алексѣй Михайловичъ есть латиномудренникъ, мучитель, обидчикъ, Іеровоамъ и Озія. Кромѣ того, онъ былъ признанъ виновнымъ еще въ восьми винахъ и, между прочимъ, въ томъ, что коварно не допускалъ быть на патріаршей каѳедрѣ иному патріарху, и государь, архіереи, и синклитъ, понимая это лукавство, не осмѣливались возвести на московскій престолъ иного патріарха, да не будутъ разомъ два патріарха. Приговоромъ собора патріархъ Никонъ былъ низведенъ въ званіе простого монаха.

Такъ кончилось столкновеніе царя Алексѣя съ патріархомъ Никономъ, но былъ ли этимъ разрѣшенъ вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной въ Московскомъ государствѣ? Нисколько. И послѣ собора 1667 года дѣло оставалось въ томъ же неопредѣленномъ и опасномъ для свѣтской власти положеніи, въ какомъ оно было съ момента принятія православія. Новый энергическій патріархъ, новый монахъ на престолѣ, и паробощеніе свѣтской власти духовною могло повториться подъ готовой уже формой «богоизбранной и богомудрой двоицы и сугубицы». Даже между судьями Никона нашлись два епископа, крутицкій митрополитъ Павелъ, блюститель патріаршаго престола, и рязанскій митрополитъ Иларіонъ, отказавшіеся подписать окончательное опредѣленіе суда потому, что въ немъ помѣщено было

выраженіе, изъ извѣстнаго уже намъ Свитка четырехъ восточныхъ патріарховъ, о подчиненіи патріарха царю. Они увидали въ этомъ униженіе духовной власти предъ свѣтской. Недовольные формой рѣшенія, они подали записки, въ которыхъ говорилось не только о превосходствѣ патріаршей власти предъ царской, но и о превосходствѣ вообще епископской власти предъ свѣтской. Главнымъ защитникомъ свѣтской власти снова выступилъ грекъ, Паисій Лигаридъ. Онъ говорилъ много и горячо о свойствахъ царской власти и доводы свои подкрѣплялъ ссылками не только на христіанскихъ писателей, но и на языческихъ. Царь былъ огорченъ и встревоженъ этимъ протестомъ двухъ митрополитовъ. Чтобы успокоить его, они обратились къ восточнымъ патріархамъ съ просьбой исходатайствовать имъ у государя прощеніе за выказанную смѣлость и противленіе. Въ своей просьбѣ они, между прочимъ, говорили патріархамъ:

«Вы находитесь подъ властью невѣрныхъ агарянъ и если страдаете, то за ваше терпѣніе и скорби да воздастъ вамъ Господь. А мы, которыхъ вы считаете счастливыми, какъ живущихъ въ православномъ царствѣ, мы трикратно злополучны; мы терпимъ въ своихъ епархіяхъ всякаго рода притѣсненія и несправедливости отъ бояръ, и хотя большею частію стараемся скрывать и терпѣливо переносить эти неправды, но мы ужасаемся при мысли, что зло, съ теченіемъ времени, можетъ увеличиваться и возрастать, а собенно если будетъ утверждено за постоянное правило, что государство выше церкви. Мы вполнѣ довѣряемъ нашему доброму и благочестивѣйшему царю, Алексѣю Михайловичу, но мы опасаемся за будущее».

Паисій Лигаридъ снова составилъ длинное и краснорѣчивое возраженіе. Послѣ новыхъ и продолжительныхъ преній патріархи предложили:

«Пусть будетъ заключеніемъ и результатомъ всего нашего спора мысль, что царь имѣетъ преимущество въ политическихъ дѣлахъ, а патріархъ—въ церковныхъ».

Эту новую формулу Никоновской двоицы и сугубицы всѣ приняли съ удовольствіемъ, рукоплескали и взывали:

«Многія лѣта нашему побѣдоносному государю! многія лѣта и вамъ, святѣйшіе патріархи!» Послѣ этого митрополиты-протестанты подписали актъ о низложеніи Никона, но не безусловно, а съ оговоркой: «На изверженіе Никона, по священнымъ правиламъ содѣявшееся, подписалъ» (имя).

Никонъ не былъ одинокимъ. Онъ и по паденіи вызывалъ чувства восторга. Преосвященный Макарій приводитъ въ своей исторіи мнѣніе о судѣ надъ Никономъ одного изъ судей, епископа черниговскаго, Лазаря Барановскаго. Этотъ свидѣтель всего событія изумляется благодушію и кротости царя, осуждаетъ Никона за упорство, говоритъ, что смиреніе одержало бы верхъ, и заключаетъ такъ:

«Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило».

Вѣковой споръ духовной власти со свѣтской былъ впервые разрѣшенъ у насъ только Петромъ Великимъ.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ

Литература вопроса объ исторической роли духовенства

Заслуги русскаго духовенства чрезвычайно велики. Историческая наука давно обратила на нихъ вниманіе и оцѣнила по достоинству. Духовенство является первымъ и въ теченіе многихъ вѣковъ единственнымъ просвѣтителемъ русскаго народа. Духовные писатели положили начало русской литературѣ. Дѣятельность духовенства имѣла не одно только нравственное и просвѣтительное значеніе, но и политическое. Въ тяжелую годину княжескихъ междоусобій, наполняющихъ всю нашу древнюю исторію, духовенство вноситъ начала мира и любви въ княжескія отношенія и умѣряетъ воинственные порывы; въ періодъ татарскаго ига ему не разъ удается облегчать положеніе князей и утишать народныя бѣдствія; во всѣ времена оно было ходатаемъ передъ лицомъ свѣтской власти за невинно пострадавшихъ. При отсутствіи полноты и опредѣленности въ нашихъ древнихъ законахъ, при безполезной жестокости наказаній, это право печалованія является могущественнымъ средствомъ смягченія крайней суровости и неравномѣрности

нашей древней судебной и правительственной практики. Наконецъ, духовенство измѣняетъ и народные взгляды на представителей свѣтской власти. Въ языческое время княжеская власть разсматривалась, какъ учрежденіе человѣческое; съ принятіемъ христіанства она становится божескимъ установленіемъ. Эта новая точка зрѣнія возноситъ свѣтскую власть на небывалую дотолѣ высоту *).—Нѣкоторые ученые идутъ, однако, далѣе и приписываютъ духовенству не только дѣятельное участіе въ утвержденіи единовластія и самодержавія, но даже иниціативу въ насажденіи у насъ самой идеи самодержавія.

Исторія должна воздать каждому по заслугамъ его. Посмотримъ, насколько основательны эти послѣднія утвержденія.

Мысль о дѣятельномъ участіи духовенства въ образованіи политическаго единства Россіи высказана еще Соловьевымъ. Почтенный историкъ находитъ, что въ періодъ господства родовыхъ княжескихъ отношеній дѣятельность духовенства по части объединенія Россіи была незамѣтна. Это потому, что «духовенство могло противодѣйствовать усобицамъ, утишать ихъ, но не могло дѣйствовать открыто и съ успѣхомъ противъ причины усобицъ, противъ господ-

*) Эти заслуги духовенства признаны, какъ въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи Россіи и исторіи церкви, у Соловьева, Макарія, Знаменскаго и другихъ, такъ и въ спеціальныхъ трудахъ: Неизвѣстнаго автора—Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV в. въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ т. XVII, 1858; Думитрашко—Духовенство въ Россіи, въ Духовн. бесѣдѣ, 1862, № 2—5; св. Николаевскаго—Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ, въ Жур. Мин. Народ. Пр. т. 138, 1868; Иконникова—Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ рус. исторіи, 1869; Терновскаго—Участіе древне-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ, въ Трудахъ кіевск. дух. академіи т. I, 1870; Лебедева—Макарій, митрополитъ всероссійскій, въ Чтеніяхъ общества любителей духовн. просвѣщенія, сент и окт. 1877; Успенскаго—Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, 1887; Жмакина—митрополитъ Даніилъ, 1887; Дьяконова—Власть москов. государей, 1889.

ствующаго обычая: мы видимъ, продолжаетъ онъ, какъ лѣтописецъ, лицо, безспорно, духовное, принимаетъ сторону дядей противъ племянниковъ; таковы были господствующія представленія о правѣ княжескаго старшинства въ цѣломъ русскомъ народѣ, въ цѣломъ русскомъ духовенствѣ.... Другого рода явленіями характеризуется описываемое время (съ XIII вѣка): оно характеризуется борьбою между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластіемъ; при этой борьбѣ духовенство не могло оставаться равнодушнымъ, оно должно было объявить себя въ пользу того или другого порядка вещей.... Важность событій описываемаго времени.... должна была вызвать духовенство къ сильной дѣятельности.... Самая значительная дѣятельность въ описываемое время принадлежитъ тремъ митрополитамъ изъ русскихъ: Петру, Алексѣю, Іонѣ... Митрополиты покидаютъ Кіевъ и стремятся на сѣверъ.... переселяются въ стольный городъ одного изъ сильныхъ князей, и всѣми силами стараются помочь этому князю одолѣть противниковъ, утвердить единовластіе».... *).

За знаменитымъ историкомъ послѣдовали и авторы спеціальныхъ трудовъ, придавъ его мысли гораздо большую опредѣленность и рѣшительность. У Неизвѣстнаго автора читаемъ: митрополиты Петръ, Ѳеогностъ, Алексѣй съ другомъ Сергіемъ, Фотій и Іона утвердили единодержавіе (403). Протоіерей Н. Думитрашко говоритъ, что уже при Василіи Дмитріевичѣ духовенство поддерживаетъ цѣлость государства (109).

Митрополиты Петръ, Алексѣй и Іона, говорятъ приведенные нами историки, утверждаютъ у насъ единодержавіе. Но прежде чѣмъ приписывать эту заслугу святителямъ, высоко чтимымъ всѣмъ русскимъ народомъ, позволимъ себѣ спросить, когда установилось въ Россіи единодержавіе? Съ Дмитрія Ивановича и до Ивана Васильевича III всѣ московскіе великіе князья борятся съ своими сосѣдями и, по мѣрѣ

*) Исторія IV, стр. 294, 325, ср. V стр. 80.

возможности; присоединяютъ къ Москвѣ ихъ владѣнія, но никто изъ нихъ не установилъ единодержавія *). Не установилъ его и Иванъ Грозный, назначившій въ своемъ завѣщаніи особые удѣлы младшимъ сыновьямъ. Тоже дѣлали и всѣ его предшественники: если у нихъ было нѣсколько сыновей, они каждому оставляли особый удѣлъ. Такимъ образомъ, не только въ XIV вѣкѣ у насъ не было утверждено единодержавіе, но въ XV и даже въ XVI у московскихъ великихъ князей еще не было и мысли о немъ. Установленіе единодержавія есть актъ народной воли, избравшей для всей Россіи одного государя, сперва въ лицѣ Бориса, потомъ Василія Шуйскаго и Владислава и, наконецъ, въ лицѣ Михаила Ѳедоровича Романова.

Такимъ образомъ, митрополитамъ Петру, Алексію и Іонѣ приписывается участіе въ небывалomъ фактѣ, котораго они и свидѣтелями-то не могли быть. Иванъ Даниловичъ Калита былъ очень близокъ къ митрополиту Петру и, конечно, пользовался его совѣтами; но мы знаемъ, что именно онъ положилъ начало тому дробленію московскаго удѣла, послѣдніе слѣды котораго можно наблюдать еще въ XVI вѣкѣ. Преемникъ Калиты, Семенъ Ивановичъ, чрезвычайно уважавшій митрополита Алексія и завѣщавшій братьямъ своимъ слушать его, былъ такъ же далекъ отъ мысли о политическомъ единствѣ Россіи, какъ и отецъ его. Тоже надо сказать и о его братѣ. Дѣлитъ свои владѣнія и Дмитрій Ивановичъ, хотя профессоръ Знаменскій и утверждаетъ, что митрополитъ Алексій и былъ настоящимъ правителемъ государства въ его время.

Соловьевъ полагаетъ, что съ XIII вѣка «духовенство объявило себя въ пользу того строя вещей, который обѣщалъ землѣ успокоеніе отъ усобицъ, установленіе мира и порядка» (IV, 295). Почтенный авторъ имѣетъ здѣсь въ виду новый порядокъ перехода столовъ отъ отца къ сыну, впервые возникшій, по его мнѣнію, въ Москвѣ. Мы очень

*) Подробнѣе объ этомъ въ I т. Рус. юр. древностей.

затрудняемся приписать духовенству дѣятельную роль въ выработкѣ какого либо опредѣленнаго порядка преемства. Мы думаемъ, что духовенству едва ли даже было возможно принять въ этомъ дѣлѣ активное участіе. Апостолъ Павелъ говоритъ: нѣтъ власти аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Здѣсь выражено признаніе всякой существующей власти. На какомъ основаніи могло бы духовенство поднять руку противъ существующей власти въ пользу пріятнаго ему претендента, не пользующагося властью? Еслибы преемство столовъ уже въ московское время было опредѣлено закономъ, тогда было бы основаніе не признать счастливаго обладателя власти въ виду нарушенія имъ существующаго законнаго порядка, освященнаго церковью; но никакого законнаго порядка преемства тогда еще не было. Все основывалось на завѣщаніяхъ, скрѣпляемыхъ договорами, и на ханскихъ ярлыкахъ, имѣвшихъ еще большее значеніе, чѣмъ княжескіе завѣщанія и договоры. По смерти великаго князя всѣ претенденты на его столъ, обыкновенно, спѣшили въ Орду и тамъ получали ярлыкъ на великое княженіе. На какомъ бы основаніи могъ митрополитъ не признать князя, удостоеннаго въ Ордѣ великимъ княженіемъ? Вѣдь сами князья признавали же такой порядокъ? Также точно не могъ онъ не признать и распредѣленія столовъ, основаннаго на завѣщаніяхъ и договорахъ. И дѣйствительно, духовенство скрѣпляетъ своимъ участіемъ всевозможные завѣщанія и договоры. Оно поддерживаетъ въ этихъ случаяхъ предержащую власть и только. Въ противность мнѣнію Соловьева, оно въ XII вѣкѣ, нерѣдко, отдаетъ предпочтеніе племяннику передъ дядей, а въ XIV—дядѣ передъ племянникомъ, по той простой причинѣ, что въ первомъ случаѣ предержащею властью является племянникъ, а во второмъ—дядя. По смерти Ивана Ивановича великое княженіе добываетъ въ Ордѣ не сынъ его, а братъ, Дмитрій Константиновичъ Суздальскій. Что дѣлаетъ митрополитъ Алексій? Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что новый князь сѣлъ «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», но митрополитъ при-

знаетъ его и благословляетъ на княженіе *). Такимъ образомъ, съ благословенія митрополита на великое княженіе садится не сынъ умершаго князя, а его дядя, какъ въ древней Россіи, и великое княженіе изъ старшей линіи переходитъ въ младшую. Какъ возвратилось великое княженіе въ родъ старшей линіи Ярослава Всеволодовича, къ сыну умершаго Ивана Ивановича? Проф. Знаменскій говоритъ: митрополитъ Алексій помогъ Дмитрію удержать великокняжеское достоинство, несмотря на соперничество его старшаго родича, Дмитрія Суздальскаго (66). Иначе объясняетъ это Соловьевъ: бояре московскіе, говоритъ онъ, купили ему ярлыкъ на великое княженіе (III, 336). И это объясненіе надо принять. Въ памятникахъ нѣтъ указаній на то, чтобы митрополитъ Алексій помогалъ Дмитрію Ивановичу удержать за собой вел. княженіе, да и вопросъ шелъ не объ удержаніи, а о пріобрѣтеніи вновь. При молчаніи же памятниковъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права навязывать митрополиту участіе въ доставленіи Дмитрію Ивановичу великокняжескаго стола: онъ призналъ Дмитрія Константиновича Суздальскаго и, конечно, остался ему вѣренъ. Въ другомъ положеніи находились московскіе бояре, они пользовались правомъ вольной службы и имъ не было ни малѣйшей надобности признавать Дмитрія Константиновича великимъ княземъ; совершенно наоборотъ: вступленіе его на великое княженіе было имъ не выгодно. У Дмитрія Константиновича были свои бояре, которымъ онъ, конечно, и роздалъ кормленія, бывшія до того времени за москви-

*) Такъ Карамзинъ IV, 181. Это, конечно, его выводъ изъ лѣтописныхъ разсказовъ объ этомъ событіи и совершенно вѣрный. Лѣтописи говорятъ, что новый великій князь въѣхалъ «въ Володимеръ... и тогда при немъ, въ Володимери пресвященный Алексѣй митрополитъ постави въ Новъградъ Алексѣя архіепископомъ». Никон. Митрополитъ, слѣдовательно, не оказалъ никакого противодѣйствія новому вел. князю. А изъ того, что онъ исполняетъ функціи своей власти въ присутствіи князя, слѣдуетъ, что и новый князь совершенно доволенъ митрополитомъ. Значитъ, митрополитъ его призналъ и благословилъ.

чами. У московскихъ бояръ были сильныя побужденія противодѣйствовать Дмитрію Константиновичу, у митрополита никакихъ. Московскіе бояре и доставили Дмитрію Ивановичу великое княженіе.

Въ 1446 году вел. князь московскій, Василій Васильевичъ, былъ измѣннически схваченъ Дмитріемъ Шемякою, лишенъ свободы и ослѣпленъ. За небольшимъ исключеніемъ, всѣ служивые люди Василія Васильевича перешли на сторону Шемяки и цѣловали къ нему крестъ. Шемяка сдѣлался, такимъ образомъ, предержащею властью. Но у него были нѣкоторыя опасенія за будущее: сыновья великаго князя, Иванъ и Юрій, находились на свободѣ. Они нашли преданнаго слугу въ князѣ Иванѣ Ряполовскомъ и со многими людьми затворились въ Муромѣ. Надо было примириться съ ними и привлечь къ себѣ ихъ сторонниковъ. Митрополита въ то время не было. Въ 1433 году вел. князь Василій Васильевичъ и соборъ епископовъ избрали въ это званіе рязанскаго епископа Іону, но онъ не получилъ посвященія въ Константинополѣ и былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ только въ 1448 году. Къ посредничеству этого то избраннаго въ митрополиты епископа и обратился Дмитрій Шемяка. Новый великій князь просилъ епископа поѣхать въ Муромъ, взять дѣтей Василія Васильевича «на свой патрахель» и привезти къ нему. За эту услугу онъ обѣщалъ Іонѣ митрополичью каѳедру, а бывшему великому князю свободу и вотчину «доволну, какъ мощно имъ быти со всѣмъ». Епископъ Іона на эти условія согласился, поѣхалъ въ Муромъ и уговорилъ князей Ряполовскихъ примириться съ Шемякою и отвезти къ нему дѣтей низложеннаго вел. князя. Такимъ образомъ, совершившійся фактъ былъ признанъ епископомъ и послѣдніе сторонники Василія Васильевича перешли на сторону Дмитрія Шемяки. Московское великое княженіе снова перешло не къ сыну, а въ линію младшаго брата великаго князя.

Но Дмитрій обманулъ и епископа и Ряполовскихъ. Дѣ-

тей Василія Темнаго онъ заключилъ въ одну тюрьму съ отцомъ, а Ряполовскихъ хотя почтилъ обѣдомъ и одарилъ, но «мало».

Эта вопіющая измѣна своему слову, невольнымъ участникомъ которой Шемяка сдѣлалъ епископа, извѣстнаго святостью своей жизни, возбудила противъ новаго великаго князя всеобщее неудовольствіе. Ряполовскіе стали строить планы съ цѣлью освобожденія великаго князя Василія; епископъ Іона осыпалъ Дмитрія упреками. «Неправду еси учинилъ, говорилъ онъ ему, а меня еси ввелъ въ соромъ и грѣхъ! Князя ти было великаго выпустить, а ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ: а мнѣ еси далъ свое правое слово, а они мене послушали, и нынче язъ во всей лжи! Выпусти его, сведи съ моея души и своея! А что можетъ онъ учинити безъ вѣка? А дѣти его малы. А еще его укрѣпи крестомъ честнымъ да и нашею братьею владыками». Воскр.

Великій князь, Дмитрій Шемяка, рѣшилъ, наконецъ, послѣдовать совѣту св. Іоны, дать свободу Василію Темному и надѣлить его особымъ удѣломъ. Это свое жалованье Шемяка облекъ въ чрезвычайно торжественную форму. Онъ отправился въ Угличъ, гдѣ бывшій вел. князь находился въ заключеніи, въ сопровожденіи всѣхъ епископовъ, и честныхъ архимандритовъ, и игумновъ. Освобожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и низложеніе великаго князя въ удѣльные сопровождалось большимъ пиромъ, въ которомъ приняли участіе «всѣ епископы земли русскіе, и бояре мнози, и дѣти боярскія».

При такой обстановкѣ исполнилъ новый великій князь совѣтъ рязанскаго епископа укрѣпить Василія Васильевича «крестомъ честнымъ и нашею братьею, владыками». Итакъ, не одинъ епископъ Іона укрѣпилъ своимъ согласіемъ переходъ великаго княженія отъ старшей линіи къ младшей, но и всѣ епископы русской земли. Что они дѣлали? Они подчинялись предержащей власти.

Въ томъ же году(1446) Василій Темный возвратилъ себѣ великое княженіе. Ночью, въ самый день Рождества Хри-

стова, воины его внезапно овладѣли Москвой. Намѣстникъ Дмитрія Шемяки едва успѣлъ убѣжать изъ церкви, гдѣ онъ слушалъ заутреню; намѣстникъ же Ивана Можайскаго попалъ въ плѣнъ. Такъ совершилось возстановленіе Василія Темнаго на великомъ княженіи. Кто это сдѣлалъ? Проф. Знаменскій говоритъ: «Во время всей этой усобицы, духовенство крѣпко стояло за великаго князя, всѣми силами содѣйствуя побѣдѣ Москвы. Св. Іона неизмѣнно дѣйствовалъ въ пользу Василія, несмотря на то, что Шемяка усердно старался привлечь его къ себѣ, много его честилъ и, завладѣвъ Москвой, ввелъ его въ полное управленіе дѣлами митрополіи» (73). Источники говорятъ совершенно другое. Мы видѣли уже, что всѣ епископы русскіе признали фактъ низложенія Василія Васильевича и перехода великаго княженія къ Дмитрію Шемякѣ. Не могли же они вслѣдъ за этимъ признаніемъ начать интриговать противъ новаго вел. князя и содѣйствовать Василію Темному овладѣть Москвой. Василій Темный возстановилъ свои права на вел. княженіе не при помощи духовенства, а при содѣйствіи военной силы, руской и татарской. Чрезвычайно любопытный и даже трогательный разсказъ объ этомъ можно прочитать въ Воскресенской лѣтописи.

Но какъ только Василій Васильевичъ снова сдѣлался предержащею властью, все духовенство опять стало на его сторонѣ. Завладѣвъ Москвой, вел. князь направилъ свои войска противъ Дмитрія Шемяки и принудилъ его къ миру, по которому Шемяка отказался отъ вел. княженія и далъ на себя проклятыя грамоты. Несмотря на этотъ миръ, Шемяка не думалъ успокоиться, онъ не исполнилъ принятыхъ на себя договоромъ обязательствъ и началъ замышлять новыя козни противъ Василія Васильевича. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вел. князь обратился къ суду духовенства, которое и оказало ему энергическую поддержку. Всѣ находившіеся въ Москвѣ, въ декабрѣ 1447 года, епископы, архимандриты, игумены, священно-иноки и священники собрались на соборъ, разсмотрѣли жалобу вел.

князя и написали Шемякѣ посланіе, въ которомъ исчисляютъ всѣ его неправды, убѣждаютъ исправиться и угрожаютъ отлученіемъ отъ церкви, если онъ не исполнитъ принятыхъ на себя обязательствъ. Такъ какъ Дмитрій Юрьевичъ, несмотря на увѣщанія духовенства, не исправился согласно крестному цѣлованію, то его постигло отлученіе. Кромѣ соборнаго посланія, мы имѣемъ еще нѣсколько посланій митрополита Іоны по тому же вопросу. Шемяка продолжалъ замышлять противъ великаго князя и съ этою цѣлью набирать себѣ сторонниковъ; митрополитъ нашелъ поэтому нужнымъ написать посланіе ко всѣмъ «князьямъ, панамъ и боярамъ, и намѣстникамъ, и воеводамъ, и всему купно христоименитому Господню людству». Указывая на неисполненіе Шемякою крестныхъ грамотъ, онъ убѣждаетъ всѣхъ и каждаго, во избѣжаніе кровопролитія, поступать на службу къ вел. князю, а не къ Шемякѣ. Въ посланіи къ новогородскому епископу митрополитъ доказываетъ, что отлученнаго отъ церкви Шемяку епископъ не можетъ называть «сыномъ» своимъ. Оказывая дѣятельную поддержку предержащей власти, митрополитъ не высказываетъ, однако, никакихъ новыхъ взглядовъ на власть вел. князя. Отношенія вел. князя къ удѣльнымъ остаются по прежнему договорными и «неисправленіе» Шемяки заключается въ томъ, что онъ дѣйствуетъ несогласно съ заключеннымъ договоромъ. Въ грамотахъ собора и митрополита нѣтъ ни малѣйшаго намека на единство политической власти, на единодержавіе *). Иначе оцѣниваетъ содержаніе соборнаго посланія проф. Иконниковъ. «Въ первыхъ строкахъ посланія, говоритъ онъ, духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ

*) А. И. I № 40, 43, 53, 56; А. Э. I. № 372. Въ посланіи митрополита къ псковичамъ проводится таже мысль о подчиненіи князю на основаніи договора. «А на чемъ есте, сынове, рекли къ нашему сыну, а къ своему отчичу и дѣдичу, къ великому князю, и въ томъ бы есте къ нему о всемъ правили и стояли въ томъ». А. И. I № 61, 1458.

грѣхъ отца Шемяки—Юрія, стремившагося захватить великокняжескій престолъ, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе сравниться съ божествомъ; Шемяку, за ослѣпленіе вел. князя, сравниваетъ съ братоубійцами, Каиномъ и Святополкомъ. Точнѣе взглядъ духовенства опредѣляется словами: «кому дано что отъ Бога, того не можетъ отнять у него никто» (326). Гдѣ же тутъ мысль о единодержавіи? Полагаемъ, она совершенно отсутствуетъ. А тамъ, гдѣ почтенный авторъ усматриваетъ наиболѣе точное ея выраженіе, содержится признаніе какъ разъ обратнаго, т. е. многодержавія. Какъ вел. князю Богомъ дано великое княженіе, такъ удѣльному—удѣльное. И то и другое, слѣдовательно, навѣки неприкосновенно. Съ такими взглядами мы никогда не пришли бы къ единодержавію. Но духовенство иначе и смотрѣть не могло.

Мысль о томъ, что духовенство способствовало утвержденію новыхъ воззрѣній на существо княжеской власти имѣетъ свой зародышъ также въ трудѣ Соловьева. Въ IV т. его исторіи читаемъ: «Намъ не нужно повторять здѣсь сказаннаго выше о могущественномъ содѣйствіи св. Алексія московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ другими князьями» (303). Эта мысль получила свое дальнѣйшее развитіе въ двухъ трудахъ, почти единовременно увидавшихъ свѣтъ: въ сочиненіяхъ проф. Николаевскаго и проф. Иконникова. Проф. Николаевскій проводитъ мысль о томъ, что русское духовенство заботилось объ утвержденіи самодержавной власти въ русской землѣ (93 и слѣд.). Проф. Иконниковъ указываетъ на источникъ этихъ новыхъ воззрѣній на власть. По его мнѣнію, они пришли къ намъ изъ Византіи. «Въ Византіи, говоритъ онъ, выработывается теорія господственнаго значенія свѣтской власти въ отношеніи къ духовной, и въ такомъ видѣ она перешла въ Россію» (368). «Тѣмъ же путемъ распространились въ Россіи и новыя понятія о верховной власти: ихъ вноситъ въ русское общество византійское духовенство, у котораго вполнѣ заимствуетъ русское» (369). «Полнымъ представителемъ этой системы

былъ Іоаннъ IV, который отчетливо и сознательно формулируетъ ее въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому» (370). Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе выражаетъ эту мысль проф. Дьяконовъ. Въ предисловіи къ своему изслѣдованію о власти московскихъ государей онъ говоритъ: «Въ настоящее время не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи». Оба послѣднихъ автора приписываютъ духовенству не только содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи самодержавной власти, о чемъ говоритъ проф. Николаевскій, но иниціативу введенія ея, оно заноситъ къ намъ самую идею самодержавія. Но между ними есть и разница. Проф. Иконниковъ не называетъ собственнымъ именемъ тѣ новыя начала власти, которыя принесены къ намъ изъ Византіи. Онъ знакомитъ съ ними своего читателя путемъ намека: это то, о чемъ говоритъ Грозный въ перепискѣ съ Курбскимъ. Проф. Дьяконовъ выражается прямо: позаимствована самая идея самодержавія. Есть и другое различіе. У проф. Иконникова духовенство не единственная причина измѣненій во власти московскихъ государей; онъ отдаетъ должное и татарамъ и находитъ вѣрнымъ замѣчаніе Карамзина, сказавшаго: «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ» (318). Эта двойственность въ той формѣ, въ какой почтенный авторъ говоритъ о вліяніи Византіи, не очень послѣдовательна, но, конечно, ближе къ истинѣ. Проф. же Дьяконовъ въ московскомъ самодержавіи видитъ явленіе однопричинное и ничего не знаетъ о вліяніи ордынскихъ «царей» на власть московскихъ государей.

Вышеприведенное замѣчаніе Соловьева, конечно, должно быть принято. Духовенство, выводя свѣтскую власть отъ Бога, несомнѣнно усиливало ее. Митрополиты, имѣя одну резиденцію съ великимъ княземъ московскимъ, однимъ этимъ фактомъ сожительства возвышали его власть передъ другими князьями. Эта близость къ московскому князю, натурально, заставляла ихъ поддерживать его въ борьбѣ съ удѣльными. Они освобождали этихъ послѣднихъ отъ кре-

стныхъ цѣлованій ко всѣмъ другимъ князьямъ и благословляли ихъ союзы съ московскими великими князьями; въ случаѣ же нарушенія этихъ союзовъ, они предавали ихъ анаѳемѣ. Это дѣлалъ и митрополитъ Алексій, что и имѣетъ въ виду Соловьевъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ. Но митрополитъ Алексій отправляется отъ договорныхъ началъ и караетъ отлученіемъ за неисполненіе крестныхъ цѣлованій и никакихъ новыхъ мыслей объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великимъ не высказываетъ. Эти отношенія и послѣ митрополита Алексія продолжаютъ оставаться договорными.

Совсѣмъ на другую почву становится протоіерей Николаевскій, приписывая духовенству утвержденіе въ Россіи самодержавія. Отъ духовнаго писателя, автора прекраснаго очерка о русской проповѣди въ XV и XVI вѣкѣ, мы, конечно, не можемъ требовать, чтобы, говоря о вліяніи духовенства на развитіе самодержавія, онъ отправлялся отъ точныхъ понятій о самодержавіи и былъ знатокомъ русской политической исторіи. Авторъ, дѣйствительно, не даетъ опредѣленія термина самодержавіе, который онъ встрѣчаетъ въ памятникахъ, и не идетъ въ глубь разслѣдованія фактовъ свѣтской исторіи, которыхъ ему приходится касаться. Вслѣдствіе этого весь его отдѣлъ о вліяніи духовенства на власть московскихъ государей представляется смутнымъ по постановкѣ вопроса и мало доказательнымъ по существу.

Сказавъ, что русское духовенство заботилось объ утвержденіи самодержавной власти въ Русской землѣ, почтенный авторъ продолжаетъ: О митрополитѣ Іонѣ читаемъ, что онъ (съ архіепископомъ новогородскимъ) тотчасъ по изгнаніи хана ногайскаго, «завѣщастася испросити у Бога, яко отнынѣ ордынстіи царіе не имутъ одолѣти рустѣй державѣ, и велиціи князи къ тому не имутъ ходити въ Орду на поклоненіе къ царемъ, но самодержавно да царствуютъ въ отечествіи, си въ Русстѣй землѣ, одолѣвая противныхъ, и сугубо прорекоша великой Ордѣ разореніе и русскому царству распространеніе» (93). Вотъ мѣсто, въ которомъ употреб-

ленъ терминъ самодержавіе. Но въ какомъ смыслѣ: въ смыслѣ абсолютной власти вообще, или въ какомъ другомъ? Здѣсь рѣчь идетъ не объ абсолютной власти вообще, а о національной и независимой отъ Орды и только. Если подъ самодержавіемъ авторъ разумѣетъ національную власть, онъ доказалъ свою мысль; если абсолютную—онъ ошибается. Что онъ собственно имѣетъ въ виду, этого онъ не высказываетъ, но, кажется, абсолютную.

Непосредственно за приведенной цитатой авторъ продолжаетъ: «Предшественникъ митрополита Іоны, Фотій, выбралъ княземъ малолѣтняго сына Василіева, стараясь утвердить власть въ одномъ домѣ; онъ больше дѣйствовалъ своими личными убѣжденіями и самъ ѣздилъ въ Галичъ, чтобы примирить удѣльныхъ князей и склонить ихъ признать власть московскаго государя».

Здѣсь сохраненіе великаго княженія въ старшей линіи Дмитрія Донского приводится въ доказательство содѣйствія духовенства къ утвержденію самодержавія. Но допустимъ, что это одно и тоже; посмотримъ только, правильно ли приведены факты.

Василій Васильевичъ не былъ выбранъ Фотіемъ въ преемники своего отца, а получилъ великое княженіе отъ отца по соглашенію съ братьями. Мы имѣемъ три духовныхъ завѣщанія Василія Дмитріевича. Первое было написано еще до пріѣзда грека Фотія изъ Византіи въ Москву. Въ немъ вел. князь говоритъ о своемъ старшемъ сынѣ, Иванѣ, какъ предполагаемомъ наслѣдникѣ въ великомъ княженіи. Слѣдовательно, мысль о переходѣ великаго княженія въ нисходящей линіи старшаго сына Дмитрія Донскаго была присуща Василію Дмитріевичу и до пріѣзда Фотія въ Москву. Но предполагаемый наслѣдникъ умеръ прежде отца; великій князь написалъ новое завѣщаніе, въ которомъ прямо уже отказываетъ великое княженіе сыну Василію. Сына своего Василія, княгиню и остальныхъ дѣтей князь поручаетъ заботамъ великаго князя Витовта, родныхъ своихъ братьевъ: Андрея, Петра и Константина, и троюродныхъ: Сергѣя и Ярослава

Владиміровичей, «по ихъ докончанью, какъ они рекли». Что это такое? Это изстари практиковавшійся у насъ порядокъ. Князь не довольствуется составленіемъ завѣщанія въ пользу своихъ сыновей, но укрѣпляетъ его договоромъ съ другими князьями, которые обязываются быть исполнителями воли завѣшателя и охранителями интересовъ его наслѣдниковъ. Это вѣковая практика. Фотій тутъ рѣшительно не причемъ. По установившемуся порядку онъ даетъ свое благословеніе и только. Онъ точно также далъ бы свое благословеніе, если бы великій князь отказалъ свое княженіе не сыну, а брату.

Василію Дмитріевичу удалось склонить въ пользу своего завѣщанія трехъ родныхъ братьевъ и двухъ троюродныхъ, но старшій его братъ, Юрій, въ этомъ соглашеніи участія не принялъ. Это значитъ, что онъ оставилъ за собой свободу предъявить права на великое княженіе и начать съ племянникомъ войну. По смерти Василія Димитріевича новый вел. князь по соглашенію съ митрополитомъ, дядями, дѣдомъ Витовтомъ и со всѣми князьями и боярами земли своей рѣшилъ вступить въ мирные переговоры съ дядею Юріемъ. Посломъ къ нему въ Галичъ былъ отправленъ митрополитъ Фотій. Несмотря на почотный пріемъ, оказанный Фотію, ему не удалось склонить Юрія къ отказу отъ своихъ притязаній. Юрій, провожая митрополита, сказалъ ему: «Пошлю о миру къ великому князю бояръ своихъ». Эти послы были присланы въ Москву и заключили миръ на томъ, что Василій Васильевичъ и Юрій передадутъ свой споръ на рѣшеніе «царя», т.-е. въ Орду. Въ Ордѣ же дѣло было рѣшено въ пользу Василія, но представителемъ и защитникомъ его интересовъ былъ не Фотій, а бояре. Роль Фотія во всемъ этомъ дѣлѣ оказывается чрезвычайно скромною. Онъ не только не выбиралъ князя на московскій престолъ, но даже не могъ помѣшать переносу вопроса о наслѣдствѣ на судъ ордынскаго царя.

Затѣмъ авторъ приводитъ мысли, выраженныя въ посланіи старца псковского Елеазарова монастыря о замѣнѣ павшаго Рима и Константинополя русскимъ царствомъ, или о

Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ. Съ этой точки зрѣнія русскій государь представляется враздодержателемъ всѣхъ престоловъ и во всей поднебесной единственнымъ христіанскимъ царемъ, а московская Успенская церковь—«одна во всей вселенной свѣтится лучше солнца вмѣсто церквей римской и константинопольской» (95).—Распространеніе такихъ мыслей должно было въ значительной мѣрѣ способствовать возвеличенію значенія Москвы и русской царской власти, но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ установленію и утвержденію какой либо опредѣленной формы правленія.

На слѣдующей, 96 стр., читаемъ: «Голосъ русскаго духовенства въ пользу самодержавія царской власти раздавался съ большею и большею силою по мѣрѣ того, какъ сама царская власть пріобрѣтала фактическое значеніе въ государствѣ. Каждая новая побѣда... давала поводъ говорить о ней, какъ о новомъ доказательствѣ милости Божіей къ вел. князю, новомъ свидѣтельствѣ истинности и законности его помазанія на русское царство». И затѣмъ приводится выдержка изъ письма протоіерея Сильвестра, написаннаго по поводу взятія Казани: «Нынѣ царь нашъ, Иванъ Васильевичъ, говоритъ Сильвестръ, уподобися царю Константину... Казань разори... и христіанство насади... и аще убо Константина вспомянухомъ, подобаетъ и царя Давида на среду привести... Сколько подобно ему пострадалъ отъ враговъ царь Иванъ, но и онъ, подобно Давиду, поступалъ съ нами кротко», и т. д. Во всемъ письмѣ ни слова о самодержавіи. Изъ предшествующаго же мы знаемъ, что протоіерей Сильвестръ даже вовсе не былъ сторонникомъ самодержавія въ смыслѣ абсолютной власти, а является первымъ виновникомъ формальнаго ограниченія власти царя.

Ссылки такого рода свидѣтельствуютъ о несовсѣмъ ясномъ представленіи автора о существѣ самодержавія и ровно ничего не доказываютъ.

Проф. Иконниковъ беретъ на себя задачу указать на самую причину измѣненій во власти московскихъ государей;

онъ полагаетъ, что «теорія свѣтской власти утверждается у насъ на византійскихъ преданіяхъ, духовномъ авторитетѣ и источникахъ византійской письменности» (370). Нельзя сказать, чтобы приведенное положеніе отличалось большой опредѣленностью. Слѣдовало бы выяснить, о какой это теоріи свѣтской власти говоритъ почтенный авторъ. Полное выраженіе этой теоріи онъ находитъ въ посланіяхъ Ивана Грознаго къ Курбскому. Необходимо было также выяснить и теорію Грознаго; авторъ дѣлаетъ выписки изъ его посланій, но не формулируетъ самой теоріи. Трудно понять, далѣе, что разумѣетъ авторъ, говоря, что теорія Грознаго утверждается на духовномъ авторитетѣ. Какой это духовный авторитетъ? Авторитетъ духовныхъ властей? Но мы знаемъ, что именно Грозный энергически возставалъ противъ господства поповъ въ государствѣ.

Еслибы авторъ говорилъ о какой-либо опредѣленной теоріи, напримѣръ, о теоріи божественнаго происхожденія власти, мы бы къ нему совершенно присоединились. Но онъ не беретъ на себя задачи выяснить теорію Грознаго въ томъ видѣ, какъ она высказана имъ въ перепискѣ съ княземъ Андреемъ Курбскимъ, и приписываетъ все, что царь Иванъ Васильевичъ говорилъ тамъ о существѣ своей власти, вліянію византійскихъ преданій и памятниковъ византійской письменности. Вотъ съ этимъ никакъ нельзя сосласиться.

Иванъ Грозный говоритъ не о божественномъ только происхожденіи своей власти; онъ говоритъ еще и о томъ, что онъ долженъ самъ управлять своимъ государствомъ и не давать властвовать надъ собой своимъ рабамъ. Къ кому относится это выраженіе? Возражая Курбскому, царь не его только имѣлъ въ виду, а всю «избранную раду», которая ограничивала его властъ. Курбскій въ письмѣ къ царю, вызвавшемъ его отвѣтное посланіе, противополагаетъ прежнее его правленіе—пресвѣтлое—нынѣшнему, когда царь сдѣлался гонителемъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Царь понялъ, что Курбскій отдаетъ хвалу времени, когда господствовала рада, а

потому въ своемъ отвѣтѣ много разъ обращается съ порицаніемъ къ радѣ и рѣшительно высказываетъ мысль, что онъ долженъ самъ править государствомъ, а не подчиняться совѣтникамъ. Эту теорію почтенный авторъ, надо полагать, тоже выводитъ изъ Византіи, такъ какъ ея вліянію приписываетъ онъ всѣ мысли, формулированныя Грознымъ въ посланіяхъ къ Курбскому. А это нуждается въ особомъ доказательствѣ, такъ какъ есть достаточное основаніе сомнѣваться въ византійскомъ происхожденіи идеи личнаго у насъ управленія князя. Личное управленіе князя есть исконное явленіе нашей исторіи: князь изначала призывался для суда и управленія и, обыкновенно, судилъ и управлялъ самъ. Не личное управленіе, на сторонѣ котораго стоитъ Грозный, есть новость, а управленіе, ограниченное совѣтомъ и введенное къ намъ Сильвестромъ и Адашевымъ, есть новость. Откуда взяли идею такого управленія члены избранной рады, въ числѣ которыхъ были и многіе представители духовенства, этого мы не знаемъ; но, если вѣрить Ивану Грозному, они позаимствовали ее изъ Византіи. Вотъ какую выдержку приводитъ проф. Иконниковъ изъ письма Грознаго: «Какъ можетъ назваться самодержцемъ тотъ, кто не самъ управляетъ государствомъ? Пока римскою имперіею управлялъ одинъ Августъ, она была нерушима, но какъ только послѣ Константина В. наступаетъ раздѣленіе власти, Византія распадается и слабѣетъ. Злые совѣтники стараются захватить въ свои руки власть, и греческая имперія, бравшая дань прежде съ другихъ народовъ, теперь сама платитъ ее. Наступаетъ господство латинъ; а потомъ паденіе имперіи. Тамъ цари были послушны совѣтникамъ и привели государство къ погибели» (361). Дополнимъ эту выдержку небольшой выпиской подлинныхъ словъ Грознаго. Указавъ на факты постепеннаго паденія Византіи, онъ обращается съ такимъ воззваніемъ къ Курбскому: «Смотри же убо се и разумѣй, каково правленіе составляется въ разныхъ началахъ и властехъ, и понеже убо тамо (въ Византіи) быша царіе послушны епархомъ и сигклитомъ, и въ какову погибель пріидоша!

Сіе ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели пріити?» (153).

Итакъ, проводя начало личнаго управленія, Грозный вовсе не думаетъ, что онъ переноситъ къ намъ византійскіе порядки; совершенно наоборотъ, въ попыткѣ избранной рады ограничить его власть онъ видитъ подражаніе гибельнымъ примѣрамъ Византіи. Далеко, слѣдовательно, не всѣ теоріи Грознаго можно выводить «изъ византійскихъ преданій и источниковъ византійской письменности». У этого государя было слишкомъ много своеобразнаго, чего никакъ нельзя объяснить простымъ заимствованіемъ. Почтенный историкъ останавливается на посланіяхъ Грознаго и въ нихъ видитъ воплощеніе византійскихъ теорій; но вовсе не беретъ въ соображеніе правительственной практики московскаго государя, а въ данномъ вопросѣ это имѣетъ большое значеніе. Какими византійскими преданіями можно объяснить, напримѣръ, учрежденіе опричнины или вѣнчаніе на московское царство Семена Бекбулатовича не въ качествѣ второго, младшаго царя, что бывало въ Византіи, а единственнаго, и съ переходомъ настоящаго царя въ положеніе подданнаго?

На точкѣ зрѣнія заимствованія стоитъ и профес. Дьяконовъ въ своемъ сочиненіи о «Власти московскихъ государей», но въ отличіе отъ своего предшественника онъ ясно и опредѣленно называетъ то, что мы взяли изъ Византіи. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи». Почтенный авторъ не доказываетъ въ своемъ изслѣдованіи факта позаимствованія и не объясняетъ, что разумѣетъ онъ подъ самодержавной властью, самая идея которой была позаимствована. Нельзя требовать, чтобы авторъ доказывалъ положенія, которыя онъ считаетъ безспорными; но можно пожалѣть, что онъ не указалъ, кто довелъ его положеніе до состоянія безспорности. Мы, по крайней мѣрѣ, не нашли въ литературѣ, пред-

шествующей появленію въ свѣтъ его книги, обстоятельнаго рѣшенія этого вопроса въ нужномъ для автора смыслѣ. Также нельзя не пожалѣть, что авторъ не объясняетъ, въ какомъ смыслѣ употребляетъ онъ слово самодержавіе. Изъ разныхъ мѣстъ его книги можно вывести, что подъ самодержавіемъ онъ разумѣетъ неограниченную, абсолютную власть. Такимъ образомъ, власть московскихъ государей характеризуется признакомъ абсолютизма, занесеннаго изъ Византіи. Такъ ли это? Что власть московскихъ государей идетъ, постоянно возростая, это фактъ общепризнанный и не подлежащій никакому сомнѣнію; но что она можетъ быть характеризована опредѣленнымъ признакомъ абсолютизма, это положеніе далеко не такъ ясно и просто, какъ думаетъ почтенный авторъ. Затронутый въ краткой замѣткѣ г. Дьяконова вопросъ представляется чрезвычайно сложнымъ.

Но прежде чѣмъ разъяснять нашу мысль, остановимся на одномъ предварительномъ вопросѣ. Идея московскаго самодержавія, говорятъ намъ, позаимствована изъ Византіи. А что было въ Византіи?

Римскіе императоры языческой эпохи соединяли въ своихъ рукахъ абсолютную власть. По lex regia все, что было угодно и нравилось императору, имѣло силу закона: Quidquid principi placuit, legis habet vigorem. Положеніе это не было отмѣнено и въ христіанскую эпоху; но съ признаніемъ христіанства государственной религіей, оно потерпѣло на практикѣ существенное ограниченіе. Принявъ христіанство, признавъ его догматы, установленные на вселенскихъ соборахъ, сдѣлавшись защитниками и покровителями православной вѣры, императоры ограничили собственную свою волю. Они не могли предписывать свою догму, вмѣсто догмы, признанной церковью; они не могли отмѣнять догматы, признанные вселенскими соборами и ихъ предшественниками. Но христіанство даетъ намъ не одно только ученіе вѣры, оно даетъ и ученіе нравственности. Византійскіе императоры, ставъ покровителями истинной вѣры, сдѣлались въ тоже время и обязательными покровителями христіанской нрав-

ственности. Только языческіе императоры были абсолютны во всѣхъ дѣлахъ и могли установлять даже поклоненіе такимъ богамъ, какіе имъ нравились; съ принятіемъ христіанста языческій абсолютизмъ свѣтской власти сдѣлался невозможенъ въ христіанскомъ государствѣ.

Эти понятія объ ограниченной свѣтской власти греческое духовенство должно было принести и къ намъ. Признавая одну церковь и одного царя, покровителя церкви, оно должно было смотрѣть на русскую свѣтскую власть, какъ на сугубо ограниченную: митрополита русской земли нельзя было ни поставить, ни смѣнить безъ согласія византійскаго императора.

Московскіе государи были еще менѣе абсолютны, чѣмъ византійскіе императоры. Великій князь Иванъ Васильевичъ ѣздилъ въ Симоновъ монастырь просить прощенья у митрополита Геронтія за неправильный споръ о хожденіи по солнцу во время освященія Успенскаго собора и не былъ въ состояніи провести желательную ему экспропріацію части церковныхъ имуществъ. Царь Иванъ Грозный приступилъ къ исправленію Судебника дѣда своего, испросивъ предварительно благословеніе духовнаго собора, и также не былъ въ состояніи обратить часть церковныхъ имуществъ на потребности государства. Алексѣй Михайловичъ, въ своемъ столкновеніи съ Никономъ, нашелъ нужнымъ обратиться къ суду восточныхъ патріарховъ и оправдывался передъ ними въ обвиненіяхъ, которыя выставилъ противъ него Никонъ.

Мы далеки отъ мысли отрицать вліяніе Византіи на строй государственной жизни древней Россіи. Внося къ намъ идею божественнаго происхожденія власти, духовенство много способствовало возвеличенію достоинства свѣтской власти; но проводить идею языческаго абсолютизма оно не могло по самому свойству своего ученія.

Но есть и другіе пункты, съ точки зрѣнія которыхъ тоже оказывается неприложимой къ власти московскихъ государей идея абсолютизма. Московскимъ государямъ была чужда мысль, что законъ есть то, что имъ нравится, что

онъ есть дѣло ихъ произвола. Они жили въ вѣками установленномъ порядкѣ и руководились въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ стариной, освященной временемъ, давнимъ обычаемъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ назначаетъ своимъ наслѣдникомъ внука, а не второго сына, потому, что это старина, идущая отъ его прародителей Сынъ его, великій князь Василій, дѣлаетъ отказъ въ пользу жены своей, «какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ... отцовъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло». Слѣдуетъ быть тому, что было прежде. Такъ же разсуждаетъ и Иванъ Грозный. Онъ желаетъ исправить изданный его дѣдомъ Судебникъ и проситъ духовенство благословить его на исправленіе Судебника «по старинѣ». Свою власть въ томъ видѣ, какъ онъ проявлялъ ее послѣ низложенія избранной рады, онъ также не считаетъ новостью, дѣломъ своего усмотрѣнія: это власть, унаслѣдованная отъ предковъ, это та самая власть, которая принадлежала великому князю Владиміру Святому, просвятившему русскую землю святымъ крещеніемъ, Владиміру Мономаху, Александру Невскому, Дмитрію Донскому, и, наконецъ, дѣду и отцу великаго князя. Московскіе порядки второй половины XVI в. не созданы Грознымъ; такова его точка зрѣнія.

Вѣками сложившіеся порядки московскіе государи не находили возможнымъ отмѣнять своею волею, хотя бы они имъ и не нравились. Таковы, напримѣръ, порядки вольной службы и мѣстничества служилыхъ людей. Много терпѣлъ отъ права свободнаго отъѣзда великій князь Василій Темный; не нравилось это право и сыну его, Ивану Васильевичу; но ни тотъ, ни другой князь не нашли возможнымъ отмѣнить это право своимъ указомъ. Московскіе государи ведутъ борьбу съ отдѣльными служилыми людьми, замышляющими отъѣздъ, обвиняютъ ихъ въ измѣнѣ и сажаютъ въ тюрьму, гдѣ и держатъ до тѣхъ поръ, пока они не добьютъ челомъ о прощеніи, но права отъѣзда въ принципѣ они не касаются и не отмѣняютъ его; оно вымираетъ, не будучи отмѣнено.

Право мѣстничества несомнѣнно ограничиваетъ власть московскихъ государей. Московскіе служилые люди обязаны служить, но ихъ нельзя назначать на какое царю угодно мѣсто. Ихъ надо или назначать согласно ихъ отеческой чести, или вовсе не назначать; отъ назначенія, несогласнаго съ ихъ отеческой честью, они имѣютъ право отказаться. И вотъ это ограниченіе царской власти существуетъ въ XIV, XV, XVI и XVII вѣкѣ. Отмѣняется оно только въ 1682 году, но какъ? Приговоромъ собора духовенства и служилыхъ людей, а не однимъ царскимъ указомъ.

Характеризовать власть московскихъ государей постояннымъ признакомъ абсолютизма на всемъ пространствѣ многовѣкового существованія московскаго государства—едвали можно. Власть московскихъ государей находится въ процессѣ постояннаго возрастанія. Съ каждымъ царствованіемъ она все болѣе и болѣе высвобождается изъ тѣхъ узъ, которыя опутывали ее въ древности. Но она и въ XVII вѣкѣ не доходитъ до сознанія своей неограниченности и не считаетъ нужнымъ сдѣлать какое-либо законодательное опредѣленіе своихъ полномочій. Единственное исключеніе представляетъ Иванъ Грозный, этотъ душевнобольной философъ на престолѣ. Но и онъ не даетъ законодательныхъ опредѣленій власти московскихъ государей, а рисуетъ лишь свой идеалъ христіанскаго царя. Въ отвѣтномъ посланіи къ Курбскому онъ излагаетъ свой взглядъ на происхожденіе и существо принадлежащей ему власти*). Взглядъ этотъ сложился подъ вліяніемъ двухъ мотивовъ: христіанскихъ идей и отечественной практики. Въ первую половину царствованія Грознаго избранная рада ограничивала его власть. Это нововведеніе удержалось въ нашей практикѣ не долго, но оставило тяжелый слѣдъ въ воспоминаніяхъ царя. Отвѣчая Курбскому, онъ имѣетъ въ виду не его только, а всю раду, и отзывается о ней съ крайнимъ озлобленіемъ. Онъ честитъ членовъ ея наименованіемъ рабовъ и собакъ, въ дѣйствіяхъ

*) Приводимъ страницы по 3-му изданію.

ихъ видитъ измѣну: они хотѣли подчинить царя своей волѣ и погубить его. Эту личную точку зрѣнія необходимо имѣть въ виду при разъясненіи взглядовъ Грознаго.

Царь исходитъ изъ той христіанской мысли, что «земля правится Божіимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостью, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводами» 156. Изъ этого божественнаго міроправленія возникаетъ для христіанскаго государя задача привести подданныхъ своихъ къ познанію истинаго Бога: «Тщу же ся, говоритъ царь, со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются. Се ли убо горько и тьма, яко отъ злыхъ престати и благая творити?» 169.

Таковъ христіанскій идеалъ царя по взгляду Ивана Грознаго. Этотъ Богомъ поставленный царь, имѣющій цѣлью дать торжество христіанской истинѣ, самъ управляетъ своимъ государствомъ, а не подчиняется своимъ совѣтникамъ, этимъ собакамъ и измѣнникамъ, которые хотѣли его погубить. Христіанскій государь свободенъ жаловать и казнить своихъ подвластныхъ, не спрашивая мнѣнія своихъ совѣтниковъ, и такъ было всегда въ Россіи (170). Но эти казни и милости не произволъ. Русскіе государи благимъ воздаютъ благое, а злымъ—злое (189). Они казнятъ только злодѣевъ, но злодѣевъ нигдѣ не любятъ и не милуютъ. Мукъ же, гоненій и смертей многообразныхъ ни на кого не умышляютъ (157).

Рисуя идеалъ христіанскаго царя, Иванъ Грозный употребляетъ въ своемъ посланіи и терминъ самодоржавіе. Конечно, онъ не анализируетъ понятія самодержавіе. Но можемъ ли мы упрекнуть его за это, если ученые конца XIX вѣка не считаютъ нужнымъ останавливаться на разъясненіи этого понятія? Несмотря на молчаніе Грознаго о понятіи самодержавія, мы все же можемъ выяснить себѣ до нѣкоторой степени его взглядъ. Признавая, что земля правится

Божіимъ милосердіемъ и что государи призваны вести народъ свой къ познанію христіанской истины, онъ, конечно, не можетъ понимать подъ самодержавіемъ абсолютную власть. Принадлежащая ему власть имѣетъ уже предустановленную цѣль, отъ которой онъ отступить не можетъ. Быть самодержавнымъ въ предѣлахъ этой цѣли по Грозному значитъ управлять самому, а не въ зависимости отъ бояръ и вельможъ. «Россійское самодержавство, говоритъ царь, изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи» (141). И въ другомъ мѣстѣ: «Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честью почтенну быти, властію же ни чѣмъ же лучше быти раба? А се ли тьма, яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? Яко же рече апостолъ Павелъ, къ галатомъ пиша: Въ нѣколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ничимъ же есть лучше раба, но подъ повелитьльми и приставники есть, до нарока отча. Мы же, благодатію Христовою, дойдохомъ лѣтъ нарока отча, и подъ повелительми и приставники быти намъ не пригоже» (149). Самодержавіе Грознаго, приравненное къ совершеннолѣтію, обозначаетъ самостоятельность власти, по отношенію къ совѣтникамъ, боярамъ и вельможамъ, а не право обращать въ законъ всякое свое желаніе.

Въ томъ же смыслѣ самостоятельности, но по отношенію къ чуждой власти ордынскихъ царей, слово это употреблено и составителями степенной книги въ приведенномъ уже выше мѣстѣ (стр. 396). Въ этомъ же смыслѣ независимости царской власти отъ иноземцевъ употребляется оно и въ актахъ объ избраніи Василія Шуйскаго на царскій престолъ. Въ записи, разосланной боярами во всѣ города для приведенія подданныхъ къ присягѣ новому царю, онъ называется самодержцемъ; а между тѣмъ тѣ же бояре предложили новоизбранному царю ограничительныя условія, которыя имъ и приняты. Такимъ образомъ самодержавіе и ограниченіе

существуютъ рядомъ *). Самодержавіе въ данномъ случаѣ можетъ означатъ только національную власть, неподчиняющуюся никакому иноземному господству. Еще большія ограниченія царской власти предложены были королевичу Владиславу и имъ приняты, а между чѣмъ и вновь избранный государь называетъ себя самодержцемъ и избравшіе его бояре чествуютъ его тѣмъ же титуломъ **). И здѣсь, надо думать, словомъ самодержавіе хотятъ указать на независимость новаго государя отъ его отца, польскаго короля, а не на неограниченность власти. Таково словоупотребленіе XVI и начала XVII вѣка. Понятіемъ самодержавія обозначается національная русская власть, свободная отъ всякаго подчиненія иноземной силѣ.

Терминъ самодержецъ, конечно, есть переводъ съ греческаго—αυτοκρατωρ. Русскіе князья познакомились съ нимъ въ византійскихъ памятникахъ, въ патріаршихъ грамотахъ, напримѣръ, въ которыхъ онъ примѣнялся къ византійскимъ императорамъ, и сами первоначально чествовали этимъ титуломъ государей Византіи, а потомъ уже, по ихъ примѣру, стали примѣнять его и къ себѣ. Но при этомъ наши предки, конечно, не вдавались ни въ какой анализъ того, что собственно этотъ титулъ значитъ и соединяются ли съ нимъ какія права и какія именно. Поэтому и оказалось возможнымъ соединять съ титуломъ самодержца ограниченія царской власти. Московскіе великіе князья позаимствовали у митрополитовъ титулъ великихъ князей всея Руси, не сдѣлавшись всероссійскими (см. I т. Рус. юр. древн. стр. 79), и у византійскихъ императоровъ титулъ самодержца, не сдѣлавшись абсолютными.

Но возвратимся къ Ивану Грозному. По низложеніи избранной рады была учреждена опричнина и началась эпоха жестокихъ казней. Но, проливая кровь злодѣевъ и

*) На это было уже указано профес. Ключевскимъ въ его Боярской думѣ.

**) Рум. собр. II № 141, 144, 254, 263, 272—4, 276, 277; 1606—1612.

измѣнниковъ, Иванъ Грозный осуществлялъ не свою только личную волю, онъ заручился согласіемъ народа. Вотъ какъ это было.

Безпорядки и разореніе, причиненные боярами и вельможами, совѣтниками царя, были такъ велики, что государь не нашолъ возможнымъ оставаться долѣе на престолѣ. «Бояре и всѣ приказные люди, такъ начинаетъ онъ исчисленіе боярскихъ измѣнъ, его государства людемъ многіе убытки дѣлали, и казны его государскія тощили, а прибытковъ его казнѣ государьской ни которой не прибавливали. Также бояре его и воеводы земли его государьскіе себѣ розъимали и другомъ своимъ раздавали, и держали за собою бояре и воеводы помѣстья и вотчины великія, и жалованья государьскія кормленыя емлючи, и собравъ себѣ великія богатства, и о государѣ и о его государствѣ нехотя радѣти, и отъ недруговъ его, отъ крымского и отъ литовского, и отъ нѣмецъ не хотя крестіянства обороняти, наипаче же крестіяномъ насиліе чинити, и сами отъ службы учали удалятися.....; и въ чемъ онъ, государь, бояръ своихъ и всѣхъ приказныхъ людей, также и служилыхъ людей, князей и дѣтей боярскихъ похочетъ которыхъ въ ихъ винахъ понаказати, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложась съ бояры, и съ дворяны, и съ дьяки, и со всѣми приказными людьми, почали по нихъ же государю царю и великому князю покрывати. И царь и государь и великій князь, отъ великіе жалости сердца, не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государьство и поѣхалъ гдѣ вселитися, идѣже его, государя, Богъ наставитъ».

Итакъ, измѣны бояръ, ихъ хищенія и насилія и невозможность прекратить установившееся такимъ образомъ безпорядочное управленіе, такъ какъ и духовенство соединилось съ боярствомъ и не давало царю казнить виновныхъ, заставили его оставить свое государство и уѣхать изъ Москвы, и царь уѣхалъ со всѣмъ семействомъ 3 декабря 1564 года.

Народъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ ужасъ и смятеніе и сталъ просить митрополита «бить челомъ государю и царю и великому князю, чтобы надъ ними милость показалъ, государьства не оставлялъ, и ихъ на расхищеніе волкамъ не давалъ, наипаче же отъ рукъ сильныхъ избавлялъ. А кто будетъ государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, и они за тѣхъ не стоятъ, и сами тѣхъ потребятъ».

Съ этимъ народнымъ челобитьемъ духовенство поѣхало въ Александровскую слободу, гдѣ находился царь. «Челобитье же государь царь и великій князь архіепископовъ и епископовъ принялъ на томъ, что ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему, государю, дѣлали и въ чемъ ему государю были не послушны, на тѣхъ опала своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати; а учинити ему на своемъ государствѣ себѣ опришнину»... Рус. ист. библ. III, 248 и сл.

Это договоръ царя съ народомъ, а не актъ неограниченной власти: царь соглашается на народное челобитье, онъ остается на престолѣ и будетъ выводить измѣну; народъ, съ своей стороны, не будетъ защищать измѣнниковъ; духовенство отказывается отъ своего права печалованія. Послѣ такого соглашенія и началась эпоха казней.

Наконецъ, укажемъ и на то, что Ивану Грозному принадлежитъ первый опытъ созванія земскихъ соборовъ, хотя и въ очень несовершенной формѣ. Сдѣланный Грознымъ опытъ вызвалъ подражаніе у государей XVII вѣка. Къ соборамъ обращались Михаилъ Ѳедоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ. При содѣйствіи соборовъ московское государство оправилось отъ тяжелыхъ послѣдствій смутнаго времени, Алексѣй Михайловичъ издалъ Уложеніе, Ѳедоръ Алексѣевичъ отмѣнилъ мѣстничество. Эта соборная практика прибавляетъ новую черту къ понятію самодержавія московскихъ государей. Къ сожалѣнію, г. Дьяконовъ не доводитъ своего труда до конца. Въ сочиненіи, посвященномъ изслѣдованію вопроса о власти московскихъ государей, авторъ не нашолъ нужнымъ говорить о власти

государей XVII вѣка. Такимъ образомъ, возникшія въ началѣ XVII вѣка попытки формальныхъ ограниченій этой власти остаются внѣ его кругозора, также не касается онъ и самостоятельныхъ обращеній московскихъ государей къ содѣйствію земскихъ соборовъ. Остается, такимъ образомъ, совершенно неразъясненнымъ вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся эти особенности московскаго самодержавія къ идеѣ самодержавія, заимствованной изъ Византіи и также не разъясненной.

Что же даетъ намъ г. Дьяконовъ въ своемъ изслѣдованіи о власти московскихъ государей? Онъ относится къ своей задачѣ съ величайшей скромностью. «Детальное выясненіе того положенія, что идея самодержавной власти заимствована изъ Византіи, еще ждетъ своего изслѣдователя», говоритъ онъ. «Не обладая спеціальной подготовкой византиниста, авторъ не беретъ на себя такой работы». Въ ожиданіи, «онъ находитъ не лишнимъ дать читателю возможность оріентироваться въ вопросѣ такой существенной важности». Съ этою цѣлью онъ даетъ сводъ результатовъ, добытыхъ уже ученою критикою. То новое, что «удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, не измѣняетъ ихъ существеннаго содержанія».

Дѣйствительно, мы находимъ у него тщательное изложеніе вопросовъ, затронутыхъ предшествующей литературой о богоустановленности власти, о должномъ почитаніи властей, объ отвѣтственности князей и царей, объ обязанности ихъ охранять православіе, о царскомъ титулѣ и царской чести, о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, о первенствѣ московскихъ государей предъ государями всего міра и т. д. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? За исключеніемъ проф. Иконникова, никто изъ предшественниковъ нашего автора не ставитъ вопроса о происхожденіи идеи самодержавія, а потому, сколько бы онъ ни слагалъ вмѣстѣ выводы ихъ ученой критики, никогда не получится отвѣта на возбужденный имъ вопросъ.

Почтенный авторъ даетъ прекрасный сводъ ученій о

богоустановленности власти. Но развѣ этимъ доказывается заимствованіе идеи самодержавія? Конечно, нѣтъ: Богомъ установлена всякая власть, а не самодержавная только.

Особое вниманіе посвящаетъ авторъ проповѣди духовенства о подчиненіи властямъ; но вѣдь это не есть проповѣдь абсолютизма: духовенство проповѣдуетъ необходимость подчиненія власти православныхъ государей, государей-покровителей церкви. Проповѣдь Іосифлянъ не представляетъ исключенія. Митрополитъ Даніилъ, типическій представитель этого направленія, дѣлаетъ все угодное для свѣтской власти, но съ тѣмъ, чтобы она не прикасалась къ интересамъ церкви, не поднимала вопроса о ея недвижимостяхъ и т. д. Это—раздѣленіе власти между царемъ и духовенствомъ, а не проповѣдь безусловнаго подчиненія свѣтской власти *)

Фикція о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, давно извѣстна нашей литературѣ и давно получила совершенно правильную оцѣнку. Профес. Успенскій въ мастерски написанной статьѣ о томъ, какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, говоритъ: «Изъ московской теоріи (о Москвѣ — третьемъ Римѣ) сдѣлано было остроумное примѣненіе къ возвеличенію царскаго достоинства. Въ Степенной книгѣ появляется родословіе, берущее корни отъ Августа и доказывающее родственныя связи между домомъ Рюриковичей и Юліевъ. Затѣмъ стали искать и нашли другія основанія сблизить русскую царскую власть съ императорскою». И далѣе авторъ приводитъ сказаніе о шапкѣ Мономаха и другихъ регаліяхъ, яко бы полученныхъ изъ Греціи. Вотъ и все, что можно сказать о значеніи этой фикціи: она послужила къ возвеличенію власти и только. Г. Дьяконовъ,

*) Въ изслѣдованіи Жмакина о митрополитѣ Даніилѣ находимъ такое опредѣленіе основного принципа волоколамской школы: «Подчиненіе церковной власти авторитету власти государственной подъ условіемъ сохраненія всѣхъ существующихъ правъ и привилегій церкви». 130.

можетъ быть, видитъ именно въ ней средство переноса «идеи»? Это надо было бы выяснить и доказать, такъ какъ само собой это не разумѣется. Прекрасную критику этой фикціи о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, находимъ у проф. Жданова. «Нарождалось въ Москвѣ что-то новое и небывалое, говоритъ онъ о времени Ивана Васильевича и его сына, Василія. Книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому опредѣленную форму, стиль которой отвѣчалъ историческому кругозору и литературному вкусу ихъ времени. Придавать этой формѣ самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ «каѳолическаго царя», значило бы придавать слишкомъ мало цѣны русскимъ историческимъ преданіямъ государственнымъ и церковнымъ. Можно ли думать, что среди русскихъ людей откроется какое-то особенное увлеченіе византійскими идеалами, какъ разъ въ то время, когда государственный строй, ихъ воплощавшій, терпѣлъ крушеніе, когда византійскому царству пришлось выслушать суровый историческій приговоръ?» *).

Идетъ рѣчь въ книгѣ г. Дьяконова и о принятіи царскаго титула Иваномъ Грознымъ. Еще за 12 лѣтъ до появленія его книги въ свѣтъ по поводу принятія царскаго титула высказался г. Лебедевъ въ своей статьѣ о Макаріи, митрополитѣ всероссійскомъ. Онъ полагаетъ, что и до принятія титула власть царя была уже неограниченной, и говоритъ: «Титулъ царя ничего не прибавилъ къ неограниченной его власти.» Это, конечно, совершенно вѣрно: титулъ не могъ произвести и не произвелъ никакого измѣненія въ существѣ власти. Да онъ далеко и не новый.

Когда же, кѣмъ и какъ заимствована идея самодержавія? Не рѣшаютъ этого вопроса предшественники г. Дьяконова,

*) Русскій былевой эпосъ, изслѣдованія и матеріалы. 1895. 114. Здѣсь же и любопытныя указанія на происхожденіе этой фикціи.

не рѣшаетъ его и онъ. Къ тому, что было намъ раньше извѣстно, онъ прибавилъ только свою вѣру въ позаимствованіе идеи изъ Византіи, не болѣе.

Мы отрицаемъ и самый вопросъ. Наша исторія ставитъ не этотъ, а совершенно другой, она ставитъ вопросъ о причинахъ постояннаго роста и усиленія у насъ царской власти. На этотъ вопросъ давно обратили вниманіе наши историки и, кажется намъ, правильно на него отвѣтили. Это явленіе многопричинное. Ростъ царской власти обусловливается: 1) ученіемъ духовенства о божественномъ происхожденіи власти; 2) проповѣдью духовенства о повиновеніи и покореніи властямъ. Это двѣ самыхъ древнихъ причины. Дѣйствіе ихъ началось съ принятія христіанства. Съ возникновенія Московскаго удѣла къ этимъ причинамъ присоединяется 3-я, переносъ метрополіи въ Москву, сдѣлавшій этотъ городъ религіознымъ центромъ Россіи. Пребываніе митрополита въ Москвѣ выгодно отличило московскаго князя отъ всѣхъ другихъ; а естественная съ этого времени близость его съ митрополитомъ и масса общихъ интересовъ должны были способствовать усиленію его власти. Въ своихъ собственныхъ интересахъ митрополитъ долженъ былъ поддерживать вел. князя московскаго. Въ 4-хъ, имѣетъ значеніе и причина, отмѣченная Карамзинымъ въ извѣстномъ выраженіи: Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ. Въ 5-хъ, политика такихъ московскихъ государей, какъ Дмитрій Донской, Иванъ Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Благодаря ихъ генію и дальнозоркости, возникаетъ идея недѣлимости великаго княженія, княжеская казна наполняется деньгами, границы Московскаго государства расширяются и получается возможность установить обязательную службу помѣщиковъ и вотчинниковъ. Въ 6-хъ, надо признать и мысль Соловьева: для возвышенія московскихъ князей надъ другими «нужна была помощь преданій имперіи: эти-то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ». Но мысль эта мало у него разработана и, можетъ быть, не совершенно-

точно выражена. Иванъ Васильевичъ и до брака на греческой царевнѣ пользовался не меньшею властью, чѣмъ послѣ брака; пріѣздъ греческой царевны могъ, однако, произвести перемѣну во внѣшней обстановкѣ жизни московскихъ государей, а это могло способствовать возвеличенію ихъ власти въ глазахъ народа. Въ 7-хъ, прекращеніе династіи Рюриковичей и всенародное избраніе новой, положило конецъ удѣламъ и навсегда закрѣпило мысль объ единомъ государства и единомъ царѣ. Благодаря этому, власть царей новой династіи поднимается на высоту недостижимую для царей династіи Рюриковичей.

Власть московскихъ государей является результатомъ вѣковой работы нашей исторіи, а не «позаимствованіемъ» чего-то изъ Византіи.

Въ неисчерпаемой сокровищницѣ 29 томовъ исторіи Соловьева, изъ которой долго еще будутъ черпать свои знанія наши историки, находимъ и еще одну мысль, которая полюбилась даже писателямъ славянофильскаго направленія. Это мысль о томъ, что у насъ, въ отличіе отъ Запада, не было борьбы между государствомъ и церковью. Въ IV т. Соловьева читаемъ: «Митрополиты русскіе не стараются получить самостоятельное, независимое отъ свѣтской власти существованіе. Пребываніе въ Кіевѣ, среди князей слабыхъ, въ отдаленіи отъ сильнѣйшихъ, отъ главныхъ сценъ политическаго дѣйствія, всего лучше могло бы дать имъ такое существованіе; но Кіевъ не становится русскимъ Римомъ: митрополиты покидаютъ его и стремятся на сѣверъ, подъ покровъ могущества гражданскаго... значеніемъ, которое получаютъ здѣсь митрополиты, значеніемъ, которое придаютъ имъ сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утвержденія своего вліянія, своего господства надъ князьями... какъ то дѣлывалось на Западѣ; напротивъ, стараются какъ можно скорѣе усилить одного князя на счетъ всѣхъ другихъ».. 325.

Возникаетъ мнѣніе о коренномъ различіи въ отношеніяхъ государства и церкви у насъ и на Западѣ.

Кіевскіе митрополиты дѣйствительно переселяются на сѣверъ послѣ татарскаго погрома; но вовсе не потому, чтобы находили нужнымъ бѣжать отъ самостоятельности и власти, какія могли бы обрѣсти, оставаясь въ Кіевѣ. Кіевъ, главный городъ небольшой кіевской волости, разоренный и опустошенный татарами, не имѣетъ ни малѣйшей аналогіи съ Римомъ, центромъ древняго міра, вѣковому господству котораго привыкли подчиняться народы Европы, Азіи и Африки. Митрополиты перебрались на сѣверъ потому, что онъ представлялъ болѣе замиренное мѣсто жительства. Они искали не власти, которой можно было бы подчиниться, а власти, на которую можно было бы опереться. И такою властью оказались ханы ордынскіе, а не московскіе князья, какъ полагаетъ Соловьевъ, говоря о стремленіи митрополитовъ на сѣверъ, подъ покровъ могущества гражданскаго. Этотъ покровъ русское духовенство нашло у иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Первый русскій митрополитъ, поставленный послѣ разоренія Кіева, Кириллъ, учреждаетъ православную епископію въ столицѣ хановъ и получаетъ отъ Менгу Темира жалованную грамоту, ограждающую права духовенство на вѣчныя времена. Черное духовенство и бѣлое, а также сыновья и братья послѣдняго (живущіе въ одномъ домѣ) освобождаются отъ всякихъ даней и повинностей денежныхъ и натуральныхъ. Церковныя земли и люди объявляются неприкосновенными. На церковныхъ людей, къ которымъ причислены мастера и всякіе слуги и работники, не могутъ быть возложены никакія службы и работы свѣтскими властями. Всѣ принадлежности богослуженія объявлены неприкосновенными. За хулу противъ православной вѣры возвѣщена смертная казнь. Тоже наказаніе угрожаетъ и за всякое нарушеніе предоставленныхъ духовенству привилегій. Рум. Собр. II № 2. Съ такимъ ярлыкомъ въ рукахъ русское духовенство не только было независимо отъ мѣстной княжеской власти, но даже ограничивало ее. Нетолько татар-

ские баскаки, но и русскіе князья не могли облагать духовенство повинностями, не могли касаться его водъ и земель, не могли проявлять свою власть надъ его слугами и работниками. Переселеніе митрополитовъ на сѣверъ совпадаетъ съ моментомъ формальнаго признанія полной независимости духовенства отъ русской свѣтской власти. Это привилегированное положеніе вспоминалось нашему духовенству еще въ XVI вѣкѣ. Когда при вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ былъ возбужденъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, духовный соборъ, обсуждавшій этотъ вопросъ, въ своемъ, отвѣтѣ царю, между прочимъ, говоритъ: «Мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ св. церквей и отъ свящ. мѣстъ ничто же не имаху, и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, и судити, или поколебати... и зѣло по св. церквахъ побораху, не токмо въ своихъ странахъ, но и въ Руссійскомъ вашемъ царствіи, и ярлыки давали» (Карамзинъ, VI, пр. 622). Независимое положеніе, упроченное за духовенствомъ ханскими ярлыками XIII вѣка, служитъ ему средствомъ въ борьбѣ съ московскими вел. князьями даже въ XVI-мъ. Можетъ показаться страннымъ и даже мало вѣроятнымъ, что татары способствовали возвышенію и княжеской власти и власти духовенства. А между тѣмъ это такъ было. Такими то извилистыми путями шла наша исторія.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WID ER
CANCELLED
MAY 1 1989
22748